

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

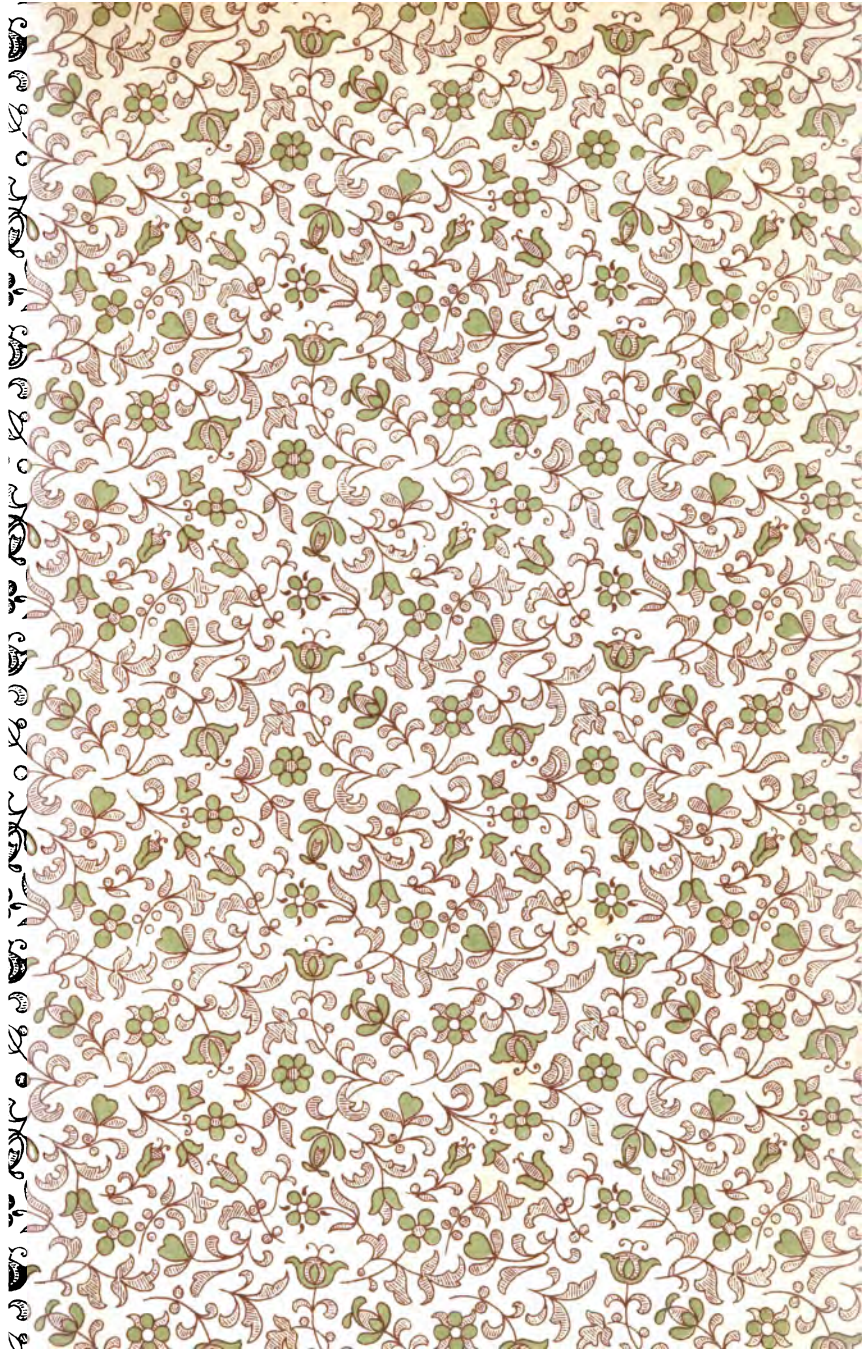
Сочинения
Л. Н. МАЙКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» 1975

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

А. Н. МАЙКОВА.

II.

161

Мученики.

И Амур наш сагаур: иди, ослысь ии градъ,
Во мучени^(своице)и твои ади, имодъ маур орокъ и аиниодъ,
Медь ивбуженуби, до ерока итперъ,
Дадъ иидо мугеиу еиенъ оиу погуиомъ,
Козинаидымъ Мемати и евриа поичеиачи,
Мур дило до ериу евоу евиинибуку Вугиуръ.

A. Mairambz

Майков, А. Н.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
А. Н. МАЙКОВА.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ

ИСПРАВЛЕННОМЪ И ДОПОЛНЕННОМЪ

АВТОРОМЪ.

Въ четырехъ томахъ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КАРТИНЫ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Ф. МАРКСА. Измайловскій прос., № 29

1901.

Ке

PG3337

M2

1901

v.2

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

I. Вѣка и народы. 1—128.

	СТРАН.
1. Іафеть	3
2. Монастырь. (Введеніе къ ненаписанной поэмѣ).	12
3. Савонарола	15
4. Клермонтскій соборъ	23
5. Пѣвецъ. (Изъ Шамиссо).	36
6. Исповѣдь королевы. (Легенда объ испанской инквизиціи)	39
7. Жрецъ. (Отрывокъ)	64
8. Послѣдніе язычники	70
9. Приговоръ. (Легенда о Констанцскомъ соборѣ).	75
10. Поэтъ и цвѣточница. (Гётевская элегія)	83
11. Алексій и Дора. (Пересказъ Гётевской элегіи)	94
12. Конь. (Изъ сербскихъ пѣсенъ).	100
13. Пастухъ. (Испанская легенда).	103
14. Менестрель. (Провансальскій романсъ)	108
15. Принцесса Шабашъ. (Изъ Гейне)	111
16. Маріэтта. (Я. П. Полонскому)	119
17. Старый дождь	125

II. Изъ славянскаго міра. 129—180.

18. Никогда! (Первая встрѣча славянъ съ римлянами)	131
19. Любуша и Премысль	142
20. Сабля царя Вукашина. (Изъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ).	149
21. Сербская церковь. (Сербское преданіе)	156
22. Какъ отдалилъ турецкій султанъ Московскаго царя	163
23. Сонъ королевича Марка	171
24. Радойца. (Изъ сербскихъ пѣсенъ)	175

III. Новогреческія пѣсни. 181—228.

25. Колыбельная пѣсня	183
26. Мать и дѣти	184
27. «Ласточка примчалась»	185
28. Двустипшія	186
29. «Я бѣ тебя поцѣловала»	187
30. «Тихо море голубое!»	188
31. Подѣлуй	189
32. «Свѣтлый праздникъ будетъ скоро»	190
33. «Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ»	191
34. «Межъ тремя морями башня»	192
35. Старый мужъ	193
36. Молодая жена	194
37. Пѣвецъ	196
38. «Птички-ласточки, летите»	197
39. Олимпъ и Киссавъ	199
40. Голосъ изъ могилы	200
41. Плѣнникъ	201
42. Гаданіе	202
43. Цавелиха	204
44. «Побѣду клефты празднують, пируютъ капитаны»	205
45. Плачь Паргіотовъ	206
46. Деспо	208
47. Завѣщаніе	209
48. «Сорокъ клефтовъ на зимовки»	211
49. Чужбина	213
50. Борьба со смертью	215
51. Адъ	218
52. «Что горы потемнѣли?»	219
53. «Привольте на горахъ родныхъ — привольте въ темныхъ долахъ...»	221
54. «Въ темномъ адѣ, подъ землею»	223
55. «Опустѣли наши села»	224
56. «Показалась звѣзда на востокѣ»	226
57. Христось Воскресе	228

IV. Отзѣвы жизни. 229—342.

58. Духъ вѣка	231
59. Грѣзы. (Отрывокъ)	246
60. Барышнѣ	267
61. Дурочка. (Идиллія)	281
62. Рыбная ловля	291
63. Три правды. (Сказка)	300
64. Картинка. (Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)	306
65. Поля	309
66. Бабушка и внучекъ	315
67. Упраздненный монастырь	322
68. Пѣсни	333
69. Два бѣса	336

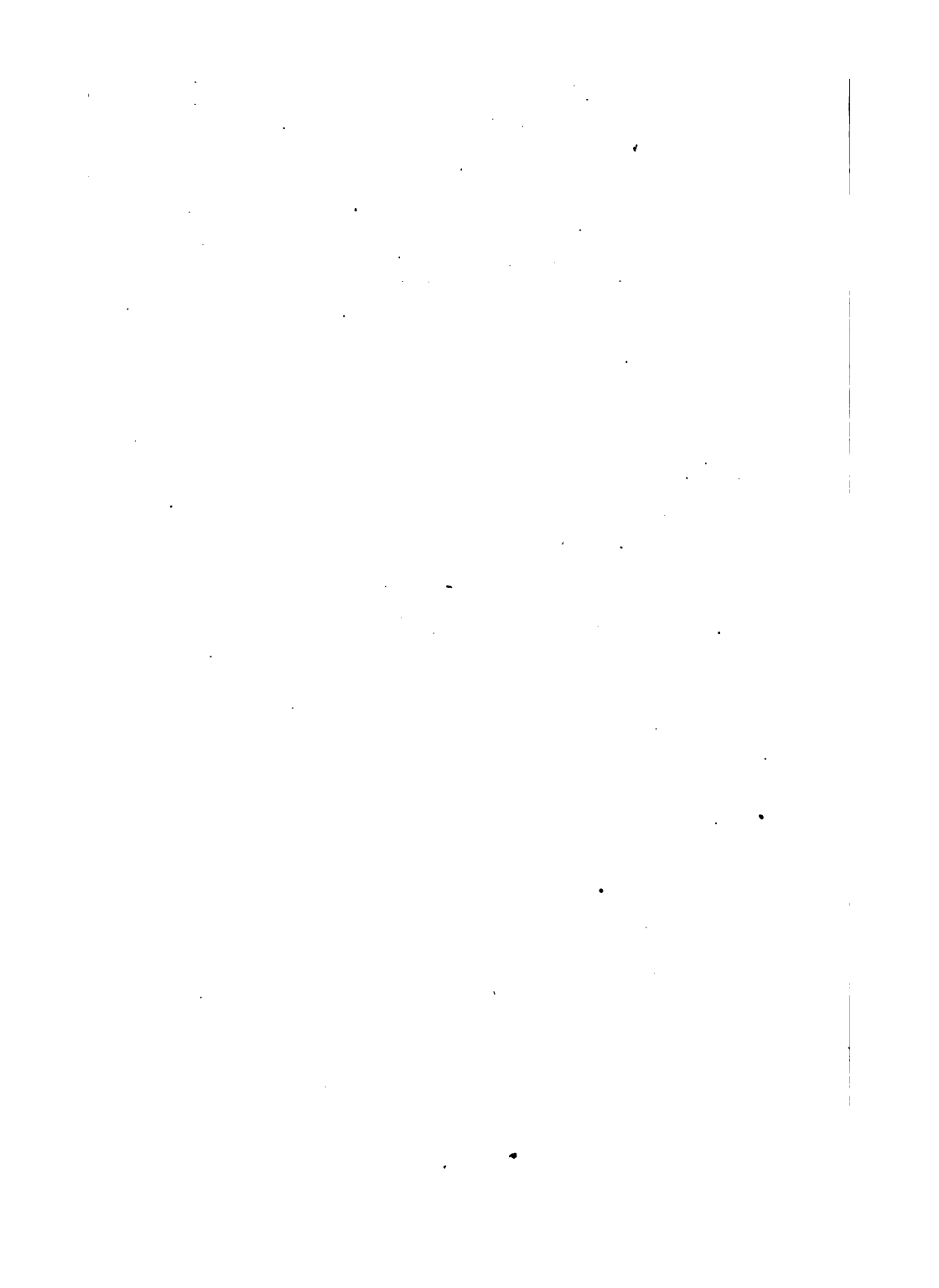
V. Отзѣвы исторіи. 343—438.

70. Емшань	345
71. Въ Городцѣ въ 1263 году	350
72. У гроба Грознаго	355
73. Стрѣлцкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ	360
74. Кто онъ?	370
75. Сказаніе о Петрѣ Великомъ въ преданіяхъ Сѣвернаго края	373
76. Ломоносовъ	377
77. Менуэтъ. (Разсказъ стараго бригадира)	382
78. Сказаніе о 1812 годѣ	385
79. Западная Русь. (Посвящается западно-русскимъ братствамъ)	389
80. Князю Друцкому-Любецкому	392
81. М. Н. Каткову: 1. «Мы — Москвичи! что дѣлать, милый другъ!»	396
2. «Что можетъ міру дать Востокъ?»	397
82. Ѳ. И. Тютчеву	398
83. Казакъ. (Дѣтямъ —мъ)	399
84. Въ Айя-Софи	402
85. Передъ войной	406
86. Во время войны 1877—1878 года. 1. «Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ»	407

	2. Къ картинѣ Айвазовскаго	408
87.	На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г.	410
88.	Кантата, исполнявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія на Царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича	413
89.	Въ день вѣнчанія на Царство Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича.	421
90.	На событіе 17-го октября.	422
91.	Къ портрету Государя Императора Александра Александровича.	423
92.	На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи	424
93.	Завѣтъ старины	425
94.	Судъ предковъ. (Посвящается К. К. Случевскому)	427
VI. Юбилеи. 439—464.		
95.	Юбилей Шекспира	441
96.	Крыловъ.	444
97.	Карамзинъ. (Посв. Мих. Петр. Погодину).	446
98.	Жуковский	451
99.	Пушкину	455
100.	Я. П. Полонскому. (Читано на его пятидесятилѣтнемъ юбилей 10 апрѣля 1887 г.).	458
101.	А. А. Фету. (Въ день его 50-лѣтняго юбилея 28 января 1889 г.).	460
102.	А. Г. Рубинштейну.	461
103.	А. П. Милюкову. (По поводу моего пятидесятилѣтняго юбилея 1888 г. апр. 30).	463
VII. Слово о Полку Игоревѣ. 465—560		
	Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ.	467
	Слово о Полку Игоревѣ.	507
	Объяснительныя примѣчанія къ тексту «Слова о Полку Игоревѣ».	535

I.

ВЪКА и НАРОДЫ.

I.

ІАФЕТЪ.

...И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ,
И Богъ его благословилъ,
И родъ сыновъ его умножилъ,
И имъ всю землю раздѣлилъ.

И Іафеть пошелъ къ полночи,
Держа къ звѣздѣ полярной очи,
И сталъ онъ у Кавказъ-горы,
И тамъ разбилъ свои шатры.

И былъ, какъ полная кошница,
Обиленъ станъ его добромъ.
Стѣной широкой колесницы
Стояли праздныя кругомъ.

Межь нихъ паслись, высокогруды
Степные кони и мулы,
И двугорбатые верблюды,
И мягкорунные овны.

И наконецъ приспѣло время,
И страшный часъ насталь: бѣжить
Все многочисленное племя
На холмъ и къ праотцу спѣшить
Съ сосѣднихъ горъ и изъ долины,
Отъ стадъ и плуговъ, изъ шатровъ...
На головахъ льняной покровъ,
Одѣты въ кожи всѣ звѣрины.
На холмѣ томъ, и дряхль и сѣдъ.
Кончался старецъ, изнуренный
Тяжелой ношей многихъ лѣтъ,
Племень сихъ прадѣдъ вдохновенный,
Ихъ вождь въ пустынь, Іафеть.
И патриархъ среброволосый
Скорбящій родъ совокупилъ:
На небо, море и утесы
Взоръ просіявшій устремилъ.
Всходило солнце. Горъ громады.
Ихъ ледяныя колоннады
Востокъ пурпурный обагрять.

И старецъ рекъ: «Когда удары
Громовъ Господнихъ пронеслись;
Когда, свершительницы кары,
Въ брегахъ пучины улеглись;
Когда, какъ мость, отъ Арарата
На льдами вѣнчанный Кавказъ
Дуга спасенья извилась,
Я велъ стада свои у ската
Горы. Явился мнѣ тогда
Безвѣстный мужъ. Надъ нимъ свѣтила
Большая, яркая звѣзда;
На раменахъ златыя крила—
Я палъ лицомъ къ землѣ. Онъ рекъ:
«Оставь стада, иди за мною!»
Мы шли. Предъ нимъ, смиряли бѣгъ
Ручьи. Надъ бездною сѣдою
Нерукотворный мость взлеталъ,
Лизали землю львы степные,
Гдѣ мужъ таинственный ступаль.
Взошли мы на гору. Густыя
Внизу курились облака,
Сквозился лѣсъ, а тамъ рѣка
О скалы билася вѣковья.
Сказалъ онъ: «Видишь эту синь?..
То море. Тамъ, за синью этой;

Есть много дебрей и пустынь:
Тамъ горы тучами одѣты;
Тамъ рѣки тихія текутъ
Между зелеными лѣсами;
Тамъ, подъ глубокими снѣгами,
Долины солнца долго ждуть,
И скуденъ даръ произрастенья...
Но не пугайся этихъ странъ:
Высокій жребій будетъ данъ
Странамъ снѣговъ и запусѣнья;
Лишь только бѣ сонъ ихъ пробудилъ
Духъ творчій, сущій въ человѣкѣ,
Замкнулъ бы пристанями рѣки,
И землю острымъ плугомъ взрылъ...
Но вамъ ли, Юга воскормленцамъ,
Познать высокіе труды
Изобрѣтательной нужды?
Вамъ, избалованнымъ младенцамъ,
Уразумѣть законъ міровъ,
Поработить природы силы?...
Ничтожна мощь земли сыновъ,
Доколь ея не озарило
Сіянье горяго огня...
Ты воленъ: вотъ тебѣ на выборъ,—
Живи безпечень, какъ дитя,

Какъ звѣроловъ, пастухъ иль рыбарь,
Но блеска истины не знай,
Не вѣдай тайны мірозданья,
Не чувствууй гордаго сознанья,
Какъ звѣрь косматый... Выбирай!»
Предъ дивнымъ мужемъ, весь дрожащій,
Чело я долу преклонилъ,
И онъ главу мою накрылъ
Своею ризою блестящей...
Зажмурия очи, недвижимъ,
Я только чувствовалъ, что льется
Мнѣ въ душу свѣтъ, и передъ нимъ
Глубокій мракъ въ ней раздается...
И сталь я вдругъ могучъ и смѣль.
Открылъ глаза—все предо мною
Сіяло новой красотою—
Какъ бы внезапно я прозрѣлъ.
А онъ исчезъ, и кто сей странникъ,
Не знаю,—ангелъ ли святой,
Иль нѣкій демонъ проклятой,
Небесъ сіяющихъ изгнанникъ?

«Съ тѣхъ поръ размноженныхъ людей
Не могъ сносить я жизни скудной,
Мнѣ было душно. Брегъ безлюдной

Пустынныхъ волнъ мнѣ быть милѣй.
Я погружался въ созерцанье
Ночныхъ небесъ. Я изучилъ
Теченье мирное свѣтилъ
И тайный чинъ ихъ сочетанья
Я понялъ мысль, далъ слово ей,
Одной чертой увѣковѣчилъ,
И полузвѣрственныхъ людей
Обожествилъ, очеловѣчилъ.
По волѣ случая, они
То тамъ, то здѣсь влачили дни:
Въ шатры, въ древесныя лачуги
Изъ мглы пещеръ ихъ вызвалъ я,
Запрягъ воловъ въ желѣзныя плуги,
Смирилъ строптиваго коня...
Но что жь? Во глубинѣ науки
Обрѣлъ я гибельныя муки
И отравилъ остатокъ дней
Какой-то карой беспощадной.
Я чуялъ въ сердцѣ—острый змѣй
Его терзалъ, иль коршунъ хладной
Его живое исклевалъ.
Какой-то демонъ безпокойной
Меня тревожилъ жаждой знойной,
Сомнѣваемъ мысль мою смущалъ.

Рвался я вдаль, — слабли силы,
И даръ блестящій, даръ унылый,
Небесный огонь — я проклинал!

«Теперь ужь близокъ часъ: я гасну.
Кому жь предать сей даръ ужасный?
Чей взоръ предъ ликомъ Божества,
Имъ пораженъ, не онѣмѣть?
И чья не дрогнетъ голова,
Когда сей огонь надъ ней зардѣтъ?»

Безмолвень сонмъ его сыновъ
Предъ патріархомъ вдохновеннымъ,
И жены съ ужасомъ смятеннымъ
Внимали звукъ великихъ словъ.
И изо всѣхъ, на зовъ науки,
Пришли съ спокойствіемъ святымъ
Четыре правнука, предъ нимъ
Потупя взоръ, скрестивши руки.
На нихъ глядѣлъ онъ, полнъ любви—
«Идите, правнуки мои,
Васъ озаритъ поочередно,
Какъ яркой молніи струя,
Небесъ свѣтильникъ первородной.
Ты, чернокудрое дитя,

Иди на западъ! Тамъ, гдѣ море
Покрыто грудой острововъ,
Есть пышный край. Тамъ на просторѣ
Разросся лавръ. Въ груди холмовъ
Таится мраморъ. Мѣткимъ ломомъ
Отъ праха мраморъ оторви,
И мысли молніей и громомъ
Его ты къ жизни призови!
А ты, младенецъ съ строгимъ окомъ
И величавостью чела,
Суровый духомъ передъ рокомъ,
Тебѣ вѣковъ грядущихъ мгла
Готовитъ власть надъ цѣлымъ міромъ,
И будешь ты племя кумиромъ.
И какъ рабы они толпой
Пойдутъ въ оковахъ за тобой!
А вы, юнѣйшіе орлята
Любимцы правды, — туда,
Гдѣ дремлютъ тундры, рдѣютъ блатъ
Въ оковахъ сѣвернаго льда,
Идите!.. Міръ, облитый кровью,
Міръ дикой силы и оковъ
Преобразите вы любовью
И цѣпи снимете съ рабовъ.
Передаю вамъ огонь небесный!

Вы не угасите его!
И въ мірѣ будетъ повсемѣстно
Господней мысли торжество!
Блюдите вы его сіянье!
Любите скорбь и испытанья,
Въ которыхъ зрѣеть мысль и трудъ,
Какъ я любилъ свои страданья!
Святая скорби въ воздаянъе
Плоды святыя принесуть!>

Умолкъ. Въ слезахъ, вокругъ толпясь,
Лобзали избранные внуки
Его хладѣющія руки,
И тихо онъ, въ свой смертный часъ
Благословляя ихъ, угасъ!

1840.

II.

МОНАСТЫРЬ.

(Введеніе къ ненаписанной поэмѣ).

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзные оковы
И, знаменемъ креста прикрывъ нещадный мечъ,
Миръ проповѣдывалъ въ огнѣ немолчныхъ сѣчъ,
Сюда отшельницы водой въ ладьяхъ приплыли
И крестъ на сей горѣ блестящій водрузили,
И скоро храмъ возсталъ надъ влагой голубой.
Своей прозрачною, готической иглой
Овъ гордо возлеталъ въ воздушныя равнины,
И стѣны раскидалъ по скатамъ цѣпью длинной.
Но вотъ прошли вѣка—какъ остовъ, этотъ храмъ,
Какъ привидѣніе, чернѣетъ по ночамъ;
Въ ночномъ молчаніи, какъ выходцы гробницы,

Пагіе остовы и башень, и бойницы:
Сквозь окна древнія пробился лучъ луны
Серебряной рѣкой вдоль подземельныхъ сходовъ;
Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ.
Пригнулися къ землѣ... Все тлѣніе и прахъ!
Здѣсь, за оградю, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятя,
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятыя;
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли,
И въ мирной келіи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну, отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
На лоно вѣчности, въ надоблачный эфиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны,
И бѣдную зовутъ въ чертогъ гостепріимный?

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ иль кликъ опасной битвы...
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясныя красавицы глаза,
По блѣдному лицу жемчужиной блистала...
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь золотыхъ кудрей
Волною падала по мрамору плечей,
И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?..

1845.

III.

САВОНАРОЛА.

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся странный карнавалъ.
Всѣ въ бѣломъ, съ вѣтвю оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятые инокѣ несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ далекихъ потрясенъ.

Они на площадь направлялись,
Туда жь по улицамъ другимъ,
Пестрѣя, маски собирались

Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
Паяцъ и, съ лавкой разныхъ стклянокъ,
На колесницѣ шарлатанъ,
И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
И Вакхъ со свитою вакханокъ.
Но, будто волны въ берегахъ,
Вдругъ останавливались маски,
И прекращались смѣхъ и пляски:
На площади, на трехъ кострахъ,
Монахи складывали въ груды
Все то, что тѣшить рѣзвый свѣтъ
Приманкой нѣги и суетъ.
Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И сладострастныя картины,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстныхъ кантиленъ,
И кучи масокъ и корсетовъ,
Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи...
Надъ этой грудой стояло,

Верхомъ на маленькомъ конькѣ,
Изображенъе карнавала—
Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.

Сюда процессія вступила.
На помость всталъ монахъ сѣдой,
И чудно солнцемъ озарило
Его фигуру надъ толпой.
Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтились глаза:
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ.
Монахъ училъ, какъ древле жили
Общины первыхъ христіанъ,
«А вы», сказалъ: «вы воскресили
Разбитый ими истуканъ!
Забыли въ шумѣ сатурналій
Молчанье строгое постовъ!
Святую біблію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли;
Пустынной маннѣ предпочли

Пиры египетской земли!
До знаній жадны, вѣрой скупы,
Понять вы тщитесь бытіе,
Анатомируете трупы—
А сердце знаете ль свое?..
О, Матерь Божія! Тебя ли,
Мое прибѣжище въ печали,
Въ чертахъ блудницы вижу я!
Съ блудницъ художникъ маловѣрный
Чертить, исполненъ всякой скверны,
И выдаетъ намъ за Тебя!..
Развратъ повсюду лицемѣрный!
Васъ тѣшитъ пестрый маскарадъ—
Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски
И въ сердце намъ вливаетъ ядъ.
Въ винѣ, въ наукѣ, въ женской ласкѣ
Вамъ сѣти ставить хитрый адъ,
И, какъ безмысленныя дѣти,
Вы слѣпо падаете въ сѣти!..
Пора! зову я васъ на брань.
Изъ-за трапезы каждый встань,
Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!
Снѣшите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здѣсь искушеніе грѣхамъ!

Проклятье играмъ и костюмъ!
Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
Проклятье мудрости людской,
Въ которой овцы Божья стада
Теряютъ вѣру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
Въ сей день великій искушенья
Свои намъ молніи пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь домъ грѣха испепели!»

Умолкъ—и факеломъ зажженнымъ
Взмахнулъ надъ праздничнымъ костромъ;
Раздался пушекъ страшный громъ;
Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Те Деумъ грянулъ мрачный хоръ—
Столбомъ всталъ огненный костеръ.
Толпы народа оробѣли,
Молились, набожно глядѣли,
Святаго ужаса полны,
Какъ грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобрѣтенья сатаны,
И какъ фигура карнавала, —

Его колпакъ и дѣтскій конь—
Качалась, тлѣла, обгорала
И съ шумомъ рухнула въ огонь.

Прошли года. Монахъ крутой,
Какъ геній. смерти, воцарился
Въ столицѣ шумной и живой—
И городъ весь преобразился.
Облекся трауромъ народъ,
Вездѣ вериги, власяница,
Постомъ измученныя лица,
Молебны, звонъ да крестный ходъ.
Монахъ, какъ будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжималъ,
И дерзко ссорился онъ съ папой,
Въ безвѣрьи папу уличалъ...
Но съ папой спорить было рано:
Неравенъ былъ строптивый споръ,
И главъ вѣнчаныхъ Ватикана
Еще могучъ былъ приговоръ...
И вотъ опять костеръ багровый
На той же площади пылалъ:
Палачъ у висѣлицы новой
Спокойно жертвы новой ждалъ,
И грозный папскій трибуналъ

Стоялъ на помостѣ высокомъ.
На казнь монаховъ привели.
Они, въ молчаніи глубокомъ,
На смерть, какъ мученики, шли.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ же самый,
Къ кому народъ стекался въ храмы,
Кто отворялъ свои уста
Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
Христомъ былъ духъ его напитаъ
И за Него на казнь онъ шелъ;
Христа же именемъ прочитаъ
Монаху смертный протоколъ,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
И пламя вмигъ его объяло,
И, задыхаясь, произнесъ
Онъ въ самомъ пламени «Христось!»

Христось, Христось! но, умирая,
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христось! онъ понялъ ли Тебя?
О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналь,

И, Магдалину, возрождая,
Дѣтей на жизнь благословляя!
И человекъ, въ Твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятилъ,—и возросло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца жъ ликъ суровый
Былъ чуждъ любви—и самъ онъ палъ
Безплодной жертвою
.

1851.

IV.

КЛЕРМОНТСКИЙ СОБОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не пирь,
Не на воинственный турнирь
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что дугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ
Въ тиарѣ папа воссѣдалъ.

У трона — герцоги, бароны,
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ — сирыхъ обороны —
Толпою рыцари стоять:
Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъ,
И Галлъ, отважный сибарить,
И въ шлемахъ съ перьями Испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Державшій свергнуть папства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздись, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветь:
Все это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба —
Какъ будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними стаяй лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены

Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мѣрѣ. Виденъ крестъ
Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вокругъ клубился дымъ и мгла...
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ—и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ;
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:

«Смиранный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильныя земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движеть мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранить слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участя,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцаю цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупяете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,

Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!..
А тѣхъ страдальцевъ миллионы,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой
Что къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,

Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ.
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святыя храмы безъ крестовъ!
◆Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнь,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнь!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись;
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня прыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!

Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,—
А онъ Евангелья словами
Господне славиль торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.

«И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви! .
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не прійдетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя—
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несеть онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несеть!

Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой Самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, вѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ —
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой:
Они васъ ждуть, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ обლობзать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы

Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!..»

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто грома
Перегатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идемъ, оставимъ женъ и дома!»
И въ умилениі святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла —
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церковей колокола.

* *
*

Вотъ такъ латинскіе народы,
Во имя братства и любви,

Шли въ отдаленные походы.
Кипѣла доблесть въ ихъ крови.
Иудѣ чуждая и Крезамъ,
Лишь славолюбіемъ дыша,
Подъ этой сталью и желѣзомъ
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На насъ колоссами глядятъ,
Которыхъ каменные груди
Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.
Тогда въ ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужъ нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгоравшійся вулканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ мильоны:
Дуль съ степи жаркій ураганъ,
Металась степь какъ океанъ —
Востокъ чреватъ былъ Чингисханомъ!
И Русь одна тогда была
Сторожевымъ Европы станомъ
И ужъ за вѣру кровь лила...
Не долго рыцарей глубоко
Такъ трогаль кликъ: «Іерусалимъ!»

Стонъ христіанскаго Востока
Все глуше становился имъ!
Россія гнила: къ христіанамъ
Взывала воплями она;
Но какъ Іосифъ Агарянамъ
Была отъ братьевъ продана!
Упала съ громомъ Византія;
Семья Славянскихъ царствъ за ней;
Столпы сложились костяные
Изъ череповъ богатырей;
За честь Евангелія Христова
Сыны Людовика Святого
Ужь выручать не шли Царьградъ.
Отъ брата отшатнулся братъ...
Мы — крестоносцы отъ начала!
Орда рвала насъ по клочкамъ,
Насъ жгла, — но лучше смерть, чѣмъ срамъ,
Страдальцевъ кровью возрастала
И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
И, вѣрная себѣ, идетъ
Въ обѣтованный свой походъ.
За что же западные братья,
Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
Ей шлютъ безумныя проклятья,
Какъ скрежетъ демоновъ во слѣдъ?

За что жь съ тоскою и заботой
На насъ они, косясь, глядятъ?
За что жь на насъ идутъ ихъ флоты
И намъ погибелью грозятъ?
За что жь?.. За то, что мы созрѣли,
Что вдругъ въ ученикахъ своихъ
Они совмѣстниковъ узрѣли;
Что то не шутка: между нихъ
Мы смѣло требуемъ гражданства!
Мы не пришельцы — зиждемъ храмъ
Еще невѣдомый вѣкамъ;
На необъятное пространство
Фундаментъ вывели; предъ нимъ
Блѣднѣютъ древнія державы, —
И новыхъ силъ, и новой славы
Младое солнце страшно имъ!
Докончить храмъ—въ насъ есть отвага,
Въ насъ вѣра есть, въ насъ сила есть,
Всѣ для него земныя блага
Готовы въ жертву мы принести...
За то, что намъ пришлось на долю
Свершить, что Западъ начиналъ;
Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
Творить Его святую волю;
Что мы подъ знаменемъ Креста

Не лицемѣримъ, не торгуемъ,
И фарисейскимъ поцѣлуемъ
Не лобызаемъ мы Христа...
И, можетъ быть, враги предвидяъ,
Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдеть
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
Гигантовъ — съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ — какъ ихъ мѣръ однажды
Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.

1853.

V.

ПѢВЕЦЪ.

(Изъ Шамиссо).

Свѣтель ликомъ, съ смѣлой лирой,
Передъ юностью цвѣтущей,
Пѣлъ старикъ худой сирой:
«Я — въ пустынѣ вопіющій!»
Возглашалъ онъ: «все прійдетъ!»
Тише, вѣтреное племя!
Созидающее время
Все съ собою принесеть!

«Плодо, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
Древо жизни потрясать!
Лишь цвѣты еще на древѣ!
Дайте плодъ имъ завязать!
Недозрѣвъ — онъ полнъ отравы,
А созрѣветъ --- самъ спадеть,

И довольства вамъ и славы
Въ ваши дома принесетъ».

Юность вокругъ толкуетъ важно,
На пѣвца какъ звѣрь ярся:
«Что онъ лирою продажной
Останавливаетъ насъ?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеимъ!
Пусть народныя проклятыя
Всюду слѣдуютъ за нимъ»...

Во дворецъ съ своею лирой
Онъ пришелъ, къ царю зовущій:
Громко пѣлъ, худой и сирой:
«Я -- въ пустынѣ вопіющій!
Царь! впередъ иди, впередъ!
Вѣкъ зоветь! созрѣло сѣмя!
Созидающее время
Не прощаетъ и не ждетъ!

«Гонить вѣтеръ, мчитъ теченье!
Смѣло парусъ расправляй!
Божьей мысли откровенье
Въ шумѣ бури угадай!

Просіяй передъ народомъ
Этой мысли торжествомъ, —
И поидеть спокойнымъ ходомъ
Онъ за царственнымъ вождемъ!»

Внялъ владыко... онѣмѣли
Царедворцы и, съ тоской,
Шепчуть: какъ не досмотрѣли!
Какъ онъ смѣлъ? Кто онъ такой?
Что за бредни онъ городить!
Соблазняетъ липъ людей
И царя въ сомнѣнье вводитъ...
На-цѣль дерзкаго скорѣй!»

И въ тюрьмѣ, съ спокойной лирой,
Тихъ предъ силою гнетущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
«Я — въ пустынѣ воиющій!
Долгъ свершенъ. Пророкъ молчить.
Честно снесъ онъ жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершить».

1857.

VI.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ.

Легенда объ испанской инквизиціи.

Искони твердятъ испанки:
«Въ кастаньеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу,
Да на исповѣди плакать —

«Три блаженства только въ жизни!»
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньеты
Ладятъ съ звонкою гитарой;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ подъ звѣздной ризой ночи
Жены нѣжны, смѣль любовникъ,
И ревнива зорки очи;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы...

И искусный исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ быть — дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборокъ!

И таковъ былъ у Сан-Пабло
Исповѣдникъ знаменитый
Донъ Гуанъ ди Сан-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севилья,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части...

Разъ вошла въ Сан-Пабло дама...
Храмъ былъ пустъ; одни, нѣмая,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ
Изваянья расписныя

По стѣнамъ стояли церкви,
Созерца я благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собачонка,
Поль обнюхивая гладкой...

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но — инкогнито съ монахомъ
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она предъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло
Раздалось: «Чего желаетъ
Королева Изабелла?»

Дама вздрогнула, и въ страхѣ
Уронила на полъ чётки,
Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшетки:

«Благо кающимся, благо.
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ мира и покоя!

«Въ чемъ грѣшна ты передъ Богомъ?
Кайся мнѣ нелицемѣрно!»
И покаялася дама
Католичкою примѣрной!

«Утромъ нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола...
Было послѣ такъ мнѣ стыдно...

«Мы поссорились съ супругомъ...
Почему, сама не знаю,
Я его въ опочивальню
Ужь недѣлю не пускаю...

« Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную... но со мною
Что-то странное творится...
Точно спорю я съ собою...

«Надо думать лишь о мужѣ,
Безпрестанно повторяю,
И — другого, чуть забудусь,
Через мигъ воображаю.

«Донъ Фернандо, донъ Фернандо!
Я твержу усиленно, внятно,—
Изъ груди жь другое имя
Рвется съ силой непонятной!

«Такъ и крикнула бь съ балкона,
Ночью, въ небо голубое,
И на все бы королевство,
Это имя роковое!

«Сердцу страшно съ этой тайной
Притворяться и лукавить...
Помоги мнѣ... ты умѣешь
И утѣшить, и наставить»...

Могъ утѣшить и наставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣлъ на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ:

— «Трудно дать совѣтъ, сказалъ онъ;
Этотъ грѣхъ — не какъ другіе...
Онъ — предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иные!

«Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней —
И тебя спасти мнѣ трудно:
Ты забыла страхъ Господній!

«Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьи плоти грѣшной
Есть спасенье: но убійцѣ
Духа Божья — адъ кромѣшный!»

Изабелла содрогнулась, —
Но скользить надъ адской бездной
Ей, какъ истой кастильянкѣ,
Было жутко — но любезно!

— «Научи жь, что дѣлать, padre!
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Сан-Яго».

— «Если бь храмъ ты не изъ злата
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устроила,

«И стояла бы у двери,
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,
Возбраняя входъ гѣнамъ
И ехиднамъ злошипящимъ, —

«Ты бь избѣгла страшной кары!
Зла мятежныя пучины
Тщетно бь храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

«Разлилось нечестья море,
И волною досягнуло
Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

«Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнь его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье...

«Вотъ и казнь за то!..»—«За что же?»—
— «Иль не видишь, королева,
Погляди—плоды несмѣтны
Сатанинскаго посѣва.

«Вся страна—кипитъ жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

«Саламанхскіе студенты,
Купно съ мавромъ, съ жидовиномъ,
Надъ одной толкуютъ книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

«Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтить, на зло закону,
И разносить духъ въ народѣ,
Вѣрѣ гибельный и трону:

«Мудрость истинную презря,
Что толкуеть людъ безбожный?
Будто шаръ—земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

«И открыть такія земли,
О которыхъ ни въ Писаньи
Нѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьи!

«Говорять, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлхъ сотняхъ размножаютъ—

-Что же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размечеть?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

«И... и кто же рукоплещеть
Этой пляскѣ вавилонской?
Въ комъ покровъ ей и защита!
Въ королевѣ аррагонской!..»

Такъ, борясь съ врагомъ исконнымъ.
Говорилъ онъ королевѣ
Объ ея отчетѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ,---

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашель монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно бронею одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молвѣ повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужъ сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но искуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

«Ну, а этотъ!.. мнѣ пророчить
Адъ и всяческіе страхи
За жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всѣ монахи!»

И собою не владѣя,
Изабелла гордо встала,
И вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

«Я, какъ женщина, о радге,
Дѣлъ правленья не касаюсь.
Ихъ—король ведетъ. Сама же,
Въ чемъ грѣшна я—въ томъ и каюсь.

«Мнѣ самой жиды противны.
Но они—народъ торговый,
И—политикъ это цѣвнать—
На налогъ всегда готовый.

«Съ королемъ, моимъ супругомъ,
Въ Саламанхѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.

«Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я жь скажу, что говорила—
Въ ихъ сердцахъ—опора трона,
Наша слава, наша сила!..

«А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ быть, забавныхъ,
Ужь давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.

«Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять—не знаю!
И возможно ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!

«Пусть ихъ мыслять, пусть ихъ ищутъ!
Мысль мнѣ дастъ бѣднякъ ученый—
Изъ нея, быть можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!

«И—что будетъ—воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ:
Міру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяеть!»

И уйти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ.
Расхвалившихъ ей монаха.

Но монаха, зная, не даромъ
Жены славили и дѣвы:
Какъ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣтѣ
Встрепенулся,—со слезами
Упуская эту душу,
Отягченную грѣхами!

— «Погоди!» онъ кликнулъ громко,
«И познай: не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

«Я въ лицо тебя не видѣлъ:
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жь сказалъ, что предо мною
Королева Изабелла?

«Все, царица, все я знаю...
Всѣ дѣла твои, мечтанья,
Даже—имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье...

«Балъ французскаго посольства...
Кавалеръ иноплеменный
Въ черной маскѣ... на охотѣ
Разговоръ уединенный...

«Послѣ въ паркѣ»... — «Здѣсь измѣна!»
Горькимъ вырвалося стономъ
Изъ груди у королевы.
«Кто же былъ за мной шпиономъ?..

«Кто? отвѣтствуй!..» Все забывши,
Воскликнула королева—
Величава и прекрасна
Въ блескѣ царственнаго гнѣва...

Если бъ не былъ Сан-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бъ сказалъ: глаза горѣли,
У него какъ у гіены:

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гіены
Точно молнія сверкнула!

Но... сверкнула—и угасла!
«Нѣтъ», стонала Изабелла,
Я одна лишь знала тайну!
Я владѣть собой умѣла!

«Даже онъ—не смѣлъ подумать!
Гдѣ жъ предатель? гдѣ Іуда?..
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать...»

— «И было чудо»,

Произнесъ монахъ—«и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты... Это имя—
Вотъ оно!..»

О, мигъ ужасный!..

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,
Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ,
И дрожа, шепнулъ ей что-то...

Отшатнулась, онѣмѣла
Королева въ лютомъ страхѣ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахѣ...

На нее жь его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли...

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова,
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова...

Въ храмѣ пусто, въ храмѣ тихо;
Неподвижны вокругъ святыя;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы неземныя...

Лишь звучалъ монаха шопотъ
И порывистый, и страстный:
«Признаю Твой промыслъ, Боже!
Персть Твой, Боже, вижу ясно!»

Свѣтель ликомъ, къ королевѣ
Онъ воззвалъ: «жена, не сѣтуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что въ ночь свершилось эту!

«Для меня вся ночь—молитва!
Видитъ плачь мой сокровенный,
И биење въ грудь, и муки
Онъ Одинъ, гвоздьми пронзенный!

«Въ эту ночь—среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Преисполнилъ свѣтъ небесный.

«Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Онѣмъ свѣтомъ окруженный,
Подошелъ ко мнѣ и позвалъ—
Я упалъ предъ нимъ смущенный.

«Онъ же рекъ тогда: «предстанеть
Нынѣ въ храмъ предъ тобою
Величайшая изъ грѣшницъ
Съ покровенной головою.

«Отврати ее отъ бездны,
Отъ пути Иезавели,
Коей кровь на стогнахъ града
Псы лизали, мясо ѣли».

«Усумнился я—помыслилъ:
То не въ грѣхъ ли новый вводить
Бѣсъ-прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродить?»

«Моему ли окаянству
Вѣрять Богъ Свое велѣнье?..»
Но прозрѣвъ угодникъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнье:

«Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?»
Я же: «о, владыко! труденъ
Этотъ подвигъ! Дьяволъ силенъ,
А мой разумъ слабъ и скуденъ».

«Повинуйся, рекъ онъ паки,
Повинуйся, рабъ лѣнивый!
Се есть знаменье, которымъ
Побѣдиши грѣхъ кичливый!»

«И развилъ онъ длинный свитокъ:
Въ буквѣхъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшенья и печали...

«И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакалъ
О тебѣ я, Изабелла!..»

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло...
«Чудо — гнѣвъ небесный — чудо...»
Какъ во снѣ она твердила...

«Неужель... не Ты, о Боже!
Двигалъ волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслию Твоею!

«Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,
О смягченьи грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!..

«Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ ввѣрять —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели — въ этомъ ересь!..»

— «О, заблудшееся сердце!»
Восклицалъ монахъ надъ нею.
«О, сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елею!

«Влей въ него святое мѣро!..
Гласа свыше удостоень,
Я земному не подкупень,
Средь житейскихъ волнъ — спокоень!

«Волю Божью, яко солнце,
Вижу ясно! въ чемъ спасенье —
Осязаю!.. Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ — прощенье!»

Говорилъ онъ вдохновенный,
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Міру чуждыя печали...

Изабелла, на колѣняхъ,
За слезой слезу роняла;
И, закрывъ лицо руками,
«Что жь мнѣ дѣлать?» повторяла.

— «Надо дѣлать во славу Божью!
Чтобъ они, дѣла благія,
На вѣсахъ предвѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

«Ополчился на нечестье!
Въ царствѣ зло вели измѣрить,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть cadaго провѣрить...

«Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ напичанъ —
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ!

«Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный —
Явно — дьявольскія клейма,
Духъ сомнѣнія зловередный!..»

Говорилъ онъ вдохновенный,
Но недвижная, нѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая...

«Трибуналь устрой духовный»,
Говорилъ онъ, «чрезвычайный,
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

«Чтобы слухъ его былъ всюду,
Глазъ насквозь бы видѣлъ души —
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

«Чтобъ стоялъ онъ невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, подъ землю,
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою...

«И тогда — въ твоихъ народахъ
Умъ и сердце, трудъ и знанье —
Все сольется въ хоръ согласный,
Восхвалять Отца созданья!

«Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
Слухъ Его не оскорбится...
И тебѣ тогда, царица,
Все простится! все простится!..»

— «Все простится...» повторила
Изабелла... лучъ желанный,
Какъ маякъ для морехода,
Ей блеснулъ въ дали туманной...

Подняла къ монаху очи:
Слезы все на нихъ дрожали,
Но уже сквозь слезъ надежда
И довѣріе сіяли...

— «Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
И зови меня, худого,
Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
Возжелаешь сердцемъ снова...»

«А въ дому своемъ отнынѣ
Тщися мудрыми рѣчами,
Какъ Эсфирь, въ супругѣ сердце
Преклонить — да будетъ съ нами!

«Говори ему въ совѣтъ,
Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
День и ночь, одно и то же!

«Такъ, какъ капля бьетъ о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о! все простится!
Всѣмъ угодна будешь Небу!...»

Онъ умолкъ. Ужь Изабелла,
Какъ дитя за нимъ слѣдила,
И за нимъ опять невольно —
«Все простится» — повторила...

По устамъ у Сан-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепеть...
Богомольныхъ дамъ — быть можетъ —
Вспомнилъ онъ невинный лепеть,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ будто осіянный
Новой мыслью, — «все простится»,
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

Во дворцѣ и передъ храмомъ,
Свита — донья и дуэньи
Ожидали королеву
Въ несказанномъ нетерпѣньи.

Какъ ей чудный исповѣдникъ
Показался — знать желали;
И едва она къ нимъ вышла,
Съ любопытствомъ вопрошали:

«Ну, каковъ?» — Собой владѣя,
Королева, безъ смущенья,
Равнодушно отвѣчала:
«Производитъ впечатлѣнье».

1861.

VII.

ЖРЕЦЪ.

(Отрывокъ).

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ,
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ,
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду,
И весь, какъ мумія, изсохъ.
«Учитесь», онъ вѣщалъ народу;
«Я жилъ средь васъ; я посѣщаль
Вертепы роскоши порочной,
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,

Ходилъ по рынкамъ я богатымъ, —
Но вотъ — ни крови, ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ,
И злато бросилъ нищимъ псамъ,
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ!»

И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыни дальнія направа.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Герофантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: «Иди, учися»,
Сказалъ: «и послѣ къ намъ вернися,
И тайну жизни намъ открой!»

Минули многіе ужъ годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;
Межъ тѣмъ онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ,
И изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь въ пустынѣ онъ бродилъ,
И ероглифами браздилъ
Людьми нетронутыя скалы.

Разъ у ручья онъ между скаль
Въ весенній вечеръ возсѣдалъ.
Пустыня въ сумракъ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца и безъ начала
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли, безъ слѣда...
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобныя муки?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса,
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?..
И вспомнилъ жрецъ, какъ бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусь страшный:
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухаль,
Лилось вино, дымились брашны,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,

Кидая въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ подала съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Поилъ онъ дѣву, и въ уста
Ее лобзаль, и какъ голубка,
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая:
«Она твоя! садись и пей!»
И ихъ оставилъ... И какъ змѣй
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвить,
Она впила въ него очами,
Идетъ къ нему, — и вдругъ руками
Онъ бѣлоснѣжными обвить!
Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... «Уйдемъ, уйдемъ!»
Она твердитъ: «бѣги со мною!
Вонъ бѣлый Нилъ! уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль! летимъ стрѣлою
Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное — люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!

Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
 Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!..»
 О, злыя чары женской рѣчи!..
 Благоухающія плечи
 Предъ нимъ открыты... рядъ зубовъ
 Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчуговъ...
 Густыя косы рассыпались
 Изъ-подъ повязки — и, блестя,
 Сережки длинныя качались,
 По ожерелью шелестя...
 И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
 И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
 Въ жрецѣ всю душу взволноваль:
 Окаменѣлъ онъ въ изумленѣ —
 Но вдругъ очнулся отъ забвенья,
 И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ!

Къ чему жъ опять она мелькнула,
 Какъ по пустынѣ мотылекъ?
 И обернулась, и вздохнула,
 Пролепетавъ: «а ты бы могъ...»
 Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,
 Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
 Ужъ въ неотступное видѣнье
 Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,

Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молить, то корить,
То вдругъ очнувшись, въ испугѣ,
Какъ отъ врага въ стени бѣжить...
Но нѣтъ забвенья! нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньѣ
Какъ будто выжженъ ясный ликъ—
Вездѣ лезбiанка младая!..
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь израненный реветъ,
Въ песокѣ катаясь, мiръ клянеть,
И въ ярости грозитъ богинѣ...
А вокругъ—безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпля звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...

1848, 1858.

VIII.

ПОСЛѢДНІЕ ЯЗЫЧНИКИ.

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
Увидѣлъ крестъ животворящій
Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ, молящій, ---

Смутились старыя вожди,
Столпы языческаго міра...
Они, съ отчаяньемъ въ груди,
Встаютъ съ одра, встаютъ отъ пира,

Бѣгутъ къ царю, вопятъ: «О царь!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!

«Предъ кѣмъ ты палъ? вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!

«Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распинать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь, скорѣй оковъ!
Безумна милость и пощада!»

Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣнъемъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.

Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали,
И шумно въ груди предъ царемъ
Свое оружье побросали —

И разошлись...

Побѣдилъ

Къ Христу прибѣгшій императоръ!
И предъ Распятымъ преклонилъ
Свои колѣна триумфаторъ.

И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христа снимать оковы,
И строить сталь за храмомъ храмъ,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старые въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падеть имперія родная.

Они собирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ...
А надъ вселенной крестъ горѣлъ,
Какъ солнца лучъ надъ вешнимъ лугомъ.

Осталось двое только ихъ.
Храня объѣтъ, другъ другу данный,
Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлись, розами вѣнчанны.

Заросъ и треснулъ старый храмъ;
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался:

Синѣль Эвксинъ, блестяль Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтные;
Тамъ—на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святые;

Тамъ—колесницы, корабли...
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣсть вдали
Съ побѣдной воинской трубою...

Смотрѣли молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «мы неправы».

Давно ужъ въ мiръ безъ утѣхъ
Свой вѣкъ они влачили оба;
Давно смѣшна была для всѣхъ
Тупая, старческая злоба...

Они глядятъ—и ждетъ ихъ взоръ—
Эвксинъ на городъ не прорвется ль?
Изъ-за морей нейдетъ ли моръ?
Кругомъ земля не пошатнется ль?

Глядятъ, не встанетъ ли кумирь...
Но Олимпіецъ, грудью въ прахъ,
Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сирь,
Какъ трупъ предъ палачомъ на плахъ.

Проклятыя самыя мертвы
У нихъ въ устахъ... лишь льются слезы,
И старцы съ дряхлой головы
Снимаютъ молча плющъ и розы...

Ушли... Распятіе въ пути
На перекресткѣ ихъ встрѣчаютъ....
Но нѣтъ! не поняли они,
Что Божій Сынъ и ихъ прощаетъ.

IX.

ПРИГОВОРЪ.

(Легенда о Констанцскомъ соборѣ).

На соборѣ, на Констанцскомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Югана Гуса,
Казнь ему избрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Перебравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, за источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ за орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ—предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...

Такъ, по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеняхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И, дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: «bene, bene!»
Люди, опытные въ спорѣ;

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ, какъ изъ лѣсу, выводитъ...

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье...
И соблазнъ великій вышелъ!
Такъ гласить повѣствованье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый;
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы;

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣеть
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользять лучи заката
Вкругъ по мантиямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усь задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя...

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился —

За владыкой — рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ,
Изъ Сорбонны депутаты, —
Трирскій, Лютихескій епископъ,
Кардиналы и прелаты —

Оглянулся даже папа! —
И суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолѣ;

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!

И чего жь они такъ смотрять?
Чтò могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или — розовыя горы?

Но — они таятъ дыханье
И, отдавшись сладкимъ грѣзамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ...

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечерь празднуя весенній;

Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ, въ часъ урочный,

Кто — таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто — трактировъ швабскихъ Гебу,
Разливательницу пива...

Словомъ — всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грѣзы счастья,
Золотые дни свободы —

И — исторія не знаетъ,
Сколько длилось молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой, —

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шопоть раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
«Жалко Гуса» прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ—и, объятья
Всѣмъ присушимъ открывая,
Со слезами молвилъ: «братья!»

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственного слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова;

«Пробудитесь», возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
«Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его, проклятый!..

«Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной —

«И вошелъ въ меня нечистый! —
Къ вамъ простеръ мои объятія,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
«Гусь невиненъ».—Горе братья!..».

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣсть своихъ, и хоромъ
«Да воскреснетъ Богъ» запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ, —

И, очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ, —

И, возставъ, Иогана Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,
Осудили — на сожженье...

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада!
Отъ соборнаго проклятыя
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,

И надъ озеромъ Констанцскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ искры сѣя.

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки .
И одинъ констанцскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

X.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА.

(Гётевская элегія).

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милій,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай!.. Скоро смеркаться
начнетъ.

Онъ.

Что за хаосъ вокругъ тебя! и надъ нимъ, какъ Любовь, ты
склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонию влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ — заглядѣнье
Выидеть вѣнокъ — и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ под-
носишь!

И равнодушнымъ кажусь — самъ же весь занятъ
тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой
горячій....

Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты — какъ Флора въ цвѣтахъ, и у колѣнъ
твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь — отъ меня ты ужъ мыслью
далеко!

Вотъ и теперь не глядишь... Что же ты вдругъ
замолчалъ?

Онъ.

Вотъ что я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ; любилъ
онъ Гликеру;

Плеть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Это — какъ будто бы мы! Только ты не художникъ, а
лучше —
Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Афинъ!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвушкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и—обезсмертилъ себя!

Она.

Что же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!.. Я часто
Думаю: что бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій — счастливѣй! черты своей милой Гликеры онъ
кистью
Могъ передать; а въ стихахъ — какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ ты какъ сдѣлай: пусть въ Индiи будетъ, гдѣ звѣри и
птицы
Дружно съ людьми говорить, много гдѣ всякихъ
чудесъ!..

Онъ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у
 поэта,
 Кажется — какъ я люблю!.. и — хоть бы пѣснь!
 хоть бы стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ; малюткой царевну похитилъ...
 Малютка
 Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ—

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось
 свадьбой!
 Въ сказкахъ всегда это такъ... только немного старо—

Она.

Нѣтъ, не старо! можно выдумать рядъ приключеній чу-
 десныхъ...
 Какъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить...

Онъ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско съ слонами,
 Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратил!

Она.

Ты только шутишь со мной!.. а молчанье твое мнѣ ужасно!..
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится...
Первый, который ты мнѣ, пирь обходя, подала?

Она.

Помнишь—вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:
Выпивъ вино, ты сказалъ: «дѣва! цвѣты — это ядь!»

Онъ.

Какъ же!.. и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски
краснѣя,
«Пчелки, сказала ты, въ нихъ медь достаютъ, а не
ядь!»

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчить, ты угрюмъ и не-
счастливъ,
Значить, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!.. Какъ му-
зыка, нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ—тамъ, средь мужскихъ
голосовъ!

Она.

Лучше бь молчать мнѣ, и пчелокъ не трогать! вѣдь къ
 этому слову
 Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ—«и шмель не
 дуракъ!»

Онъ.

Гнусный Силенъ!.. и облапилъ тебя, какъ медвѣдь! пока-
 тилась
 Въ уголь корзина твоя... всѣ разлетѣлись цвѣты!..

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!.. только слышу: «оставь ее, ци-
 никъ!»
 Вижу—ты съ мѣста вскочилъ, свѣтель, какъ самъ
 Аполлонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
 Легкое платье твое по поясъ съ плечь разорвалъ...

Она.

Ужасъ! какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!..
 я помню,
 Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!..

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!.. но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое... это плечо...

Она.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ
затрясся:
Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ...

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь...

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ, все онъ жемаль вкругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя...

Она.

Доброе сердце! ты думалъ—меня ушибутъ... а хозяинъ
Ярость обрушить на мнѣ—всталъ и меня заслонил!

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагиче-
скимъ тономъ:
«Что вы, Ахейцы!» намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!..

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ—и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ.

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточ-
ницъ,
Не было только одной—маленькой Лиды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу...
Вотъ и теперь они тутъ... всѣ ужъ засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь, переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на
рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсь—всѣ становились втупишь!

Она.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу...
Ночь подвигалась... цвѣта гасли одинъ за другимъ...

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону
взывалъ я:
«О, сребролукій! да гдѣ жь? гдѣ же укрылась она?»

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь... и что буду я
дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на площадь я наконецъ...

Онъ.

Я ужъ давно тамъ бродилъ... посмотрѣлся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!..

Она.

Что тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ...

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣсотѣ ты
пробился...

Онъ.

И очутились вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей
билось...

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой... въ очи другъ другу
глядя...

Она.

Такъ, какъ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой
улыбкой...

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за-городъ...

Онъ.

Море блистало въ дали серебристой...

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки изомнешь... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!..

Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на этомъ пирѣ ты былъ!

XI.

АЛЕКСИСЪ И ДОРА.

(Пересказ Гётевской элегии).

Ахъ, неудержно впередъ, неудержно все далѣ и далѣ
 Мчится на всѣхъ парусахъ въ синее море корабль!..
 Слѣдъ его длинной темнѣетъ струей, и, сверкая, дельфины
 Весело прыгаютъ въ ней, словно добычу лова.
 Кормчій на снасти глядитъ—точно музыку слушаетъ: лихо,
 Въ добрую пору пошли! вѣтеръ попутный какъ разъ!
 Очи пловцовъ и мечты ихъ, какъ флаги и вымпелъ летучій,
 Весело смотрятъ впередъ... Духомъ поникъ лишь
 одинъ.
 Къ борту склоняся корабля, онъ все смотритъ, какъ горы
 блѣднѣютъ,
 Берегъ уходитъ изъ глазъ... вотъ ужъ изъ виду про-
 палъ...

«И у тебя, моя Дора—онъ шепчетъ—ужь скрылся изъ виду
Въ морѣ корабль мой и я, милый твой, другъ твой,
женнхъ!

Тщетно и ты меня ищешь, съ высокаго берега смотришь—
Вкругъ безотвѣтна на все, душой въ себя погружась!..
Сердце, прижавшися разъ къ моему, все не можетъ утихнуть!
Мысль твоя новую жизнь тщетно стремится обнять!

«Мигъ это былъ, только мигъ, но онъ вдругъ перевѣсилъ
всѣ годы,

Мной прожитые во тьмѣ, въ сонномъ, тупомъ забытїи.
Словно ударъ громовой, словно молнїя въ сердце упала,
Спавшія силы въ груди радостно вдругъ пробудивъ.
Словно совсѣмъ я другой; и смотрю на себя съ любопыт-
ствомъ.

Прежняя жизнь моя вдругъ смыслъ получила въ гла-
захъ...

Такъ стихотворецъ въ стихахъ на пиру предлагаетъ за-
гадку,

Скрывши значенье ея въ образахъ, звукахъ, цвѣтахъ;
Каждымъ любуешься порознь, но вмѣстѣ все дико и странно;
Если жъ разгадку нашель, вдругъ получаетъ все
смыслъ.

Вотъ и разгадка моя! все, что въ жизни за счастье счи-
талъ я,—

Словно уходитъ во мракъ. Все заслоняя собой,
Образъ ея, незамѣтный доселѣ, одинъ выступаетъ...

Дѣвочкой вижу ее: черныя кудри какъ смоль,
Блѣдная смуглость лица, только—длинные тѣ же рѣсницы,
Черные тѣ же глаза, тотъ же задумчивый взглядъ...
Вотъ вырастаетъ: съ плодами на рынокъ приходитъ по утру,
Вотъ отъ фонтана идетъ съ полнымъ кувшиномъ
воды!..

Часто я думалъ: «а вотъ съ головы ты кувшинъ свой уронишь!»

Только, какъ лебѣдь, она, словно не шла, а плыла...
Къ морю, бывало, мы, юноши, выйдемъ въ вечернюю пору;
Дѣвушки тутъ же сидятъ, въ тѣсный сомкнувшись
кружокъ,
Смотрятъ, какъ плоскіе камни, плашмя по водѣ мы кидаемъ;
Чей сдѣлалъ больше прыжковъ, славу тому прокричать...

Крикнуть и мнѣ: я жъ и знать не хотѣлъ, есть ли Дора
межъ ними!

Всѣ пропадаютъ теперь, вижу одну лишь ее.
Вижу задумчивый взглядъ, изъ толпы на меня устремленный,
Такъ и слѣдить онъ за мной, всюду онъ ищетъ
меня...

Видѣлъ ее я, какъ мѣсяцъ и звѣзды выдаемъ мы ночью,—
Развѣ приходитъ на мысль ими когда обладать?

Садъ—стѣна объ стѣну съ нашимъ; бывало, калитка от-
крыта,
Но заглянуть хоть бы разъ — въ мысль не пришло
никогда...

«Подлѣ! такъ близко! Теперь же межъ нами широкое море!
Вѣтру съ недѣлю я жду. Въ скукѣ брожу какъ шальной.
Вдругъ прибѣгаетъ матросъ, кличетъ: «вѣтеръ попутный!
скорѣ!»

«Тотчасъ канатъ отдаемъ. Вздернемъ какъ разъ па-
руса!»

Я собираюсь, бѣгу. Кое-какъ съ стариками протислся...
Даже всплакнутъ-то хоть разъ—знали что некогда имъ!
Въ руки мнѣ суютъ припасы. Я на руку плащъ, выбѣгаю;
Дора въ калиткѣ стоитъ, что-то мнѣ хочеть сказать.
«Дора, прощай!» говорю, и бѣгу,—чуть кивнулъ головою.
—«Можно тебя попросить, такъ вѣдь сказала она,
—«Ты за товарами ѣдешь... цѣпочку давно мнѣ хотѣлось...
«Будь же такъ добръ, привези, я заплачу по цѣнѣ».
Спрашивать (не-хотя даже!) я началъ: какую, что вѣсу?
Самую малую мнѣ цѣну сказала она...
Я поглядѣлъ на нее... да ужель это Дора?.. та Дора,—
Та, что я видѣлъ вчера?.. Слѣпъ ли я былъ до сихъ
поръ?

Иль измѣнилась она?.. То подыметъ стремительно очи,

То ихъ опустить на грудь... щеки румянцемъ горять...
Вкругъ нея, словно вкругъ дѣвственной дщери Олимпа,—
сіянье?

Боги!.. А съ пристани тамъ громче и громче кричать...
—«Вотъ захвати ты съ собой, встрепенулась она, апель-
синовъ,

«На морѣ негдѣ достать, и не во всякой землѣ...»
Скрылась въ калитку; и я вслѣдъ за ней; апельсины сры-
ваетъ:

Пальцы на солнцѣ сквозять... тѣни скользятъ по лицу...
Падаетъ плодъ за плодомъ... я за нею едва поспѣваю...

«Будетъ!» твержу, но она ищетъ все лучшихъ вверху...
—«Тотчасъ уложимъ въ корзину»,— корзина въ бесѣдкѣ
стояла —

Сводъ виноградныхъ листовъ принялъ подъ тѣнь свою
насъ...

Стала плоды она молча въ корзину укладывать, въ листья...

Ахъ, я боялся дышать! сердце жъ стучало въ груди!
Вотъ и корзина готова, а я—все стою неподвижно...

Дора!—Тутъ очи и ты вдругъ подняла на меня...
Какъ же тутъ было? и что мы сказали, что вдругъ очу-
тилась

Грудь твоя подлѣ моей?.. Вижу, твоя голова
Тутъ у меня на плечѣ... по щекѣ пробирается слезка...
«Дора! ты вѣчно моя?» вырвалось вдругъ у меня...

—«Вѣчно!» промолвила ты, и уста наши встрѣтились сами!..

Съ берега громче кричатъ. Вижу—въ калитку матросъ
Кличеть, и выставилъ, словно сердитый Тритонъ, свою
рожу...

Боги! вдругъ счастье обнять—и потерять въ тотъ же
мигъ!..

Другъ противъ друга стоимъ мы, и слезы текутъ у обонхъ...

Какъ подбѣжалъ тутъ матросъ, побралъ пожитки мои,
Въ зубы корзину съ плодами схватилъ, и меня за одежду,
Съ бранью, толкая, увелъ... какъ я взошелъ на ко-
рабль...

Все это точно какъ сонъ!.. Помню—берегъ въ глазахъ
вдругъ поѣхалъ—

Домы, деревья, гора... Тутъ лишь опомнился я...

Къ борту припалъ: разбиваяся, съ пѣною волны мелькають,

Крѣпкія снасти скрипятъ... Я чуть стою на ногахъ...
Въ сердцѣ лишь «вѣчно твоя» и звучить... весь дрожу я,
какъ лира,

Долго хранящая гулъ трудно стихающихъ струнъ...

«Да, ты взойшло, мое солнце! Завѣса съ грядущаго спала,
Дора! отнынѣ тебѣ—жизнь моя, слава, труды!..

Вѣй же, попутный Эоль!.. Подтяните-ка парусъ потуже!

Вправо возьмите руля!.. Ухъ, словно птица летимъ!..»

1863.

XII.

К О Н Ъ.

(Изъ сербскихъ пѣсень).

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣ бѣла дня,
Водитъ дѣвица лихова
Опѣннаго коня;

Гладитъ гриву воронова,
И въ глаза ему глядитъ:
«Я коня еще такова
Не видала!» говоритъ.

«Чай коня и всадникъ стѣить...
Только онъ тебя наврядъ

Вдоволь холить и покоить...
Что онъ — холость аль женать?»

Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говорить:
«Холость — только за душою
Думу крѣпкую таять.

«Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ».

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
«Я для добраго коня
Стала бѣ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

«Стала бѣ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попоны позументы
Съ бахромою нашивать;

«Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бь сватовъ высылали
Поскорѣ вы за мной».

XIII.

ПАСТУХЪ.

(Испанская легенда).

Былъ суровъ король донъ-Педро;
Трепеталь его народъ,
А придворные дрожали,
Только усомъ чюведеть.

«Я люблю — твердилъ онъ — правду,
Видъ открытый, смѣлый взоръ»,—
Только правды (вотъ вѣдь странность!)
Пуще лжи боялся дворъ.

Разъ охотился донъ-Педро;
Утомясь, онъ далъ сигналъ,
Чтобъ для завтрака у рѣчки
Сдѣлать маленькій приваль.

Тра-та-та — звучитъ въ долинѣ,
Межъ покрытыхъ лѣсомъ горъ;
На призывъ отсюда скачутъ
Гранды, рыцари и дворъ.

Собрались. Донъ-Педро весель;
Самъ двухъ вепрей застрѣлилъ,
И своимъ весельемъ — лица
Всѣхъ, какъ солнцемъ, озарилъ!

Онъ смѣется — всѣ хохочуть...
Разговоръ пошелъ и смѣхъ...
Но о чемъ же смѣхъ и говоръ?
Рѣчь о чемъ?.. Одна у всѣхъ:

Говорятъ, что чудо-мальчикъ
Тутъ же козь пасеть въ горахъ —
Купидонъ въ широкой шляпѣ,
Съ козьимъ мѣхомъ на плечахъ!

Длиннокудрый! черноглазый!
Но, хотя угрюмъ и дикъ,
А бѣдовый! Нѣтъ вопроса,
Передъ чѣмъ бы сталъ втупикъ.

Пожелалъ король увидѣть
Пастуха — и вотъ бѣгутъ,
Понеслись пажи, что стрѣлы,
И чрезъ мигъ его ведутъ.

Посмотрѣлъ король. Съ минуту
Призадумался... Кругомъ
Словно туча набѣжала,
Словно ждуть, что грянетъ громъ.

«Вотъ, сказалъ онъ, три вопроса:
Разрѣшишь — возьму въ пажи!
Много ль капель въ синемъ морѣ?
Посчитай-ка, да скажи!»

— «Я сочту, отвѣтилъ мальчикъ,
Счетъ не дологъ, не тяжелъ,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтобъ дождь не шелъ».

— «Ну, а много ль звѣздъ на небѣ?»
И философъ, не смутясь:
— «Повели сойти имъ съ неба,
Я тогда сочту какъ разъ».

Понахмурился донъ-Педро,
Дворъ дыханье затаилъ.
— «Ну, а много ль дней у Бога?»
Помолчавъ, король спросилъ.

— «Дни у Бога крадутъ время.
Повели, чтобъ оно
Хоть на мигъ остановилось —
И ужь счастье не мудрено».

— «Молодецъ! — вскричалъ донъ-Педро,
Хохоча, — да этотъ клопъ
Всѣхъ вельможъ моихъ умнѣ!..»
Тѣ смѣялись, морща лобъ.

— «Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мнѣ, и ѣсть, и пить —
И одинъ, надѣюсь, станешь
Смѣло правду говорить».

Гранды вовсе растерялись:
«Что онъ — плутъ или мудрецъ?
«Грубіанъ!» единодушно
Порѣшили наконецъ.

Но старались грубіяну
Угодить хоть чѣмъ-нибудь...
Онъ же робко озирался,
Какъ бы въ горы улизнуть.

Только дамы безкорыстно
Цѣловали мудреца,
Въ немъ хваля глаза и розы
Загорѣлаго лица.

1866.

XIV.

МЕНЕСТРЕЛЬ.

(Провансальскій романсъ). •

Жиль-быль менестрель въ Провансальской землѣ,
Въ почетѣ онъ жилъ при самомъ королѣ...
«Молчите, проклятыя струны!»

Король былъ не ровня другимъ королямъ,
Свой родъ возводилъ онъ къ безсмертнымъ богамъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

И дочь онъ, красавицу Берту, имѣлъ...
Смотрѣлъ лишь на Берту пѣвецъ, когда пѣлъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

Когда же онъ пѣлъ, то дрожала она --
То вспыхнетъ огнемъ, то какъ мраморъ блѣдна...
«Молчите, проклятыя струны!»

И самъ императоръ посватался къ ней...
 Глядитъ менестрель все угрюмый и злѣй...
 «Молчите, проклятыя струны!»

Данъ знакъ менестрелю: когда будетъ балъ,
 Чтобъ въ темной аллеѣ у грота онъ ждалъ...
 «Молчите, проклятыя струны!»

Что было, чью руку лобзалъ онъ въ слезахъ,
 И чей подѣлуй у него на устахъ...
 «Молчите, проклятыя струны!»

Что кесаря значить внезапный отѣздъ;
 Чей въ склепѣ фамильномъ стоитъ новый крестъ —
 «Молчите, проклятыя струны!»

Изъ казней какую король избрѣлъ,
 О чемъ съ палачомъ долго рѣчи онъ велъ —
 «Молчите, проклятыя струны!»

Погибъ менестрель, бѣдный вешній цвѣтокъ!
 Король даже лютию разбилъ самъ и сжегъ...
 «Молчите, проклятыя струны!»

И лютю онъ сжегъ — но не грѣза, не сонъ,
Вездѣ его люти преслѣдуетъ звонъ...

«Молчите, проклятыя струны!»

Онъ слышитъ: незримыя струны звучать,
И страшныя, ясно, слова говорить...

«Молчите, проклятыя струны!»

Не ѣсть онъ, не пить онъ, и ночи не спать,
Молчить, — лишь порой, какъ безумный, кричить:

«Молчите, проклятыя струны!»

XV.

ПРИНЦЕССА ШАБАШЪ.

(Изъ Гейне).

Вь старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходять часто — чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бывають дни — и принцы
Принимають прежній образъ;
Принцъ волочится, и дамамъ
Серенады воспѣваетъ, —

Все до часа рокового;
А настанетъ онъ — мгновенно
Свѣтлый принцъ — четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесъ воспѣтъ такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется —
Израиль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ, и мыслить,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
Принцъ становится, какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслить, чувствуетъ, какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

«Прародительскія сѣни!» —
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно —
«Домъ Іаковлевъ! цѣлую
Прагъ у вратъ твоихъ священныхъ!»

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопоть и движенье;
Тихо въ храмѣ все; чуть дышитъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенешаль великій только —
(То-есть служка въ синагогѣ) —
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигаая.

Лампы — свѣточн надежды!
Какъ горять онѣ, какъ блещуть!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору,

И уже передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоценными камнями,
И хранящимъ эту Тору,

Канторъ всталъ — изящный канторъ;
Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ при семь локтями, —

Вотъ онъ, ручкой щеголяя,
 Потрепаль себя по шеѣ,
 Перстъ къ виску прижалъ, большимъ же
 Пальцемъ горло расправляетъ.

Долго онъ бормочетъ тихо —
 Наконецъ, какъ вдохновенный,
 Возглашаетъ громогласно:
 «Лехо Дойди Ликрасъ Калле!

«О, гряди, женихъ желанный,
 Ты во срѣтенъе невѣстѣ, —
 Той, которая откроетъ
 Для тебя свой ликъ стыдливый!»

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ
 Былъ Іегудой бенъ-Галеви,
 Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ
 Въ дни халифовъ мавританскихъ;

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
 Обрученъе Израиля
 Съ царственной принцессой Шабашъ —
 Молчаливою принцессой...

Перль и пвѣтъ красоть вселенной —
Эта чудная принцесса!
Чтò тутъ Савская парица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться —
Наконецъ, вѣдь это скучно!

Нѣтъ! принцесса Шабашъ — это
Тихій ангелъ! ненавидить
Суемудріе и споры —
Эти умственные боксы, —

Ненавидить этотъ дикій
Паэось страстныхъ декламаций,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Скромно подь чепецъ парикъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяеть...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но — только
Не курить. «Курить въ субботу
Запрещается закономъ»;

«Но за то, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ: ты будешь
Нынче шалеть, другъ мой, кушать».

«Шалеть — божеская искра,
Сынъ Элизія!» запѣлъ бы
Вѣрно Шиллеръ вдохновенный,
Еслибъ только зналъ онъ шалеть!

Это — даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской свѣдью —
Дрянь — амброзія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалеть.
Просвѣтлѣль, въ блаженствѣ таесть,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечеть, улыбаясь:

«То не шумъ ли Иордана,
Не журчанье ль струй студеныхъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бетеля?
То не ржанье ли верблюдовъ?»

«Не овецъ ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечуть?
Не съ вершинъ ли Гилеата
Овцы на ночь сходятъ въ доли?»»

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходятъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватають,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собачьи.

Принцу милому подносить
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшить онъ
Нарда запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подносить
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось.. свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла —
Въ тотъ же мигъ и принцъ изъ храма
Грязной выбѣжалъ собакой.

XVI.

МАРІЭТТА.

(Я. П. Полонскому).

Критикъ твой достопочтенный
Мнѣ напомнилъ эпизодъ
Въ жизни Гёте: современный,
Право, скажешь, анекдотъ!

Видишь, въ Римѣ — въ дни былые,
На закатѣ тѣхъ временъ,
Гдѣ Рафаэль во святыне
Былъ едва не возведенъ —

Въ Римѣ Гёте, Винкельмана,
Появилась въ мастерскихъ
Маріэтта изъ Альбано,
Какъ модель... да изъ какихъ!

Имя этой Маріэтты
Огласилось при Дворахъ;
За Мадоннъ ея портреты
Почиталися въ церквахъ;

А въ стихахъ ее равняли
И къ богинямъ, и къ святымъ,
Даже Папѣ представляли...
Вдругъ графъ N пріѣхалъ въ Римъ.

«Покажите Маріэтту!»
Первымъ дѣломъ. Графъ — знатокъ,
Авторъ самъ, извѣстный свѣту
Меценатъ, археологъ...

Онъ на Гёте попадаетъ...
И что дальше было тамъ, —
Пусть ужъ Гёте продолжаетъ
И досказываетъ самъ:

Подмигнулъ я ветурину,
И помчались, графъ и я
(То-есть Гёте), къ Авентину.
Это пассія моя —

Авентинъ!.. Когда печаленъ,
Иль разсерженъ чѣмъ — туда!
Почерпнуть въ тиши развалинъ
Силъ для мысли и труда...

А ужь виды — вѣковѣчный
Чуть сквозить въ туманѣ Римъ,
Панорамой безконечной
Къ Аппенинамъ голубымъ!..

«Стой!.. ворота!..» Мужъ встрѣчаетъ:
«Здѣсь, signori, здѣсь!..» Добрякъ!
Ласковъ ты — душа въ немъ таетъ,
Но — за ножъ, коль что не такъ!

Домъ — въ руинѣ какъ-то слаженъ
Изъ задѣланныхъ аркадъ.
По стѣнамъ виситъ изъ скважинъ
Плющъ; у входа — виноградъ.

Подъ навѣсомъ — (день былъ жаркой)
Воль у яслей и осель.
Входимъ въ дверь: подъ смѣлой аркой
Вполовину вросшей въ полъ, —

И сама... дитя качаеть...
Полусумракъ... Тишина...
Все заботы слѣдъ являеть...
Увидала насъ она

И, привставъ надъ колыбелью,
Пальчикъ къ губкамъ — «не будить!» —
Знакъ намъ дѣлаеть... Моделью
Для Рафаэля бѣ ей быть!..

Этотъ на полъ лучъ упавшій
Черезъ открытое крыльцо,
Отраженьемъ осіявшій
Оживленное лицо...

Переходъ отъ безпокойства
Въ ней къ увѣренности въ насъ —
Лицъ уже такого свойства,
Что далеки отъ проказъ...

Я — чуть слышно: «*Quel' signore*
Только въ Римъ, — и ужь сюда!..»
Улыбнулась: «*è pittore?*
«И Мадонну пишеть?.. да?»»

Боже мой! какъ просто! мило!
Красота... Да суть не въ томъ!
Виолеемское тутъ было,
Что-то райское кругомъ!

Можетъ быть недоставало
Только ангеловъ однихъ...
А, быть можетъ, вокругъ стояло,
Намъ незримыхъ, много ихъ!..

Человѣкъ Двора и свѣта,
Графъ привѣтливъ очень былъ,
Но серьезень, и лорнета
Отъ нея не отводилъ...

Распростились. Съ нетерпѣньемъ
Жду — что онъ? — почти въ тоскѣ...
Онъ же вдругъ — да съ озлобленьемъ:
«Три веснушки на вискѣ!»

Я — ну просто какъ въ туманѣ
Очутился, оскорбленъ,
Павши духомъ...

Въ Ватиканѣ

Послѣ, вижу, ходитъ онъ.

Поглядить — и въ каталогѣ
Отмѣчаетъ, мысля вслухъ:
«Торсь коротокъ!» — «Жидки ноги!»
(Аполлонъ-то!..) «Профиль сухъ!..»

И, дивясь его сужденьямъ,
Почитателей кружокъ
Повторяетъ съ умиленьемъ:
«Вотъ такъ критикъ! вотъ знатокъ!»

«Маріэтта — спи спокойно!
— Я подумалъ про себя —
«Боги Греціи достойно
Отомстятъ ужъ за тебя!»

«Иногда вѣдь шутку злую
Аполлонъ шутить любилъ:
Онъ Мидасу-то какую
Непріятность учинилъ!»

1886.

XVII.

СТАРЫЙ ДОЖЬ.

«**Н**очь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходить Вesperь золотой;
Старый Дожь плыветъ въ гондолѣ
Съ Догарессой молодой...» *)

Занимаетъ Догарессу
Умной рѣчью Дожь сѣдой...
Слово каждое по вѣсу —
Что червонецъ дорогой...

Тѣшитъ онъ ее картиной,
Какъ Венеція, тишкомъ,
Весь, какъ тонкой паутиной,
-Миръ опутала кругомъ:

*) Эти четыре строчки найдены въ бумагахъ Пушкина, какъ начало чего-то. Да простить мнѣ тѣнь великаго поэта попытку угадать: что же было дальше?

«Кто сказалъ бы въ дни Аттилы,
Чтобъ изъ хижинъ рыбарей
Всплылъ на отмели унылой
Этотъ чудный перль морей!

«Чтобъ укрьвшійся въ лагунѣ,
Левъ святаго Марка сталъ
Выше всѣхъ владыкъ — и втунѣ
Ревъ его не пропадалъ!

«Чтобъ его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султанъ, и короли?

«Подаль знакъ — гремятъ перуны,
Всюду смута настаеъ,
А къ нему — въ его лагуны—
Только золото плывеъ!..»

Кончилъ онъ — полусмѣясь —
Ждетъ улыбки — но — глядитъ —
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спитъ!..

«Все дитя еще!» съ укоромъ
Полнымъ ласки молвилъ онъ —
Только слышитъ — вскинулъ взоромъ —
Чье-то пѣнье... цитры звонъ...

И все ближе это пѣнье
Къ нимъ несется надъ водой,
Разсыпаясь въ отдаленьѣ
Въ голубой просторъ морской...

До жу вспомнилось бывшее...
Море зыбилось едва...
Тотъ же Вespерь... «Что такое?
Что за глупыя слова!» —

Вздрогнулъ онъ, какъ отъ укола
Прямо въ сердце... Глядь: плыветъ,
Обгоняя ихъ, гондола,
Кто-то въ маскѣ тамъ поетъ:

«Съ старымъ Дожемъ плыть въ гондолѣ...
Быть — его и — не любить...
И къ другому, въ злой неволѣ,
Тайный помысль стремить...

«Тотъ «другой» — о, Догаресса!..
Самый адъ не сладить съ нимъ!
Онъ безумецъ, онъ повѣса. —
Но онъ — любить и — любимъ!..»

Дождь рванулъ усы сѣдые...
Мысль за мыслью, цѣлый адъ,
Словно молній стрѣлы злыя,
Душу мрачную браздятъ...

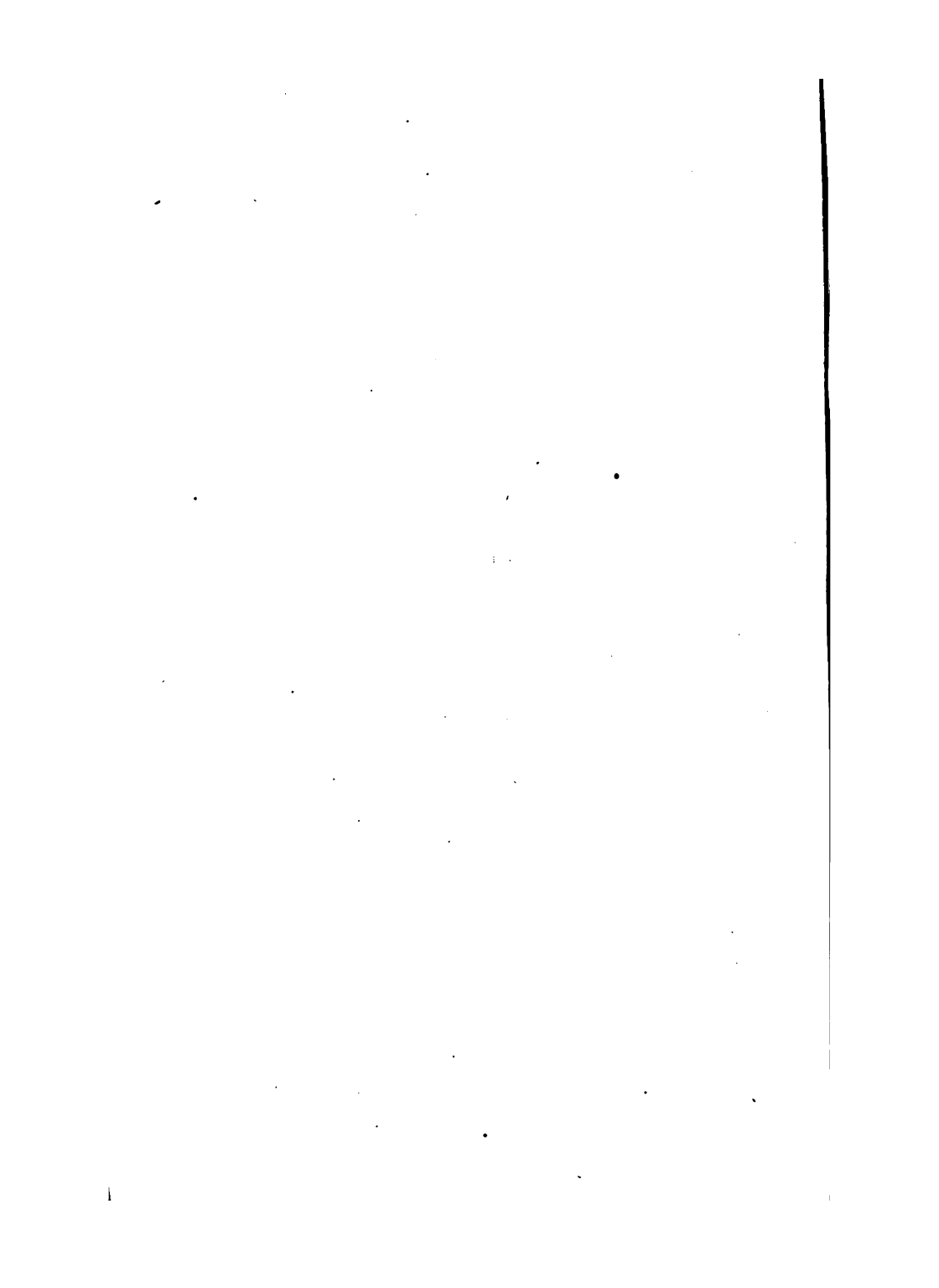
А она — такъ ровно дышитъ,
На плечѣ его лежитъ...
«Что же?.. Слышать или не слышать?
Спитъ она — или не спитъ?!..»

1888.

II.

ИЗЪ СЛАВЯНСКАГО МІРА.

1.

НИКОГДА!

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЛАВЯНЪ СЪ РИМЛЯНАМИ.

Гонить волны быстръ Дунай,
Разлился широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Станомъ передъ градомъ;
Забѣлѣлися шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидитъ
Подъ златой порфирой;
Вкругъ престола, словно лѣсъ,
Копья и сѣкиры.
И съ престола римскій царь
Говорить съ послами:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.

Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотыя
Густо вьются по плечамъ,
Очи—голубыя;
Словно всѣ въ одно лицо,
Та жь краса и сила,
Словно всѣхъ-то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жь ихъ одна
Мать, земля родная,
Что отъ Татры подошла
Вплоть до волнъ Дуная,
И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготовала поля,
Доли и дубравы,
Какъ святую колыбель
Для великой славы!
Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ совѣтомъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ
Не лежать они челомъ

Передъ нимъ во прахѣ,
Не цѣлуютъ ногъ его
Въ раболѣпномъ страхѣ;
Но подносятъ Божій даръ
Хлѣбъ и соль родную.
И къ великому царю
Держать рѣчь такую:
«Весь народъ нашъ, старшины
И князья послали
«Насъ, чтобъ мы тебѣ, о, царь,
Добрый день сказали.
«Ты нашъ гость, лишь достигль
Нашего порога;
«Мы—Славяне; край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
«Щедро Имъ онъ надѣленъ
Благодатью съ неба.
«Не полѣвишься, такъ всѣмъ
Свой кусокъ есть хлѣба.
«Много ль, мало ль,—съ насъ того
Будеть, чтó имѣемъ:
«Благо сѣемъ на своемъ,
Жнемъ, чтó сами сѣемъ.
«И прійдетъ ли странникъ къ намъ,
Кто, зачѣмъ, не спросимъ,

«Съ Богомъ, дверь отворена!
Милости къ намъ просимъ!
«Будь онъ свой или чужой,
Человѣкъ прохожій,
«Про него всегда у насъ
На столѣ даръ Божій.
«Вольно всѣмъ здѣсь жить!—Зарокъ
Богомъ данъ Славянамъ:
«Грѣхъ великій—быть рабомъ,
Вящій грѣхъ—быть паномъ!
«И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ!
«Всѣмъ у насъ открытый путь
Къ славѣ и свободѣ!

«Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на доль,
«Лютый врагъ на край нашъ вдругъ,
Словно съ неба, падалъ;
«Здѣсь засѣвъ, ужь думалъ вѣкъ
Насъ держать въ неволѣ.
«Намъ сѣять и пахать
И на нашемъ полѣ
«Кобылицъ своихъ пасти—
Только—блажь пустая!

- «Поднималась вся земля
Съ края и до края!
«И спроси ты: гдѣ же тѣ,
Что намъ цѣпь ковали?
«Гдѣ, спроси ихъ?—Мы стоимъ,
А они—пропали!
«Положенъ ужъ такъ зарокъ,
Вѣки неизмѣнный:
«Кто откуда бѣ ни пришелъ,
Врагъ иноплеменный:
«Завладѣй хоть міромъ, здѣсь
Вѣгъ свой остановишь,
«Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовишь!
- «Ты теперь, о, царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани.
«Что жъ несешь съ собою къ намъ:
Мечъ иль миръ во длани?
«Если мечъ, то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
«А, остры ль они, узнать
И не дай ти Боже!
«Если жъ къ намъ идешь, какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью,

«Ужь на славу угостимъ,
И проводимъ съ честью!
«Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль!
И принять ихъ просимъ
«Такъ же честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ подносимъ».

Хлѣба-соли не взялъ царь,
Ликомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился;
И къ посламъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Такое слово:
«Солнце шествуетъ въ пути—
И къ нему всѣ очи;
«Отъ него—вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него—мракъ ночи;
«Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ;
«Для народовъ солнце—я,
И со мной нѣтъ споровъ!
«Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:

- «Повелитель міра—Римъ,
Я жь—владыка Рима!
«Межь народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
«Кто, противиться ему
Возмечтавъ, мгновенно
«До послѣдняго раба
Не исчезь со свѣта!
«Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ—чрезъ это.
«Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край устрою:
«Поселю здѣсь Римлянъ, васъ
Выведу съ собою,
«Въ Римъ—старшинъ, а молодежь—
Прямо въ легионы;
«Покоритесь, будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законы;
«Нѣтъ—васъ съ семьями къ себѣ
Погоню гуртами,
«Въ плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
«На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ заставлю,
«Буду тысячами васъ

Львамъ кидать на травлю—
«Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ, женамъ;
«Бойтесь, если кликну я:
«Горе побѣжденнымъ!»
«Бойтесь! этотъ римскій кликъ
Пуще Божья грома!..
«Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ!
Передайте дома!»

Рѣчь окончилъ римскій царь,
Все кругомъ молчало.
Какъ неожиданный громъ, она
На Славянъ упала.
На царя стремятъ они
Взглядъ оторопѣлый...
Вдругъ какъ будто съ ихъ очей
Заблестали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули,
Разомъ взвизгнувши, мечи
Изъ ноженъ сверкнули,
И у всѣхъ единый кликъ
Вырвался изъ груди:
«Никогда!»

Вокругъ царя
Всполошились люди,
И поднять щиты едва
Вкругъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
Трубы загремѣли,
Разомъ лагерь поднялся:
Скачуть Нумидійцы,
Взводъ безсмертныхъ, взводъ Парянь,
Галлы, Иберійцы,
И, копье на перевѣсь,
Римская пѣхота,—
Окружили молодцовъ,
И пошла работа!

Что медвѣдь лѣсной въ кругу
Нсовъ остервенѣлыхъ,
Бьется горсть богатырей
Противъ полчищъ цѣлыхъ;
Съ шумомъ рушатся вкругъ нихъ
Всадники и кони,
Копья ломаются, звенять
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей—
Но сама рѣдѣть...

Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣетъ
Въ блескъ копій и мечей...

Вотъ всего лишь двое...
Вотъ одинъ... и этотъ палъ...

И вокругъ павшихъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ

Въ изумленьи сами;
Въ легионахъ недочетъ:

Цѣлыми рядами
Мертвыхъ, раненыхъ кладутъ...

Самъ, съ разноплеменной
Свитой, кесарь подскакалъ

Мрачный и смущенный;
Разглядѣть желаетъ онъ

Варваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его

Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи внемлетъ мѣръ,

Всѣ цари земные!
«Что жъ за люди это тамъ?
Мыслить,—кто жъ такіе?»

И задумчиво къ горамъ
Обратилъ онъ взоры:

Грозно смотреть изъ-подъ тучъ
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ-за нихъ несется;
Словно гуль какой оттоль
Смутно раздается...
Смотрить царь, и вдругъ велить—
Станъ снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

II.

ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛЬ.

Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья,
Завели жестокий споръ изъ-за наслѣдства;
Побѣжала ихъ сестра къ княжнѣ Любушѣ
И молила разсудить ихъ споръ по правдѣ.
И княжна послала повѣстить въ народѣ,
Чтобъ бояре собрались и старики на вѣче,
И чтобы на судъ явились оба брата.

И бояре собрались и старики на вѣче
Въ золотомъ кремлѣ, во свѣтломъ Вышеградѣ.
На златой престолѣ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Поднялась княжна, и вѣче открывала.
У престола стали вѣщія двѣ дѣвы:
У одной въ рукахъ доска была съ закономъ.

У другой былъ мечъ, каратель кривды;
Противъ нихъ зажженъ былъ огонь, свѣтильникъ правды.
И поставленъ былъ сосудъ съ водою очищенья.

И княжна сказала со златà престола:
«Вѣрные бояре! мудрые вы старцы!
Разрѣшите споръ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ:
По закону, какъ поставлено богами,
Должно имъ: или сообща владѣть землею,
Иль обоимъ раздѣлить по равной части».

Кланялись княжѣ и старцы, и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили ужь довольно,
То княжна велѣла вѣщимъ дѣвамъ
Голоса собирать въ златую урну.
И собрали голоса, и сосчитавъ сказали
Приговоръ такой народу: чтобы братьямъ
Сообща владѣть отцовскимъ достояньемъ.

Услыхавъ рѣшенье, поднялся во гнѣвѣ
Лютый Хрудошъ и затрясся весь отъ злости;
Вскинулъ онъ рукою и, что туръ свирѣпый, рывкнулъ:

«Горе для пленцовъ, когда змѣя въ гнѣздо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владѣеть ими!
Подобаеть мужу володѣть мужами!
Старшій сынъ владѣть добромъ отцовскимъ долженъ,
Какъ у нѣмцевъ заведенъ тому порядокъ!»

Ратиборъ, старикъ, уже согбенный и весь бѣлый,
Поднялся и, головою покачавъ, промолвилъ:
«Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!
Наша правда по закону святу,
Какъ ее съ собою принесли и утвердили
Наши дѣды, черезъ три рѣки прешедши, въ эту
землю».

«Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!»
Повторили старцы и бояре,
И во всемъ народѣ раздался:
«Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!»

«Такъ и быть суду, какъ положило вѣче!»
Порѣшила мудрая княжна Любуша;
И потомъ еще сказала: «старцы и бояре!
Слышали мое вы нынѣ поруганье!»

Непристойно больше разбирать мнѣ ваши споры.
Изберите сильнаго вы мужа—
Пусть онъ вами по желѣзному владѣеть:
Дѣвичьей рукѣ — ужь не подѣ силу!»

И, сказавъ, сошла съ престола золотого.
И молитъ ее усердно стали старцы и бояре,
Чтобъ она въ зазоръ не принимала
Грубяномъ сказанное слово;
Но княжны уже не умолили.
«Такъ сама намъ укажи, по крайней мѣрѣ», —
Заключили старцы и бояре —
«Кто жь достоинъ будетъ нами править?»

И на то Любуша отвѣчала:
«Ужь богами рѣшено, кому быть вашимъ княземъ!
Вотъ мой конь: куда пойдетъ, за нимъ ступайте!
Передъ кѣмъ онъ остановится, тотъ князь вашъ!»
И съ коня узду сняла сама Любуша,
И его пустила безъ узды на волю.

Ѣдутъ съ вѣча посланцы по князя,
Ѣдутъ съ ними вѣщія двѣ дѣвы;

Конь бѣжить гдѣ полемь, гдѣ дорогой;
Добѣжалъ до рѣчки, побѣжалъ вдоль быстрой,
Прибѣжалъ онъ къ нови, къ выжженному полю:
Подымалъ ее желѣзнымъ плугомъ
Человѣкъ въ лаптяхъ, большого роста,
Погонялъ воловъ жезломъ остроконечнымъ.
Конь предъ нимъ какъ разъ остановился.

Посланцы, взглянувъ на пахаря, на лапти,
Передъ нимъ смутясь остановились.
Но, оправясь, поклонились низко:
«Здравствуй, добрый человѣкъ, — сказали —
Облачайся княжеской одеждой,
Надѣвай вѣнецъ: тебѣ княжна Любуша
И народъ весь чешскій повелѣли
Власть принять и княжене надъ нами!»

И на то отвѣтствовалъ имъ пахарь;
«Вамъ добро пожаловать, драгіе гости!
Прежде жъ чѣмъ о дѣлѣ заводите намъ рѣчи,
Угостить васъ, чѣмъ могу, я долженъ,
Здѣсь есть хлѣбъ и сыръ со мною —
Отпущу воловъ и кушайте во здравье!»

И, сказавъ, вонзилъ онъ острый жезлъ свой въ землю,
И съ воловъ ярмо сложилъ, и крикнулъ:
«Гой! идите, милые, до дому!»
Только вдругъ волю — лишь крикнулъ онъ — исчезли,
Словно ихъ и не было тутъ вовсе,
А который жезлъ воткнулъ онъ въ землю,
Изъ него, глядятъ, растутъ три вѣтви —
Выше все и выше — выступаютъ
Изъ вѣтвей еще сучки — и много;
На сучкахъ выходятъ почки,
Почки — смотреть — развернулись въ листья,
А межъ листьевъ выступаютъ гвѣздами орѣхи.

Посланцы и пахарь изумились.
Только дѣвы вѣщія въ единый голосъ —
«Радуйтесь» — воскликнули — «се явно
Боги намъ свою сказали волю:
Облачайся, пахарь, княжеской одеждой,
На коня садись Любушина и съ миромъ
Къ намъ вѣзжай во свѣтлый Вышградъ — Чешскимъ
княземъ!»

Облачился пахарь въ княжія одежды,
На плеча накиннулъ плащъ Любушинъ,
Сапоги надѣлъ... однако лапти

Взялъ съ собой на память—и хранятся
Въ Вышеградѣ эти лапти и донынѣ.

Такъ Премысль сталъ славнымъ чешскимъ княземъ,
А княжнѣ Любушѣ—добрымъ мужемъ.

III.

САБЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА.

(Изъ сербскихъ народныхъ пѣсень).

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
Полоскала дѣвица-туркиня
На рѣкѣ, на Марицѣ, полотна;
Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
На травѣ зеленой разстилала.
И рѣка пустынная шумѣла,
И до солнца воды были свѣтлы;
Но, какъ стало солнце подыматься,
Свѣтлы воды словно помутились;
Все желтѣе проносилась пѣна,
Все темнѣе глубина казалась;
А къ полудню вся рѣка ужъ явно
Алою окрасилась кровью.
И пошли мелькать то фесь, то долманъ,

А потомъ помчало, другъ за другомъ,
То коня съ сѣдломъ, то человѣка;
И вертеть на быстринѣ ихъ трупы,
И что дальше, то плыветъ ихъ больше,
И конца тѣламъ вверху не видно.
Опустивъ валекъ, стоятъ туркиня:
Страшно стало ей отъ тѣлъ плывущихъ;
Только слышитъ, кличутъ къ ней оттуда...
Кличетъ витязь, бьется съ быстриною,
Все его отъ берега относить.
«Умоляю именемъ Господнимъ,
«Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!»
Кличетъ витязь и рукою машетъ,
«Брось конецъ холста ко мнѣ скорѣе,
«За другой тащи меня на берегъ!»
И туркиня бѣлый холстъ кидала,
На одинъ конецъ ногой ступила,
А другой взвился и шлепнулъ въ воду,
И поймалъ его поспѣшно витязь,
И счастливо до берега доплылъ;
А взобрался на берегъ — и молвилъ:
«Охъ, совсѣмъ я изнемогъ, сестрица!
«Исхожу кругомъ я алой кровью...
«Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!»
И упалъ безчувственный на землю.

Побѣжала во свой дворъ туркиня,
Впопыхахъ зоветь родного брата:
«Мустафа, иди, голубчикъ братецъ,
«Помоги,—снесемъ съ тобою вмѣстѣ,—
«Тамъ лежитъ — водой его прибило —
«Весь въ крови и въ тяжкихъ ранахъ витязь.
«Онъ Господнимъ именемъ молился,
«Чтобъ ему мы раны залѣчили.
«Помоги, снесемъ его въ постелю!»

Мустафа-ага пришелъ и смотреть:
Тотчасъ видить — не простой то витязь!
Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхѣ;
У него — съ златымъ эфесомъ сабля,
На эфесѣ — три большихъ алмаза.
Мустафа-ага не думалъ долго,
Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
Да какъ хватить витязя по горлу —
Голова ажъ въ воду покатилась!

Дѣвица руками лишь всплеснула!
«Звѣрь ты, звѣрь, воскликнула, косматый!
«Вѣдь молилъ онъ насъ во имя Божье,
«И меня сестрою милой назвалъ!

«Ты жь какъ разъ позáрился на саблю —
«Черезъ эту жь саблю, знать, и сгинешь!»

Мустафа травою вытеръ саблю,
И столкнулъ ногою тѣло въ воду,
И пошелъ домой, ворча сквозь зубы:
«Вотъ тебя-то не спросилъ я, жалко!»

И немного времени минуло,
Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
Собрались его аги и беи,
У рѣки, у Ситницы, стояли.
Мустафу всѣ кругомъ обступаютъ,
Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
Только, кто ни пробуетъ, не можетъ
Изъ ноженъ ее червленьхъ вынуть.
Подошелъ попробовать и Марко,
Знаменитый Марко королевичъ!
Ухватилъ — да сразу такъ и вынулъ.
А какъ вынулъ, смотреть — а на саблѣ
Врѣзаны три надписи по-сербски:
Ковача Новака первый вензель,
А другое имя — Вукашина,
Третье жь имя — Марко королевичъ.
Приступилъ къ турчину храбрый Марко:

«Гдѣ, турчинъ, ты добылъ эту саблю?
«За женой ли взялъ ее съ приданнымъ?
«Отъ отца ль въ благословенье принялъ?
«Аль на чисто вымѣнялъ на злато?
«Аль въ бою кровавомъ добылъ честно?»

И пошелъ турчина похваляться,
Разказалъ, какъ сдѣлалось дѣло,
Какъ сестра полотна полоскала,
Какъ рѣбой тѣла гяуровъплыли,
Какъ одинъ живой былъ между ними,
Какъ она поймать его успѣла,
И пришелъ онъ, и увидѣлъ саблю...
«Не дуракъ же я на свѣтъ родился»,
Говорить, — «почуялъ, что за сабля,
«Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
«Да хватилъ какъ витязя по горлу —
«Голова ажъ въ рѣку покатила!».

Марко даже рѣчи не далъ кончить,
Какъ въ глазахъ у всѣхъ сверкнула сабля —
И у турка голова слетѣла —
Три прыжка — и шлепнулась въ воду.

Побѣжали доложить султану,
Что бѣды творить кравевичъ Марко,

И султанъ по Марка посылаетъ.
Тотъ одинъ сидитъ въ своей палаткѣ,
Молча пьетъ вино, за чарой чару,
На султанскихъ посланныхъ не смотритъ.
И въ другой разъ шлетъ султанъ, и въ третій,
Наконецъ взяла доука Марка.
Онъ вскочилъ и, выворотивъ шубу
Мѣхомъ кверху, на плечи накиннулъ,
Булаву съ собою взялъ и саблю,
И пошелъ въ султанскую палатку.

На коврѣ султанъ сидитъ въ палаткѣ;
И приходитъ Марко, да и прямо,
Въ сапогахъ, какъ былъ, передъ султаномъ.
На коврѣ узорчатомъ садится.
Самъ глядитъ темнѣе черной тучи,
Очи въ очи устремивъ султану.
Увидалъ султанъ, каковъ есть Марко,
Потихоньку сталъ отодвигаться, —
А за нимъ и Марко, и все смотреть,
Смотрить такъ, что дрожь беретъ султана.
Онъ еще отвинется, а Марко —
Все за нимъ, да такъ и приперъ къ стѣнкѣ;
И сидитъ султанъ, мигнуть боится.
«Ну, какъ вскочить, думаетъ, — да хватить»

Булавой» — и пробуеть, что тутъ ли
Ятаганъ его на всякій случай.
Ужь на силу собрался онъ, молвить:
«Видно, Марко, кто тебя обидѣлъ?
«Обижать тебя я не позволю!
«Учиню, коль хочешь, судъ не медля». —
Все отъ Марка нѣтъ, какъ нѣтъ отвѣта.
Наконецъ, обѣими руками
За концы онъ взялъ и поднялъ саблю,
И поднесъ ее къ глазамъ султану.
«Объ одномъ молись ты вѣчно Богу,
Онъ сказалъ, дрожа и задыхаясь, —
«Что нашель не на тебѣ, владыко
«Всѣхъ подлунныхъ царствъ, я эту саблю:
«Погляди, какая это надпись?
«Прочитай — тутъ имя Вукашина!
«Вукашинъ — царь сербскій, мой родитель».

И, сказавъ, заплакалъ храбрый Марко.

IV.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

СЕРБСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Именинникъ былъ царь Лазарь;
Собрались къ нему всѣ баны,
И князья, и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохладжались
Во честномъ, почетномъ пирѣ.
Пирь ужь былъ во полупирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица,
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложила жемчугами,
Поясъ кованный надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ-вѣнецъ поверхъ покрова;

Поклонилася супругу,
Поклонилася, говорила:
«Господинъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бѣ не слѣдъ къ тебѣ входить,
Не подобно бѣ говорити,
Да не терпять больше сердце!
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится.
Все является мнѣ старецъ
Въ клобукѣ и черной рясѣ;
Осіянь небеснымъ свѣтомъ,
Держитъ онъ большую книгу;
И пречудныя въ той книгѣ
Кажеть мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно поле,
Только все дымится кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жь лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю землю.
И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что велитъ по ней исполнить —

Не могла никакъ я сдумать.
Только сдумала одно я, —
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ землею славной Сербской,
Собирали серебро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыхъ.
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь серебро и злато,
Самъ по всей землѣ прославленъ,
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построилъ
Ни обители, ни церкви».

Призадумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
«Храмъ построю я, какого
Не бывало въ Сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ серебра поставлю стѣны,
Краснымъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И каменемъ самоцвѣтнымъ, —

Да во славу христіанамъ
Онъ на всю сіяеть землю!»
Повставали съ мѣсть всѣ баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль цареву:
«Съ Богомъ, царь, благое дѣло!»
Только Милошь воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидитъ, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошь,
Посылалъ къ нему онъ чашу:
«Буди здравъ, князь славный Милошь!
Что сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не по-сердцу рѣчь наша?»

И вскочилъ князь славный Милошь,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
«Государь ты, свѣтъ-царь Лазарь!
Не вотще царицѣ снилось
Поле, залитое кровью,
Словно воинство какое

Полегло на немъ, побито:
Прочитай ли ты въ Писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Что стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
«Близокъ часъ, во онъ-же Турокъ
«Придетъ на нашу землю,
«Царство Сербское порушить,
«Поплѣнить народъ въ работу».
Вотъ кровавое-то поле!
Если жъ ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самоцвѣтные каменья:
Придетъ поганый Турокъ,
Разнесетъ онъ все и сруетъ.
Изъ свинцу полетятъ онъ ядереъ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьетъ на сбрую конямъ,
Самоцвѣтные каменья
Вправитъ въ сабельныя эфесы,
А все золото и жемчугъ

Забереть своимъ туркинямъ,
И наложницамъ, и женамъ,
На мониста и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огонь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жъ злата и каменьевъ —
Да сіяеть благочестьемъ,
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ Турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство Сербское порушить,
Поплѣнить народъ въ работу:
На сѣрь-камень не польстится.
И пребудутъ, яко звѣзды,
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменные церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю,

И стоять въ сердцахъ у Сербовъ
Будеть вѣки нерушимо
Царство Сербское, подь вѣрнымъ,
Подь невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указываеъ царицѣ
Во святомъ видѣннѣ старецъ»...

1867.

V.

КАКЪ ОТДАРИЛЪ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ
МОСКОВСКАГО ЦАРЯ.

Идутъ письма изъ Земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ — и въ Стамбуль приходятъ;
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану,
А при письмахъ царскіе подарки;
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть злата,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жь у змѣя вставленъ камень,
Самосвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить, и видѣть,

Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Для сына султанова, Абдула:
Дорогія острыя двѣ сабли,
Золотая рукоять на каждой,
А на нихъ по дорогому камню;
Для султанши жъ — колыбель златую,
Видь гнѣзда имѣла — хитрой рѣзбы!
Въ головахъ — удалый соколъ-птица.

Получивъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать,
Что бь царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто прійдетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлетъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій;
Поклонились низко, цѣловали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,

И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
«Слуги вы мои, ходжа и кадій,
Вы вдвоемъ меня не вразумите ль,
Что послать въ Московскую мнѣ землю,
Изъ моей земли царю въ подарокъ?»

Отвѣчали и ходжа и кадій:
«Царь-султанъ! твоя надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позвалъ бы старца-патріарха:
Онъ скорѣй научить и укажетъ,
Что послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій».
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы позвалъ старца-патріарха.
И когда пришелъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему, какіе
Получилъ подарки, и промолвилъ:
«О, слуга мой, старче-патріарше!
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ
Государь, великій царь Московскій?»

Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволь мнѣ слово молвить,
Какъ Господь мнѣ на сердце положить.
Есть въ твоемъ великомъ государствѣ,
Что царю Московскому отправить,
Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребности,
А царю угодны будутъ, знаю».

Полюбилась эта рѣчь султану,
И велѣлъ онъ старцу-патріарху,
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ посланцамъ московскимъ.
Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ,
И, вручая посланцамъ, сказалъ имъ:
«Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;
Но большой не ѣздите дорогой,

А идите лѣсомъ и горою:
Будеть вамъ во слѣдъ погоня злая,
Чтобъ отнять у васъ сіи святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
Я сложу главу свою за это,
Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
Да за то душа моя спасется».
И затѣмъ простился съ посланцами.
И султанъ доволенъ былъ, что кончилъ
Наконецъ съ такимъ мудренымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ,
Передъ всѣми началъ похваляться.

Вотъ опять приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ, похвасталъ:
«Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
Что къ царю Московскому послалъ я?
Даль я посохъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя даль Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребности,
А царю они угодны будутъ».
И спросилъ султана Соколовичъ:

«По чьему жь ты сдѣлалъ такъ совѣту?»
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
«По совѣту старца-патріарха!»
И сказалъ на это Соколовичъ:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужъ тоже кстати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно — отдать прійдется послѣ,
И съ великимъ для тебя позоромъ!
Вѣдь на тѣхъ святыняхъ и держалось
Все твое владычество и царство!»

Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Спохватился и всплеснулъ руками,
И шагѣ приказывалъ посиѣшно:
«Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
Собери ты турокъ-янычаровъ,
Догони ты посланцевъ московскихъ,
Отбери у нихъ мои подарки,
Отбери святыни, на которыхъ
Все мое и утверждалось царство!»
Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;

Ищеть, ищеть посланцевъ московскихъ —
Не нашель нигдѣ, домой вернулся,
Говорить султану, что не видѣль,
Какъ ни бился, посланцевъ московскихъ.
И султанъ пришелъ въ велику ярость,
Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
«Такъ иди жь, паша, слуга мой вѣрный,
И убей ты старца-патріарха!»

Побѣжалъ паша приказъ исполнить —
И схватилъ онъ старца-патріарха,
И взмахнулъ надъ нимъ ужь острой саблей —
Патріархъ же старецъ молвилъ тихо:
«Господинъ паша, остановися —
Погоди, не обагряй, пожалуй,
Землю кровью праведной моею,
А не то три года быть засухѣ:
Ничего земля родить не станетъ!»
Услыхалъ паша, что молвилъ старецъ,
И повель его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужь острую саблю;
Говорить опять великій старецъ:
«Господинъ паша, остановися,
Не губи меня на синемъ морѣ:
Встанеть буря, море возмутится,

Корабли потопить и галеры,
Города залеть, размоетъ землю!»
Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
Да паша не сталъ ужъ старца слушать,
И отсѣкъ главу его святую.

Далъ Господь въ своемъ раю небесномъ
Прославленье праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и веселье.

VI.

СОНЪ КОРОЛЕВИЧА МАРКА.

Вижу — поле, залитое кровью;
Грустно мѣсяць на поле глядитъ...
Славный витязь Марко королевичъ
Между труповъ раненый лежитъ.

Духи горъ витають надъ тѣлами,
Все кого-то ищутъ — вотъ нашли —
И съ собою осторожно Марка
Съ поля битвы въ горы унесли.

Въ высотахъ заоблачныхъ, въ пещерѣ,
Онъ узналъ про плѣнъ страны родной, —
И вскочилъ, и выхватилъ онъ саблю,
И, поднявъ ее надъ головой,

Остриемъ, въ упоръ, ударилъ въ камень...
Онъ ударилъ, чтобъ ее сломать,
Но о камень не сломалась сабля,
А вошла въ него по рукоятъ;

Самъ же Марко силою чудесной
Въ этотъ мигъ внезапно пораженъ,
Повалился на землю въ пещерѣ
И въ глубокой погрузился сонъ.

Высоко пещера та въ Балканахъ;
Духи горъ всё входы стерегутъ,
Вкругъ играютъ съ молніей и громомъ,
Съ вѣтромъ пѣсни буйныя поютъ.

Ту пещеру пастухи лишь знаютъ. —
И сказали духи пастухамъ:
«Въ срокъ свой сабля выпадетъ изъ камня,
Встанетъ Марко и отмститъ врагамъ!»

И съ тѣхъ поръ къ пещерѣ по утесамъ
Пастухи собираются тайкомъ:
Триста лѣтъ не трогалась сабля,
Триста лѣтъ спалъ Марко крѣпкимъ сномъ.

Въ краѣ сербскомъ вознеслись мечети;
Янычарь, въ толпѣ, средь бѣла дня,
По базарамъ женъ давилъ копытомъ
Своего арабскаго коня.

Царь и царство, пышный дворъ и баны,
И пиры, и битвы — отошли
Въ область сновъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Въ область царствъ, исчезнувшихъ съ земли...

Вдругъ раздался словно гулъ подземный;
Вся гора подъ Маркомъ сотряслась,
Спящій Марко вдругъ зашевелился,
Сабля жъ вдругъ изъ камня подалась...

Этотъ гулъ — былъ громъ полтавскихъ пушекъ.
Марковъ сонъ съ тѣхъ поръ тревоженъ сталъ.
Вотъ летятъ орлы Екатерины —
По Балкану трепеть пробѣжалъ —

Мірѣ, лишь въ пѣснѣ жившій, словно вышелъ
Изъ земли, какъ былъ по старинѣ:
Тѣ жъ гайдуки, тѣ же воеводы,
Тѣ жъ попы съ мечомъ и на конѣ!

Съ древней славой новую свивая,
Гусляры по всей странѣ идутъ:
Бьетъ врага Георгій или Милошъ —
Тотчасъ пѣснь вездѣ о нихъ поютъ...

Вотъ ужъ снова колокольнымъ звономъ
Загудѣла сербская земля...
Вотъ — Бѣлградъ позорившее знамя
Спущено на-вѣкъ съ его кремля...

Съ каждымъ часомъ Марковъ сонъ все тоньше,
И изъ камня сабля все идетъ, —
Говорять, — чуть держится, ужъ гнется...
Что же медлить? что не упадетъ?...

VII.

РАДОЙЦА.

(Изъ сербскихъ пѣсень).

Что за чудо, Господи мой Боже!
Громъ гремитъ, или земля трясется?
Или море подъ скалой грохочетъ?
Или Вилы на горахъ воюютъ?
Нѣтъ, не громъ и не земля трясется,
И не Вилы горныя, не море, —
То наша на радости стрѣляетъ,
Самъ Бекирь-ага палитъ изъ пушекъ,
Ажно въ Зарѣ всѣ домà трясутся!
Да еще бѣ не радость, не веселье!
Удалось ему словить Радойцу,
Гайдука Радойцу удалого!

И Радойцу привели въ темницу,
А ужъ тамъ давно сидитъ ихъ двадцать,

Цѣлыхъ двадцать гайдукѡвъ удалыхъ.
Какъ Радойцу только увидали,
На него накинудись всѣ двадцать:
«Эхъ, Радойца, чтобъ те пусто было!
«Что хвалился, моль, своихъ не выдамъ,
«Отыщу, на днѣ морскомъ достану!
«Вотъ теперь сиди и хныкай съ нами!»

Отвѣчалъ имъ удалой Радойца:
«Вы покуда знай-молчите, братцы;
«Ужъ сказалъ — васъ выпущу на волю,
«Не живой освобожу, такъ мертвый».

Какъ свѣтало и взошло ужъ солнце,
Только слышать гвалтъ въ тюрьмѣ и крики:
«Чортовъ кусъ! Бекиръ-ага проклятый!
«Что привелъ ты къ намъ еще Радойцу!
«Околѣлъ онъ тутъ сегодня за ночь!
«Убирай отъ насъ его скорѣ».

Унесли Радойцу изъ темницы,
Приказалъ ага, чтобъ схоронили.
На дворѣ народъ толпится, смотреть.
И жена Бекира тоже вышла,
Поглядѣла, да и молвить мужу:

«Господинъ мой, какъ ужь тамъ ты знаешь,
«Только мнѣ сдается — живъ Радойца!
«Ну, какъ что недоброе затѣялъ?
«Испытать его бы не мѣшало.
«Ты вели-ко накалить желѣзо,
«Припеки ему бока крутые,
«Коли живъ,—поморщится, разбойникъ!»

Накалили до-красна желѣзо,
Припекать бока Радойцѣ стали —
Онъ лежитъ, не шевельнетъ и бровью.

На своемъ таки стоитъ Бекирша:
«Хоть убей меня, а живъ бездѣльникъ!
«Ты возьми-ко вотъ гвоздей желѣзныхъ,
«Вбей ему по гвоздику за ногти, —
«Тутъ посмотримъ: шевельнется, нѣтъ ли!»

Принесли гвоздей; за каждый нозь
На рукахъ и на ногахъ вбиваютъ:
Онъ лежитъ — ни-ни, не шевельнется,
Ни однимъ суставчикомъ не дрогнетъ.

Мало все еще ехидной бабѣ:
«Разрази Господь меня на мѣстѣ»,

Говорить, — «а живъ таки, собака!
«Вотъ что сдѣлай, — научаетъ мужа: —
«Ты скажи-ко кликнуть кличъ дѣвицамъ,
«Чтобы шли во дворъ къ папѣ на праздникъ;
«Пусть вокругъ Радойцы пляшутъ кѣло,
«А заводитъ кѣло пусть Гайкуна:
«Знаю я мужскую вашу совѣсть, —
«Коли живъ — не стерпитъ, шевельнется!»

Собрались дѣвицы, пляшутъ кѣло,
Вкругъ Радойцы прыгаютъ и ходятъ,
Впереди — красавица Гайкуна...
А Гайкуна ужъ была такая, —
Богъ съ ней, право! — красота, что чудо!
Всѣмъ взяла — и станомъ, что твой тополь,
И лицомъ — заря съ него не сходитъ,
А идетъ — такъ словно вѣтеръ въ листьяхъ
Шелестятъ шелковыя шальвары!
Стало виться, развиваться кѣло;
Голоса дѣвичьи загудѣли;
Мѣрно-звонко звякаютъ червонцы;
Что весна вокругъ Радойцы вѣетъ,
На лицо что жаръ полдненный пышетъ...
Будь-ко живъ онъ — какъ бы застучало,
Какъ бы сердце у него забилося, —

Хоть однимъ глазкомъ, а ужь бы глянулъ!
Тихо, ровно вокругъ идетъ Гайкуна,
И съ лица Радойцы глазъ не сводить;
Только вдругъ — вздрогнула, улынулась,
И платочекъ — будто ненарокомъ —
На лицо ему съ плеча сронила —
И плясать не стала: «Какъ ты хочешь,» —
Говорить, — «родитель мой любезный,
«А постыдно тѣшиться надъ мертвымъ!»
И Бекирь уважилъ дочку, тотчасъ
Приказалъ похоронить Радойцу;
Но старуха все не унялася:
«Брось его по крайности ты въ море!
«Пусть съѣдятъ его морскіе гады!»
— «Все одно!» Бекирь сказалъ, не спорилъ,
И велѣлъ Радойцу бросить въ море.

Весель въ этотъ день онъ сѣлъ за ужинъ,
«Въ первый разъ, молъ, въ девять лѣтъ сегодня
«Съ легкимъ сердцемъ ужинать сажуся.
«Девять лѣтъ мнѣ не давалъ покоя
«Этотъ воръ анаемскій Радойца!
«Да — Аллаху слава! — съ нимъ покончилъ!
«Завтра тѣхъ двадцатерыхъ повѣшу!»
Только это онъ успѣлъ промолвить,

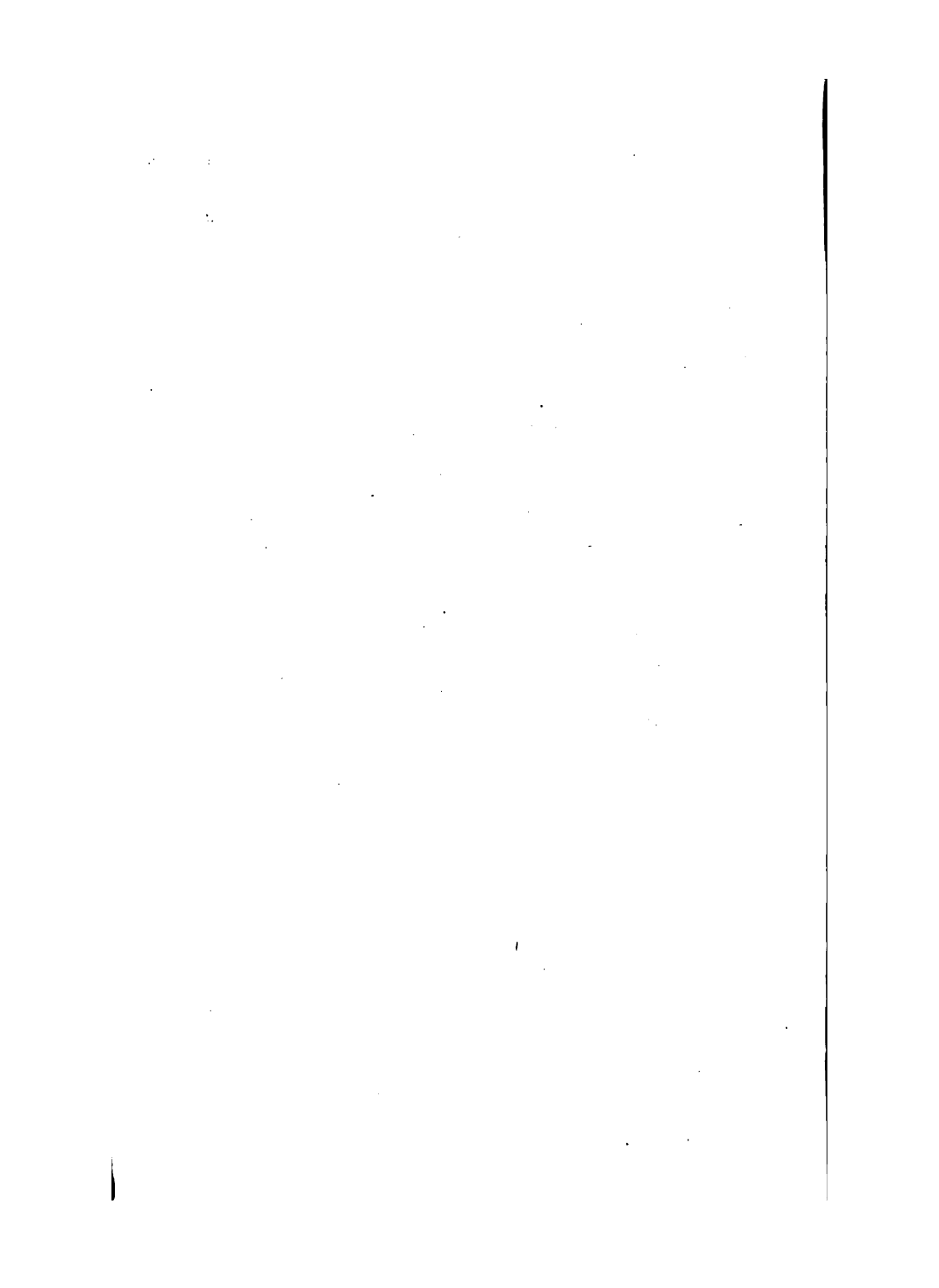
Глядь — а передъ нимъ стоитъ Радойца,
Живъ и здравъ и съ поднятою саблей!
Не успѣлъ онъ ни вскочить, ни крикнуть,
Не успѣлъ — безъ головы свалился.
А Бекирша только увидала —
Какъ на мѣстѣ жь померла со страху.
«Ты же, свѣтъ очей моихъ, Гайкуна», —
Молвилъ онъ ей, руку подавая, —
«Отыщи ключи ты отъ темницы,
«Да сама въ дорогу собирайся!
«Выпустимъ товарищей удалыхъ,
«И скорѣй въ Шумадію уѣдемъ».

Не корили ужь его гайдуки,
Разнесли объ немъ далеко славу,
Что ужь слово скажетъ, такъ ужь сдержитъ.
Въ ту же ночь ушли они съ Гайкуной;
Покрестилъ ее онъ въ первой церкви,
Во крещеньи назвалъ Ангеликой,
Да потомъ и повѣнчался съ нею.

III.

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПЪСНИ.

I.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани:
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?»

— «Не гонялъ я волнъ морскихъ.
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ!»

II.

МАТЬ И ДѢТИ.

— «Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя —
Ты сама намъ говоришь».

— «Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ».

— «Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ».

— «Ахъ, у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!..»

III.

Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и запѣла:
Какъ Февраль ни злися,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ —
Все весною пахнетъ!

IV.

ДВУСТИШІЯ.

1.

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сѣются разомъ, и вмѣстѣ растутъ!

2.

Тащить свой неводъ рыбакъ — рвется изъ невода рыбка.
Дѣва! на волю я рвусь—и за тобою иду!

3.

Бѣлая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
Чернаго врана, что спитъ подлѣ тебя, — прогони!

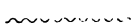
4.

Горленка лѣсная! Кто тебя изловить?
Въ клѣточку посадить и голубить станеть?

V.

Я бѣ тебя поцѣловала,
Да боюсь, увидить мѣсяць,
Ясны звѣздочки увидятъ
Съ неба звѣздочка скатится,
И расскажетъ синю-мору,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла Яни рыболову,
А у Яни — люба Мара;
А когда узнаетъ Мара, —
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ;
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

VI.

Тихо море голубое!
Если бѣ вихрь не налеталъ,
Не шумѣло бѣ, не кидало бѣ
Въ берега за валомъ валъ!

Тихо бѣ грудь моя дышала,
Если бѣ вдругъ, въ душѣ моей,
Образъ твой не проносился
Вихря буйнаго быстрѣй!

VII.

ПОЦѢЛУЙ.

Между мраморныхъ обломковъ,
Посреди сребристой пыли,
Однорукій клефтикъ тешеть
Мраморъ нѣжный, словно пѣна,
Прибываемая моремъ.
Мимо дѣвица проходить,
Златокудрая, что солнце,
Говорить: «зачѣмъ одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда жь дѣваль другую?»

— «Полюбилась мнѣ дѣвица,
Роза первая Стамбула!
Поцѣлуй одинъ горячій,
И — мнѣ руку отрубили!
Въ свѣтѣ есть еще дѣвица,
Златокудрая, что солнце...
Поцѣлуй одинъ бы только,
И руби другую руку!»

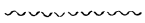
VIII.

Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,
И христосоваться къ вамъ
Я приду: смотри же, Дора,
Не одни мы будемъ тамъ!
Будто въ первый разъ, краснѣя,
Поцѣлуемся при всѣхъ,
Ты — очей поднять не смѣя,
Я — удерживая смѣхъ!

IX.

Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ,
Пѣла пѣсню дѣва, злымъ убита горемъ,
Вѣтру говорила, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.
Пробѣгалъ корабликъ мимо подъ скалою;
Слышать мореходы голосъ надъ собою,
Видятъ дѣву-чудо, парусъ оставляютъ,
Бросили работу, руль позабываютъ.
«Проходите мимо, мореходы, смѣло!
Ахъ! не бѣлокрылымъ кораблямъ я пѣла!
Я молила вѣтеръ, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала».

X.

Межь тремя морями башня,
Въ башнѣ красная дѣвица
Нижеть звонкіе червонцы
На серебряныя нити.
Вышло всѣхъ двѣнадцать нитокъ.
Повязавши всѣ двѣнадцать —
Шесть на грудь и шесть на косы —
Вызываетъ дѣва солнце:
«Солнце, выдь! — я тоже выйду!
Солнце, глянь! — я тоже гляну!
Отъ тебя — луга повянутъ,
Отъ меня — сердца посохнутъ!»

XI.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

Запѣвають пташки на зарѣ,
Золотятся снѣги по горѣ;
Пробудилась молода жена,
Будить мужа стараго она:
«Пробудись-проснись, голубчикъ мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли станъ, что тонкій кипарисъ,
Что лимоны, груди поднялись...»
Старый мужъ прикинулся, что спить,
Самъ не спить, а въ полуглядѣ глядитъ.
«Эхъ, когда бы прежніе года
Не будила бы меня млада!
Засыпала бь поздно ввечеру,
Просыпала бь долго поутру;
По утрамъ бы я ее будилъ,
Золотыя бь рѣчи говорилъ;
Притворялась бы она, что спить,
Крѣпко спить, не слышитъ, не глядитъ».

XII.

МОЛОДАЯ ЖЕНА.

Наряжалась младая Елена,
Наряжалась на праздникъ къ обѣдни.
Красный фесъ съ жемчугомъ надѣвала,
И червонцы на черныя косы;
Изъ лица вся сіяла, что солнце;
Бѣла-грудь — что серебряный мѣсяць.
Подымалася на гору въ церковь,
Стала спрашивать буйное сердце:
«Что ты сердце болишь и вздыхаешь?
Словно камень ты на гору тащишь?..»
— «Легче бѣ камни тащить мнѣ, чѣмъ горе,
Злое горе отъ стараго мужа.
Я бѣ къ другому пошла хоть въ неволю,
Хоть въ неволю бѣ пошла къ молодому!

Ненаглядно бѣ я имъ любовалась,
Что высокимъ въ саду кипарисомъ;
Любовался бѣ онъ, тѣшился мною,
Что цвѣтущею яблонькой, вѣжной;
Я сама бы его наряжала,
Какъ меня наряжаетъ мой старый;
Я ему бы все въ очи глядѣла,
Какъ глядитъ мой старикъ въ мои очи;
И не звалъ бы меня онъ ворчуньей,
И капризной, негодною плаксою,
Называлъ бы веселою пташкой,
Называлъ бы своею голубкой!..»

~~~~~

У нея слова такія:
Скажетъ — рѣки не текутъ!
Съ неба звѣзды золотыя,
Словно яблочки спадуть!

Глянетъ въ очи — словно хлынетъ
Въ сердце свѣтъ съ ея лица;
Улыбнется — словно кинетъ
Алой розой въ молодца!

XIV.

Птички-ласточки, летите
Къ прежней любушкѣ моей:
Не ждала бь она, скажите,
Мила друга изъ гостей.

Во чужой землѣ сгубила
Зла-волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила боя.

Я коня ли осѣдлаю —
Разсѣдлается онъ самъ;
Безъ сѣдла ли выѣзжаю —
Громъ и буря въ встрѣчу намъ!

XVI.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ.

Два дня у насъ шель пиръ горой, два дня была попойка,
На третій, поздно къ вечеру, вина въ мѣхахъ не стало;
Достать еще вина меня послали капитаны;
Пошелъ я въ незнакомый путь — дорогой заплутался,
Шель дикими тропинками, шель узкими путями;
И узкій путь привелъ меня къ пустынной старой церкви.
Вкругъ церкви было кладбище — все плиты гробовыя;
Одна плита пониже всѣхъ — отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
И я не разглядѣлъ ея, ногой прошелъ по камню.
И слышу будто стонъ глухой и голосъ изъ могилы.
«О чемъ, спросилъ я, ты вопишь, о чемъ, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебѣ иль давить черный камень?»
— «Нѣтъ, мнѣ не тяжела земля, не давить черный камень,
А стыдно мнѣ, и больно мнѣ, и горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!..
Аль не былъ тоже молодъ я? аль не былъ паликаромъ?
При мѣсяцѣ не хаживалъ пустынными тропами?
И съ зорями росистыми не радовался міру?..»

XVII.

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

Сторожать меня Албанцы,
Я въ цѣпяхъ, но у окна
Зацвѣтають померанцы:
Добрый знакъ — близка весна!

Дайте ей лишь укрѣниться,
Обрасти густымъ вѣтвямъ,
И тропинкамъ позакрыться
Темной листвою по горамъ, —

Не сдержать меня желѣзу!
Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу,
И въ кустарникъ пропаду.

Пусть Албанцы тутъ стрѣляютъ!
Посреди турецкихъ селъ
Скоро матери узнають,
Завопятъ, что Димъ ушелъ!

XVIII.

Г А Д А Н І Е.

Египтянка, какъ царица,
Вся въ червонцахъ, въ жемчугахъ,
Сыплетъ зелья на жаровню
Съ заклинаемъ на устахъ.

Передъ ней, бѣла какъ мраморъ,
Дѣва юная стоитъ...
Египтянка поблѣднѣла,
Смотрить въ тьму и говорить:

«Вижу дикое поморье;
Слышу стукъ мечей стальныхъ:
Бьется юноша-красавецъ,
Бьется противъ семерыхъ.»

«Онъ упалъ, они бѣжали...
Къ синю морю онъ ползеть...
Мимо идутъ бригантины,
Онъ имъ машеть, онъ зоветъ:

—«Передайте Казандони,
Что идетъ Вели-паша —
Мимо идутъ бригантины,
Не внимая, не спѣша...

«Онъ исходитъ алой кровью,
Холодѣть... лишь одинъ
Томный взоръ слѣдитъ за бѣгомъ
Уходящихъ бригантинъ...

«А надъ нимъ ужь рѣютъ чайки,
Все-то ниже и смѣлѣй,
И не сводитъ взгляда вѣронъ
Съ потухающихъ очей».

XIX.

ЦАВЕЛИХА.

Съ горь Али-паша на Сули
Въ нетерпѣньи взоры мечеть,
А надъ нимъ порхаетъ птичка,
И кружится, и щебечеть:

«Видно, это не Янина,
Гдѣ шумять твои фонтаны;
Не Превеза, гдѣ ты ставишь
Для своихъ Албанцевъ станы.

«Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюють
Жены, дѣвицы и дѣти!

«И съ ружьемъ въ рукѣ выводить
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле —
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ!»

XX.

Побѣду клефты празднують, пируютъ капитаны;
Разносить вина, яства имъ кудрявый, статный мальчикъ.
Наѣлися, напилися, метать пошли каменя,
А мальчикъ—что въ сраженіи, что въ играхъ всюду первый.
Да разъ, какъ размахнулся онъ,—еще не бросилъ камня,—
Анъ пуговицы лопнули, и петли оборвались,
И бѣлая грудь дѣвичья широко распахнулась.
Остолбенѣли молодцы, и смотрятъ капитаны, —
Не мѣсяць ли, не молнія ль блеснула передъ ними...
Зардѣлася красавица, отъ гнѣва чуть не плачетъ.
«Чего глядите? — крикнула, три года были слѣпы!»
Свой фесъ и ножъ имъ бросила, и скрылася изъ виду.
Съ тѣхъ поръ пропалъ и слухъ о ней, въ горахъ, у па-
ликаровъ.
Но во святой обители, между бѣлицъ смиренныхъ,
Смиреннѣй всѣхъ ихъ новая бѣличка появилась.

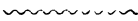
XXI.

ПЛАЧЪ ПАРГІОТОВЪ.

«Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря,
Разскажи мнѣ, что въ горахъ за грохотъ?
Точно стонъ весь день стоитъ надъ Паргой.
Приступили что ли Турки снова?
Загорѣлся что ли бой смертельный?»

—«Нѣтъ, не Турки къ Паргѣ приступили,
И не бой смертельный загорѣлся;
Предана невѣрнымъ наша Парга!
Паргу скрыть велѣли христіане,
Христіанскихъ царствъ цари-владыки!
Паргіотовъ съ родины погоняютъ,
Какъ быковъ погоняютъ, какъ барановъ!
И пойдутъ они въ чужую землю!
И отцовъ своихъ гроба покинутъ,

На позоръ покинуть Божьи храмы!..
Вьютъ муловъ, разоряютъ дома...
Жены косы рвутъ въ печали лютой,
Старики рыдаютъ злымъ рыданьемъ:
По церквамъ попы съ великимъ плачемъ
Забираютъ утварь и иконы...
Видишь пламя: дымъ поднялся черный;
Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгутъ, святяги кости храбрыхъ,
Что когда-то сами жгли визирей!
Дѣти жгутъ отцовъ и дѣдовъ кости,
Чтобъ рукамъ невѣрныхъ не достались!
Слышишь — стонъ сильнѣй пошелъ и выше?
Голоса подымутся и стихнутъ...
Разстаются, камни обнимаютъ,
Уходя, ѣдятъ родную землю!..

XXII.

Д Е С П О.

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флагъ турецкій вьется...
Только Деспо въ черной башнѣ
Заперлась и не сдается.

«Положи оружье, Деспо!
Вамъ ли спорить, глупымъ женамъ?
Выходи къ папѣ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ!»

— «Не была рабою Деспо,
И не будетъ вамъ рабою!» —
И, схвативъ зажженный факель: —
«Дѣти, крикнула, за мною!»

Факель брошенъ въ темный погребъ...
Дрогнувъ доль, ударъ раздался —
И на мѣстѣ черной башни
Дымный столбъ заколебался.

XXIII.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Собирайтесь, паликары!
Умираетъ капитанъ!
Умираетъ онъ отъ честныхъ,
Отъ святыхъ турецкихъ ранъ! —
Умереть, друзья, не страшно.
Да могила мнѣ страшна...
Темно, тѣсно... Одинокій
Въ ней лежи и спи безъ сна! —
Съѣстъ земля и фесъ, и долманъ,
Мечъ, не ржавѣвшій въ крови,
И усы мои, и брови,
Брови черныя мои!..

«Нѣтъ, меня не зарывайте
Братцы, въ землю! На горѣ

Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицомъ къ зарѣ.
Въ гробѣ окна прорубите,
Чтобъ мнѣ вѣяло весной,
Чтобы ласточки, кружась,
Щебетали надо мной! —
Чтобъ изъ гроба я далеко
Могъ бы Турокъ различать,
Чтобъ направо и налѣво
Могъ имъ пулю посылать».

XXIV.

Сорокъ клефтовъ на зимовки
Возвращалися домой,
Малый наняли корабликъ, —
Да похвастали казной.

Корабельщикъ — плуть-Алоанецъ!
Къ островку онъ пристаеъ.
«Погуляйте-ка тутъ, братцы,
Переждемъ, гроза идетъ!»

И на островъ вышли клефты
(Онъ былъ малъ, и дикъ, и голъ),
А межъ тѣмъ поставилъ парусъ
Корабельщикъ и — ушелъ.

Черезъ сорокъ дней приходять
За добычею своей:
Только двое шевелятся
Межъ разбросанныхъ костей;

Живъ былъ Яни, — весь искусанъ, —
И Георгій чуть дышалъ;
У него жъ голодный Яни
Ноги тощія глодалъ.

XXV.

ЧУЖБИНА.

Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!
Видѣлъ я, какъ пришлыхъ тамъ хоронять!
Безъ попа, безъ свѣчь и безъ кадила,
Не помазавъ муромъ, не отпѣвши,
Гдѣ пришлось, зарожь, какъ собаку!
Какъ пахать потомъ пріѣдутъ землю,
Съ горь пригонять двухъ воловъ рогатыхъ,
Въ плугъ впрягутъ, и молодець удалый
Понуждать въ бока начнетъ ихъ саблей,
И по первой бороздѣ глубокой
Изъ земли да выкинетъ онъ ноги,
По другой — красавца паликара...
Завопить, завоюетъ бѣдный пахарь:
«Будь такой да у меня товарищъ,

Я бы съѣсть землѣ его такъ не далъ!
Я пошелъ бы къ морю, къ синю-морю,
На широкое бы пошелъ поморье;
Я бы нарѣзалъ тростнику морского,
Смастерилъ бы гробъ ему просторный,
Я бы въ гробу постлалъ ему постелю,
Всю бы цвѣтами, ландышами выстлалъ,
Всю бы выстлалъ свѣжимъ амарантомъ!»

XXVI.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ.

Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину,
Феска на бокъ, волосы кудрями.
Смерть за нимъ съ вершины примѣчала,
И въ обходъ пустилась, и въ ущельѣ
Вдругъ ему дорогу заступила.
«Ты куда, красавецъ, и откуда?»
— «Я изъ стана, пробираюсь къ дому».
— «За какимъ торопишься ты дѣломъ?»
— «Захватить хочу вина и хлѣба,
И тотчасъ назадъ вернуться въ горы».
— «Не захватишь ни вина, ни хлѣба,
И назадъ ты въ горы не вернешься.
Я тебя давненько поджидаю».
Усмѣхнулся молодецъ удалый,
Оглядѣлъ онъ Смерть, встряхнулъ кудрями:

— «Я, сказалъ, отдамся только съ бою.
Если хочешь, попытаемъ силы:
Сломишь ты — бери мою ты душу,
Я сломя — сама ты мнѣ послужишь».
— «По рукамъ», костлявая сказала.
По рукамъ ударили. Схватились.
Бились два дня, билися двѣ ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колѣно гнули и съ отмаху,
Смерть давно бока ему ссадила;
У нея самой трещали кости,
А какъ хватить онъ на третье утро,
На ногахъ насилу устояла.
Да за то ужъ вдругъ разсвирѣѣла
И какъ схватить молодца за кудри,
Какъ рванеть — и грянулся онъ ѓземъ,
Словно дубъ, поваленный грозою.
Смерть тотчасъ на грудь къ нему вскочила,
Принялась душить его подъ горло.
— «Ты ужъ больно давишь, простоналъ онъ:
Кончимъ шутку, мнѣ пора быть дома,
Стричь овецъ, сыры изъ кадей вынуть».
Смерть глядитъ въ глаза ему и давить.
— «Дай ты мнѣ еще хоть двое сутокъ
Погулять на вольномъ бѣломъ свѣтѣ;

Попрощаюсь только со своими
И потомъ приду, куда укажешь». .
Смерть глядитъ въ глаза и пуще давить.
— «У меня жена есть молодая!
Какъ одна останется, голубка!
Весела всегда была, какъ пташка...
У меня сынокъ есть — чуть лепечеть,
Есть другой — чуть-чуть смѣяться началъ...
Отпусти хоть ради ихъ, сиротокъ!»
Налегаеть Смерть ужъ всею силой.
— «Объ душѣ хоть дай подумать грѣшной!»
Прохрипѣлъ онъ и замолкъ навѣки.
Съ тѣмъ она его и доконала.

XXVII.

А Д Ъ.

Изъ подземнаго изъ ада
Съ шумомъ вылетѣла птичка;
И, какъ вылетѣла, сѣла
На траву и еле дышитъ.
Видятъ матери и сестры,
Сладкій мускусъ ей приносятъ,
Амарантъ и бѣлый сахаръ.
«Освѣжися, пей и кушай!»
Уговариваютъ птичку;
«Разскажи намъ, что въ подземномъ,
Темномъ царствѣ ты видала?»
— «Что сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!»
Вздогнувъ, вымолвила птичка;
«Смерть я видѣла, какъ скачетъ
На конѣ въ подземномъ царствѣ;
Юныхъ за волосы тащить,
Старыхъ за руки волочить,
А младенцевъ навизала
Вкругъ, за горлышко, на поясъ».

~~~~~

XXVIII.

Что горы потемнѣли?
 Что тьма по нимъ ползеть?
 Не вѣтеръ ли ихъ хлещеть?
 Не дождикъ ли сбъчетъ?

Не вѣтеръ горы хлещеть,
 Не дождикъ ихъ сбъчетъ:
 Ихъ Смерть переѣзжаетъ
 И полкъ тѣней ведетъ.

Кончаютъ повѣздъ старцы,
 А юноши въ челѣ;
 Рядкомъ сидятъ младенцы
 У Смерти на сѣдлѣ.

И юноши ей кличуть,
И молятъ старики:
«Свернемъ съ пути въ деревню,
Вдохнемъ хоть у рѣки!

«Испьютъ водицы старцы,
И юноши пускай
Поборятся, а дѣтямъ
Нарвать цвѣточковъ дай».

— «Въ деревню не заѣду,
Не стану надъ рѣкой!
Къ ней матери и жены
Приходятъ за водой:

«Жена узнаетъ мужа,
Узнаетъ сына мать—
Уцѣплятся другъ въ друга,
И ихъ ужъ не разнять!»

~~~~~

XXIX.

«Приволье на горахъ родныхъ — приволье въ темныхъ
долахъ...

Бѣлѣютъ лѣтомъ овцы тамъ; зимой снѣга бѣлѣютъ,
Тамъ свѣтитъ солнце красное, тамъ смерти не боятся!»
Такъ въ тартарѣ три молодца о свѣтѣ толковали,
Рѣшились хоть на мигъ уйти—на свѣтъ взглянуть украдкой;
Одинъ рѣшилъ—къ веснѣ пойдѣмъ, другой—ужь лучше къ
лѣту,

А третій—лучше къ осени, къ сбиранью винограда;
Услышала ихъ дѣвица, и дрогнуло въ ней сердце;
Скрестила руки, просится она изъ ада съ ними.

«Меня возьмите, молодцы, на бѣлый свѣтъ съ собою!»

—«Нельзя, нельзя, красавица, намъ взять тебя съ собою!

Ты ходишь—башмаки стучать, бряцають ожерелья,
Ты платья легкимъ шелестомъ, пожалуй, Смерть встрево-
жишь!»

—«Я платье подвяжу себѣ, я сброшу ожерелье,
По лѣстницѣ тихохонько пойду босая съ вами!
Еще разъ, братцы, хочется взглянуть на свѣтъ мнѣ бѣлый,
Взглянуть, какъ плачетъ матушка, по дочкѣ убиваясь!
Взглянуть, какъ братцы-сродники тоскуютъ по сестрицѣ!
—«Ахъ, дѣвица-красавица! о милыхъ не крушися!
Твои всѣ братцы-сродники ужъ пляшутъ въ хороводѣ,
А матушка на улицѣ съ сосѣдками судачить!»

XXX.

Въ темномъ адѣ, подѣ землю,
Тѣни грѣшныя томятся;
Стонутъ дѣвы, плачутъ жены,
И тоскуютъ, и крушатся...
Все о томъ, что не доходятъ
Вѣсти въ адскіе предѣлы—
Есть ли небо голубое?
Есть ли свѣтъ еще нашъ бѣлый?
И на свѣтъ—церкви Божьи,
И иконы золотыя,
И какъ прежде, за станками,
Текутъ ли дѣвы молодья?

XXXI.

Опустѣли наши села;
Не видать богатырей!
Не палятъ, не мечуть камней,
Даже свадьбы—безъ гостей!

Всѣ ушли, у всѣхъ забота—
Крѣпость вывели въ горахъ;
Башни, стѣны—изъ порфира,
Мѣдь литая—въ воротахъ.

По стѣнамъ ужь ставятъ пушки,
Подымають знамена...
И приходитъ Смерть подъ крѣпость,
Безоружна и одна.

И глядитъ: «Здорово, дѣтки!»
— «Здравствуй, Смерть! куда бредешь?»
— «Да Господь послалъ за вами».
— «Что жь, твои—коли возьмешь!»

И со стѣвъ на Смерть смѣются:
«Есть ли лѣстница съ тобой?»
Не полѣзла Смерть на стѣвны,
Только топнула ногой:

Гуль раздался подь землею,
Туча гору облегла...
И чрезъ мигъ—одна стояла
Обожженная скала.

XXXII.

Показалась звѣзда на востокѣ.
Золотая звѣзда показалась.
Не звѣзда то была золотая,
То былъ ангель съ золатыми крылами,
Возвѣщаль онъ въ услышанье людямъ:
«Щеголяйте, пока еще время!
Въ многоцвѣтныя платья рядитесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красныхъ дѣвъ ко груди прижимайте!
Наступаетъ послѣднее время:
Похвалилася Смерть въ преисподней,
Огородъ городить собралася;
Что въ своемъ ли она огородѣ
Не деревъ-кипарисовъ насадить,
А лихихъ молодцовъ-паликаровъ;

И не розановъ вокругъ ихъ душистыхъ,—
А румяныхъ дѣвицъ, бѣлогрудыхъ;
Не гвоздикъ, не аютины глазки,
А малютокъ въ куртинахъ посадить;
И натычетъ вокругъ огорода—
Стариковъ и старухъ частоколомъ».

XXXIII.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

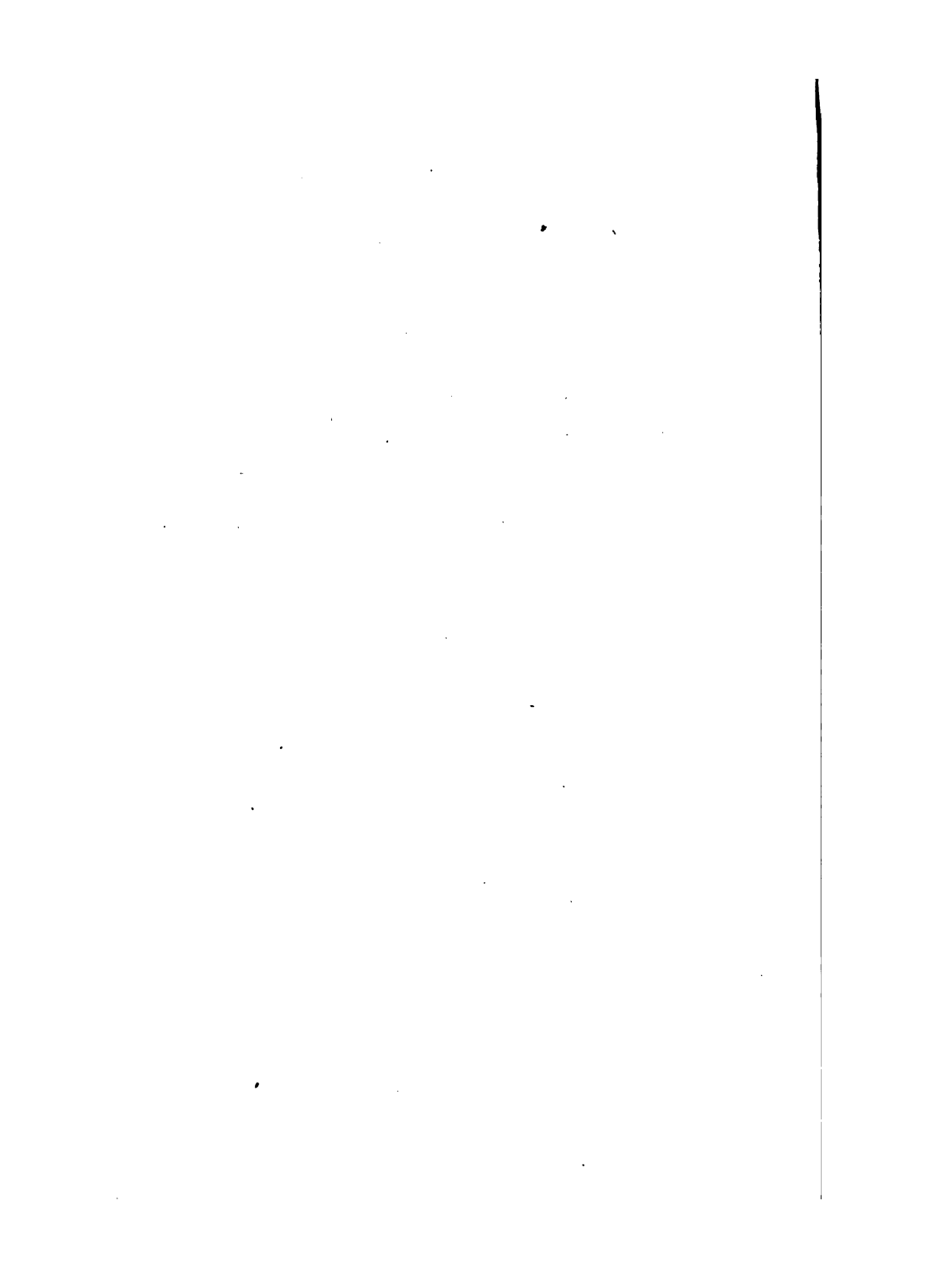
Подъ солнцемъ вьются жавронки,
Поютъ: Христосъ Воскресе!
По всѣмъ кустамъ малиновки
Поютъ: Христосъ Воскресе!
Во всѣ окошки ласточки
Кричатъ: Христосъ Воскресе!
Сердца у дѣвъ, у юношей
Поютъ: Христосъ Воскресе!
И всѣмъ въ отвѣтъ могилушки:
Во истинну Воскресе!

1858—1862.

IV.

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ.

I.

ДУХЪ ВѢКА.

ДУХЪ.

Здорово, другъ!.. что ты такъ мраченъ?
Межь тѣмъ, ты юнъ и въ цвѣтѣ силъ...
Ужели миръ души утраченъ?
А я давно тебя слѣдилъ,
Тебя встрѣчая, улыбался,
Умильно на тебя глядѣлъ,—
Но ты понять меня боялся,
Или, быть можетъ, не хотѣлъ.

ЮНОША.

Да, мнѣ лицо твое не чуждо.
Тебя я видѣлъ... но, когда,—
Не помню.

ДУХЪ.

До того нѣтъ нужды!

ЮНОША.

Я бѣса Фауста такъ всегда
Воображалъ.

ДУХЪ.

Все можетъ статья.

И бѣсомъ я у Фауста былъ;
Другимъ иначе я служилъ;
Съ людьми въ пустыню шелъ спасаться,
Въ Ерусалимъ Готфреда рать
Водилъ невѣрныхъ поражать;
Еще же прежде...

ЮНОША.

Кто жь ты нынѣ?

ДУХЪ.

Я былъ и буду другъ людей.
Я жилъ съ отшельникомъ въ пустынѣ.
Бѣлъ жолуди, не спалъ ночей,
Мы съ нимъ пороки поражали
И вмѣстѣ тѣло бичевали,
И, въ избавленье отъ грѣховъ,
Я жегъ живыхъ еретиковъ.
Съ ученымъ жилъ я въ бѣдной кельѣ;
Въ Амальфи роясь, весь въ пыли,
Едва не плакалъ отъ веселья,
Когда пандекты мы нашли;
Я комментировалъ всю древность;

Все разрывалъ, все изучалъ,
И до того я простиралъ
Въ душѣ классическую ревность.
Что не считалъ я за грѣхи
Свои латинскіе стихи...
Кто я таковъ—когда узнаешь,
Меня полюбишь, приласкаешь;
Меня какъ хочешь назови:
Я простодушень, изворотливъ,
Мотъ, скряга, пышень и расчетливъ.
Въ вѣкъ романтической любви
Я пѣлъ романсы трубадуромъ,
Вдыхалъ... потомъ пришла пора,
Среди версальскаго двора
Явившись сахарнымъ амуромъ,
Я въ будуарахъ герцогинь
Ловилъ ихъ взоръ, улыбку, ласки—
Тамъ пародировалъ я сказки
Про гомерическихъ богинь.
Вокругъ меня всегда роились
Толпы поклонниковъ моихъ—
Они всё вдоволь насладились,
И вѣрь, я не обидѣлъ ихъ:
Мои отшельники—святые!
Мои ученые нашли

Законъ движенія земли,
Нашли у древнихъ запятыя;
Мои питомцы удалые
Колумбъ, де Гама, Кукъ, Ченслоръ,
Міры за бездной отыскали;
Мои вздыхатели вздыхали
И были счастливы: любовь
Моихъ версальскихъ пастушковъ
Маркизы щедро награждали...
Явился къ Фаусту бѣсомъ я—
Но самъ вѣдь кинулся онъ къ бѣсу,
Онъ сталъ допытывать меня—
Съ загадокъ сдернулъ я завѣсу,
И отъ меня онъ все узналъ,
Что послѣ горько проклиналъ.
И такъ, ты видишь, человѣка
Всегда, вездѣ былъ другомъ я.
Я назову тебѣ себя,
Когда угодно, духомъ вѣка:
Я тотъ могучій чародѣй,
Который мыслью вашей править,
Возносить васъ, честить и славить
И служить цѣлью въ жизни сей.

ЮНОША.

Духъ вѣка?.. Что жъ ты мнѣ предложишь?

Давно я голову ломалъ,
Но все тебя не угадалъ.

ДУХЪ.

Я знаю, ты себя тревожишь
Несвоевременной мечтой!
Что было разъ, того въ другой
Ты возвратить никакъ не можешь.
На мѣръ ты дѣльно погляди
И хладнокровно разсуди:
Все, до чего дошли науки,
То все теперь дано вамъ въ руки,
Искусство нынче не ново—
Не удивишь ужъ никого!
Притомъ статуи и картины
Теперь выводятся въ гостиной;
Зачѣмъ имъ праздно тамъ висѣть?
Теперь совсѣмъ иное чувство
Въ насъ услаждать должно искусство—
Намъ мягко надобно сидѣть...

ЮНОША.

О, не кощунствуй надъ святыней!
Не станеть муза вамъ рабыней!
Немногихъ избранныхъ синклить
Зародышъ творчества растить,

Руководимый къ выспимъ цѣлямъ....
 Въ васъ нѣтъ души... вы хладный трупъ,
 Не Пантеонъ вамъ надо—клубъ,
 И Гамбсъ вамъ будетъ Рафаэлемъ!

ДУХЪ.

Не горячись. Дай кончить мнѣ.
 Притомъ пойми: кто можетъ въ морѣ
 Идти наперекоръ волнѣ?...
 И такъ, вамъ не зачѣмъ гоняться;
 Вамъ стоитъ только наслаждаться
 Тѣмъ, что вамъ создали вѣка.
 Открытій жажда устремляла
 Къ опаснымъ странствіямъ бывало.
 Теперь опасность далека:
 Прорыты на рѣкахъ пороги,
 Васъ паровозъ и пароходъ
 Повсюду дешево везетъ;
 Въ горахъ проведены дороги,
 Висятъ надъ безднами мосты...
 Хоть тѣмъ у вашихъ путешествій
 И отняты всѣ красоты
 Внезапныхъ, страшныхъ происшествій,
 Но ужъ зато вернетесь вы
 Не своротивши головы,

И сыты: сквернаго трактира
Теперь почти нигдѣ ужь нѣтъ...

юноша.

Блаженъ, кто могъ увидѣть свѣтъ!
Тотъ не вполнѣ зналъ прелесть міра,
Кто на Неаполь не глядѣлъ
Съ высотъ, въ часы вечерней тѣни;
Не знаетъ тотъ, что можетъ геній,
Кто мраморъ Фидія не зрѣлъ;
Тотъ жилъ еще полу-душою,
Кто посреди твоихъ могилъ,
Съ тобой, о Римъ, не говорилъ!

духъ.

Все это правда, и цѣною
Мы купимъ все не дорогою.

юноша.

А какъ, скажи-ка?

духъ.

Не спѣши,
Мы все уладимъ, обещаю.
Но ты не слушаешь... О, знаю,
Что въ глубинѣ твоей души...

юноша.

Такъ ты до дѣлъ чужихъ охотникъ?

ДУХЪ.

Твоя Марія...

ЮНОША.

Знаетъ все!

ДУХЪ.

Какъ мнѣ не знать: я первый сплётникъ
 И ex officio. Ее
 Я видѣлъ... какъ она прекрасна!
 Какъ небо южное темны
 Ея глаза—и смотреть ясно,—
 А какъ они отгѣнены
 Рѣсницей длинной!.. А ланиты?..
 Лучистый блескъ разлить вокругъ нихъ
 Съ румянцемъ нѣжнымъ чудно слитый...
 А косы?.. передъ кѣмъ-то ихъ
 Она, о пышная сирена,
 Распустить, черныя, какъ смоль.
 Чуть не по самыя колѣна...

ЮНОША.

О, демонъ, замолчи!

ДУХЪ.

Изволь—

А ты бы шелкъ ихъ благовонный
 Могъ, вынуть гребень, рассыпать,

И то вакханкой, то мадонной
Свою красотку убирать...

ЮНОША.

О, нѣтъ, не мучь меня напрасно..
Да, я ее боготворилъ,
Но обладанія желаньемъ
Въ своихъ мечтахъ не оскорбилъ.
Любовь я мѣрилъ лишь страданьемъ
И безнадежною тоской!

ДУХЪ.

Да, тутъ тебѣ расчетъ плохой.
Отецъ вѣдь изъ моихъ кліентовъ—
Ее безъ выгодъ не продасть:
Какъ капиталъ, онъ для процентовъ
Жидовскихъ въ ростъ ее отдасть.
Вѣдь женщинъ этакихъ нѣтъ болѣ:
Какая гибкая душа,
То съ слабой, то съ могучей волей...
Нельзя отдать безъ барыша!

ЮНОША.

Оставь, оставь мой сонъ чудесный!
Пусть тихо спитъ моя любовь;
Пусть явится она мнѣ вновь,
Какъ призракъ чистый, гость небесный!

ДУХЪ.

Но къ цѣли можно бы прійти.
Мы въ честь войдемъ, богатства скопимъ;
На то есть разные пути...

ЮНОША.

А совѣсть?...

ДУХЪ.

Что жь!.. въ винѣ утопимъ!

И что за совѣсть у него!
И что за слово? для чего
Упогреблять всегда его?
Одно понятіе пустое...
Понятіе можно ль запятнать?
Да кто поруку можетъ дать,
Что есть понятіе такое!
Всѣмъ благамъ есть одинъ итогъ:
Набитый туго кошелекъ;
Сей ключъ подъ всѣ подходитъ двери;
Вѣсъ, слава, честность, прямота,
Великодушье, красота,
Честь, умъ—или по крайней мѣрѣ
Названье—умный человѣкъ,
Все купишь золотомъ въ нашъ вѣкъ...
Когда бъ на островѣ Марію

Ты видѣлъ съ берега, ты къ ней
 Поплылъ ли бы среди зыбей
 Черезъ невѣрную стихію,
 Рискаю—или достигнуть,
 Иль, захлебнувшись, угонуть?

ЮНОША.

Въ насъ сердце часто то рѣшаетъ,
 Что не рѣшимъ мы головой.

ДУХЪ.

Но если голова узнаетъ,
 Что не кидаясь въ омутъ...

ЮНОША.

Стой!

Давай мнѣ золота...

ДУХЪ.

Вотъ дѣло!

Вотъ мужа рѣчь! умно и смѣло!
 Но вѣдь ты знаешь, никогда
 Его не будетъ безъ труда;
 Такъ выслушать имѣй терпѣнье
 Теперь мое правоученье.
 Всегда, во-первыхъ, въ людяхъ ты
 Кажись героемъ правоты:

Сочиненія А. Н. Майкова. Т. II.

Гдѣ гордѣ, гдѣ нивокѣ; умѣ и глупостѣ,
 Иль даже отъ природы тупостѣ,
 Показывай; здѣсь—ни гу-гу!
 А тамъ дай волю языку—
 Лести дуракамъ. А если встрѣтишь—
 (Рыбакъ вѣдь виденъ рыбаку)
 Въ комъ цѣль такую же замѣтишь—
 Спѣши опутать, сбить, связать,
 Нельзя—то тотчасъ приласкать:
 Въ порядкѣ мной теперь открытомъ,
 Все общимъ держится кредитомъ.
 Друзья ужъ вынесутъ. Дадутъ
 Тебѣ творить народу судъ—
 Вотъ тутъ-то знай стезю лукавыхъ:
 Тогда умѣй своей рукой
 Законъ то усыпить порой,
 То пробудить. Грома неправыхъ,
 Неправду въ тишинѣ твори;
 Придетъ ли моръ—толпѣ радѣя,
 Свои амбары отвори:
 Одной рукой златницы сѣя,
 Другой сторицею бери...
 Умѣй загадочнымъ казаться,
 Открыто общимъ зломъ терзаться,
 Съ слезой въ очахъ, нахмуря лобъ,

Чтобъ подозрѣнья успокоить,
 Толкуй, какъ пылкій филантропъ,
 Что бѣдныхъ надобно пристроить!
 Тогда всему ты властелинъ!
 Я приведу миллионъ примѣровъ
 Счастливецевъ всякихъ величинъ,
 Большихъ и маленькихъ размѣровъ.

ЮНОША.

И я—я слушаю тебя!
 Сношу твое я хладнокровье!
 Прочь, прочь!

ДУХЪ.

Красавица—твоя

Могла бы быть!

ЮНОША.

Прочь отъ меня!...

ДУХЪ.

Не нравятся мои условья,
 Но изъ контракта своего
 Не уступлю я ничего!..
 Мнѣ душу надо молодую,
 Чтобъ подъ дыханіемъ моимъ
 Въ ней доблесть таяла, какъ дымъ...

За то я золото дарю—
А ты такъ чванишься, чудака!

ЮНОША.

И ты зовешься духомъ вѣка!..

ДУХЪ.

Я прежде дѣйствовалъ не такъ:
Мной говорилъ Платонъ, Сенека,
Мной вдохновленъ былъ Аристидъ...

ЮНОША.

И онъ, духъ вѣка, мнѣ твердить,
Чтобъ все, что въ мірѣ есть святого,
Все, душу, совѣсть, мысль и слово,—
Мой образъ Божій—я разбилъ,
И лишь корыстью распаленный,
Союзъ позорный заключилъ
Съ толпой мерзавцевъ развращенной!..
О томъ ли говорилъ мнѣ ты,
О голосъ матери-природы,
Питая пылъ моей мечты
Величьемъ славы и свободы?..
Я голосъ сердца своего
Чтилъ гласомъ Бога Самого;
Любовь, и гордость, и отвага
И независимость ума—

Моей души прямыя блага...
Прочь, ядовитая чума!

ДУХЪ.

Меня ты гонишь, но не бойся.
Я не сержусь.

ЮНОША.

Змѣя, сокройся!

ДУХЪ.

Съ тебя я глаза не спущу,
И скоро снова навѣщу.

ЮНОША.

Прочь, адскій духъ!..

1844.

II.

ГРЕЗЫ.

(Отрывок).

I.

Зима, зима! Морозъ трещить;
Луна въ кольцѣ на тверди синей;
Звѣздится свѣгъ; лазурный иней
На черныхъ деревьяхъ блестить...
Всегда любилъ я ночь. Бывало,
Съ какимъ я трепетомъ слѣдилъ,
Какъ лунный лучъ переходилъ
По полу дѣдовскаго зала!..
И ужась мной овладѣвалъ,
Но я любилъ его; все ждалъ
Чего-то; робко слушалъ: дико
Мнѣ было; страшно нарушать
Движеньемъ, словомъ оскорблять,
Казалось, этотъ часъ великой;
Какъ будто что-то въ этотъ мигъ
Свершалось дивное...

II.

И нынѣ

Люблю я тишь часовъ ночныхъ,
И лучъ луны серебристо-синій;
Но нынѣ не слѣдить мой взоръ
Ни ночи шествіе святое,
Ни небо въ царственномъ покоѣ,
Ни искровидный метеоръ.
Иныя тайны прихотливо
У ней допрашиваю я:
Чась этотъ—думы молчаливой.
Оставлены заботы дня,
Оставлены его оковы,
Личины сняты. Самъ съ собой,
Теперь открытый и прямой,
Въ насъ умъ бесѣдуетъ сурово:
Онъ торжествуетъ иль скорбитъ,
Къ мечтамъ любимымъ онъ несется.
Людей, дѣла свои слѣдить,
Надъ ними плачетъ иль смѣется...
О, ночь! открой передо мной,
Что кроется въ душѣ людской,
И въ жизни—этой скучной сказкѣ—

Веди скорѣй меня къ развязкѣ...
Тебя подь маской не любя,
Я вѣрно бы любилъ тебя,
О, родъ людской! безъ этой маски.

III.

Введи меня, о ночь, тайкомъ
Теперь тихонько въ этотъ домъ —
Къ очаровательной сосѣдкѣ.
Введи невидимо: она, —
О, знаю я, —теперь одна,
Какъ птичка, запертая въ клеткѣ.
Тамъ виденъ свѣтъ; передь окномъ
Опущенъ занавѣсъ кисейной,
И профиль движется на немъ,
Какъ будто въ полѣ золотомъ;
Къ рукъ склонилася лилейной
Она задумчивымъ челомъ...
О, ночь войдемъ туда, войдемъ!..

IV.

Да, да! она теперь одна,
Разстроена, утомлена

Визитомъ тетушки тяжелымъ,
Бесѣдой важной о чепцахъ,
И о Парижѣ, о долгахъ,
О крѣпостныхъ ея актерахъ,
О новыхъ свадьбахъ, старыхъ спорахъ,
Новѣйшихъ сметняхъ. Въ сотый разъ
Она прослушала разсказъ,
Какъ тетушка вдовой осталась,
Въ какомъ бѣльѣ похороненъ
Покойникъ былъ; что послѣ сталося.
И на кого оставилъ онъ
Подругу вѣрную; что ѣли
Въ день знаменитыхъ похоронъ,
Кто что сказалъ, какъ все сидѣли...
Всей повѣсти плаксивый тонъ
И видъ участя и печали
Елену Дмитревну терзали,
Покуда съ тетушкой пустой
Вся дрянъ не схлынула долой,
Дверь заперта... Елена слышитъ,
Какъ снѣгъ взвизжалъ подъ подрѣзой!
Она одна и легче дышитъ,
Головку на руку склонивъ
И очи долу опутивъ...
И тихо дума осѣняетъ

Ее святымъ своимъ крыломъ,
И кроткимъ, сладостнымъ огнемъ
Въ очахъ лазуревыхъ сіяеть.
Уста недвижны. По груди
Кудрей вздымаются струи...
Тяжелый вздохъ... она страдаетъ...
Блаженъ, кто бъ могъ въ сей тихій часъ
Ея души подслушать шепотъ,
Природы голосъ, сердца ропотъ,
И угадать ее хоть разъ:
И кто она? что въ ней скрывается?
Какая сила, глубина
Ея души, и что съ ней сталося,
И чѣмъ бы быть могла она?

V.

Все тихо вокругъ. Горитъ лампада,
И свѣтъ, мерцающій, отраженъ
На ризахъ золотыхъ иконъ.
Она и рада и не рада!
Порой такъ страшно быть одной —
Одной съ больной своей душой,
Одной съ освобожденнымъ чувствомъ,
Одной съ нескованнымъ умомъ

Ни свѣта золотымъ ярмомъ,
Ни лицемѣрія искусствомъ...
Вдругъ — сердце, умъ заговорять,
И ихъ теперь не заглушатъ
Ни тяжесть легкихъ разговоровъ,
Ни эта куча разныхъ вздоровъ,
Что холодной, пестрою толпой
Зовется милой болтовней.
Уединенье и свобода —
О, это страшныя слова!
Вдругъ подавленная природа
Предъявить грозныя права...
Такъ надъ молчавшими степями
Торжественно ударить громъ;
Такъ рогъ звучить въ бору густомъ,
Деревья сонными вѣтвями
Какъ бы въ испугѣ задрожать,
И шумно съ гнѣздъ своихъ слетять,
Кружась, птицы надъ соснами.
Такъ грозень посреди утѣхъ
Пророка голосъ вдохновенный,
Или сатиры оскорбленной
Сквозь слезы вырвавшійся смѣхъ.

VI.

Понятно, отчего злодѣю
Остаться страшно одному
Съ жестокой совѣстью своею:
Неумолимая ему
Все ту жь рассказываетъ сказку;
Предъ нею онъ не можетъ маску
На ликъ блѣднѣющій надѣть,
Ни кровь съ руки своей стереть;
Предъ нимъ ограбленной вдовицы
И старика безсильный плачь,
И своды влажные темницы,
И цѣпь, и плаха, и палачь...
Едва ль сносящій уединенье
Тому, кто, легкою душой
Сроднившись съ жизнію пустой,
Упрямо гонить размышленье.
Онъ какъ изгнанникъ: вокругъ него
Родного нѣту ничего —
Ни плохо спѣтаго романа,
Ни грома вальса на балахъ,
Ни стука рюмокъ на пирахъ,
Ни даже толковъ преферанса —

Всей пошлости, чѣмъ свѣтскій кругъ,
Легѣтъ праздный свой досугъ.

VII.

Елена Дмитревна была
Созданье рѣдкое. Росла
Она у бабушки—гщеславной,
Властолюбивой, своенравной.
Покойникъ дѣдъ (онъ былъ убитъ)
Былъ знатенъ, жилъ какъ сибарить,
Временъ потемкинскихъ остатокъ,
Когда на лѣстницѣ честей,
Такъ мало было ступеней:
Богатъ, въ долгахъ, не чуждый взятокъ —
За то, по смерти, за долги
Въ казну отобрано имѣнье...
Но какъ съ вельможеской ноги,
Отъ блеска, лести упоенья,
Вдругъ жизнь свою переначать?
Передъ другими что сказать?
Что скажутъ службы исполины?
Какъ отзовется тотъ пигмей,
Что мы громадностью своей
Загнали въ грязь?.. Считать аршины,
Не зная счета сажениамъ?..

Прочь изъ столицы, въ глушь!.. Но тамъ,
 Какъ при дворѣ Екатерины,
 Среди стариннаго села,
 Вдова съ величїемъ жила.
 Во дворѣ барской содержался,
 Какъ прежде, цѣлый полкъ людей,
 Остаткомъ золотыхъ ливрей,
 Уже въ лохмотьяхъ, одѣвался.
 Ей душу сладко волновалъ,
 На мѣсто выпрееннихъ похваля
 Въ стихахъ придворнаго поэта,
 Теперь армейскій комплиментъ;
 Искали всѣ ея совѣта
 По части модъ, чепцовъ и лентъ...
 Законъ родства и хвалъ награда
 И покровительства ограда
 Закономъ дѣлъ ея была:
 Она въ свой домъ на воспитанье
 Ребенкомъ внучку приняла.

VIII.

. . . . .
 И рано тамъ училась Лѣля
 Приличье свѣта выносить;
 Но долго не могла неволя

Ее вполне поработить:
Что съ юныхъ лѣтъ она любила,
Она все въ дѣтствѣ схоронила —
Отца и мать, и двухъ сестеръ;
Она привыкла такъ къ утратамъ,
Что въ домѣ бабушки богатою
Ничто ея не льстило взоръ.
Въ толпѣ гостей, при вѣчномъ шумѣ,
Она привыкла къ тихой думѣ;
Любила мирный видъ полей,
Гдѣ рѣчка вьется свѣтлой змѣйкой,
И сумракъ липовыхъ аллей,
Фонтанъ и сводъ густыхъ вѣтвей
Въ саду, надъ старою скамейкой..
Такъ зрѣла мысль ея въ тиши,
И каждое ея движенье
Бывало полно выраженья
Ея чувствительной души;
Въ улыбка устъ такъ много было
И прелести, и грусти милой;
Въ глубокомъ взглядѣ томныхъ глазъ,
Подъ ихъ рѣсницею нушистой,
Такъ много блеску, что сейчасъ
Во слѣдъ за радостію чистой,
Казалось, въ нихъ блеснетъ слеза.

Но грусть души молодой и гибкой
Была не бурная гроза,
А солнца тихая улыбка
Глубокой осенью!.. Такъ плющъ,
Какъ онъ ни зеленъ, ни цвѣтущъ,
Всегда напомнитъ намъ руины;
Такъ кипарисъ, дитя могилъ,
Какъ будто вѣчно сохранилъ
Оттѣнокъ грустной той долины,
Гдѣ прахъ онъ стережетъ пустынный..
Не такъ же ли душа у насъ,
О смерти въ думу погружаясь,
Пріемлетъ скорби отпечатокъ,
Передастъ его устамъ,
Движеньямъ, голосу, очамъ?..

IX.

Елену бабушка любила...
Но время: внучкѣ надо было
Пристроиться — таковъ уставъ!
Женихъ явился. Хладнокровно
Она, родни совѣтамъ внявъ,
Имъ покорилась безусловно...
Что значить въ жизни этотъ шагъ,
Она почти не понимала:

Во всѣхъ обрядахъ и словахъ
Ее лишь новость занимала...
И только разъ, идя къ вѣнцу,
Она заплакала; къ лицу
Тогда нашли ей эти слезы:
Безъ росъ алмазныхъ что за розы!
Я не хочу изображать
Елены мужа злымъ, *тираномъ*,
Развратнымъ, низкимъ, вѣчно-пьянымъ.
И негодяемъ описать...
По это бракъ былъ неудачный.
Иванъ Ильичъ хорошъ, уменъ,
Съ достаткомъ, честенъ, только онъ
Былъ не рожденъ для жизни брачной.
Любить онъ могъ, но не всегда:
Въ немъ страсти разомъ возникали,
Достигши цѣли, остывали,
Чтобъ вспыхнуть вновь, — и никогда
Не оставались безъ труда.

X.

А женщина?.. увы! Елена
Въ деревнѣ, посреди полей,
Приготовлялась жить. Предъ ней

Едва открылася арена —
И упоеній бытія
Была жадна душа ея...
Кумирь дѣвическихъ мечтаній;
Едва проснувшихся желаній,
Такъ полныхъ нѣги и стыда —
Любовь и миръ мечты отрадной
Внезапно замѣнилъ тогда
Цинизмъ дѣйствительности хладной.
И этотъ быстрый переходъ,
И этотъ новый рядъ заботъ
Опомниться ей не давали,
Ее всечасно поражали...
Потомъ душа любви опять —
Любви возвышенной просила,
Чтобъ въ ней блаженствовать, страдать...
Порой на умъ ей приходило:
О, Боже мой! зачѣмъ она
Принадлежать тому должна,
Кто міръ, ей созданный мечтою,
Не можетъ наполнять собою?
Хоть бы забыться!.. Какъ потокъ,
Шумящій свѣтъ ее увлекъ...
Онъ былъ своимъ мишурнымъ блескомъ
Очарователенъ для глазъ:

Снопомъ лучей и громкимъ трескомъ
Ракета поражаетъ насъ...

XI.

Давно, какъ робкій голубь, дума,
Подруга Лёли съ юныхъ дней,
Теперь, среди толпы и шума,
Давно не прилетала къ ней...
Но вотъ одна она осталась;
Мужъ началъ чаще ѣздить въ клубъ;
Ей было грустно, и казалось,
Что свѣтъ сталъ холоденъ и глупъ;
И онъ явился передъ нею
Теперь съ питомицей своею —
Глупѣйшей тетушкой... она
Какъ бы прозрѣла и очнулась.
Сознанье горькое проснулось...

XII.

«О, Боже мой! не рождена
Для этой жизни я печальной!
На то ли молодость дана,
Чтобъ каждый могъ насъ такъ нахально
Своею пошлостью терзать,

Свои навязывать несчастья,
При насъ и плакать, и вздыхать,
Себѣ вымалывать участья!
И безъ того ужь жизнь скучна,
И такъ своихъ страданій много!
И каждый въ жизни шагъ сполна
Стѣсненъ враждою свѣта строгой!
О, нестерпимо выполнять
Всегда законъ его тяжелый!
Души движенія скрывать,
Сквозь слезъ разсчитанно-веселой,
Довольной, важной, ледяной
Всегда казаться предъ толпой;
И восхищаться по заказу,
И по заказу порицать,
Души не высказать ни разу —
И это жизнью называть!

XIII.

«Иль жизнь одинъ обманъ унылый?
Того ль ждала я отъ нея,
Когда на милая могилы
Печально приходила я?
Надъ прахомъ сосны смоляныя,
Въ осокѣ розы молодая,

Кругомъ звучавшій тихо доль
Жужжаньемъ травъ, жужжаньемъ пчель —
Меня туда все привлекало...
Я тихо плакала сначала;
Уснуть хотѣлось вѣчнымъ сномъ
Вблизи праха милого... Потомъ —
Мнѣ было страшно то желанье,
И билось сердце у меня
Такъ горячо! Душа моя
Просила благъ существованья;
Казалось мнѣ, есть впереди
Еще блаженство... Что-то крылось
Въ моей душѣ, и изъ груди
На волю, на просторъ просилось...
Тамъ научалась я въ судьбѣ
Любовь и благо только видѣть,
И что любить, что ненавидѣть —
Я создала сама себя!..
Къ какой же зрѣла я борьбѣ?
Меня ласкаютъ всѣ и любятъ,
Но чувствую, дыханье ихъ,
Фальшивый блескъ ихъ фразъ пустыхъ,
Меня, порой чаруя, губять...
Ихъ ядъ проникъ уже въ меня...
Какъ вокругъ оставленнаго храма

Вкругъ прежнихъ думъ блуждаю я,
 Хочу войти — нѣтъ силъ!.. Упрямо
 Кругомъ рой призраковъ встаетъ,
 Съ собой влечетъ меня, влечетъ,
 Хватаетъ за руки, за платье,
 И силы нѣтъ сказать имъ: «прочь!»
 Нѣтъ силъ ихъ чары превозмочь,
 Нѣтъ силъ изречь на нихъ проклятье!
 Что жь? съ ними выдержать ли бой —
 Во имя... но чего же? Боже!
 Во имя, Боже мой, чего же?...
 Или идти за ихъ толпой?
 Гдѣ путеводный свѣтъ? разбиты
 Кругомъ повсюду маяки...
 Нѣтъ указанья! нѣтъ защиты!
 Нѣтъ вѣрной, дружеской руки!»

XIV.

Мечта моя! постой! постой!
 Вѣдь ты не кликнешь ей: «мужайся!»
 И силъ ищи въ себѣ самой,
 Своею овладѣй судьбой,
 Лишь гласу сердца покоряйся!
 Оно спасетъ тебя въ борьбѣ,

Спасеть изъ мутнаго потока!
Страшися лишь его упрека,
Въ немъ судія и вождь тебѣ!
И какъ бы жизнь насъ ни ломала,
Какъ умъ ни путалъ бы — есть въ насъ
Добра великое начало,
Есть тайный, неподкупный гласъ,
Незаглушимый ложнымъ клиромъ —
Родство съ природою и міромъ!
А бури — пусть идутъ! пускай!
Безъ страха пусть душа ихъ встрѣтитъ:
Ударъ внезапный невзначай
Мглу разорветъ и путь освѣтитъ!
Прочь, прочь, холодный ретористъ,
Съ своею мудростію важной,
И добродѣтелью продажной,
Самоубійца и софистъ!
Я добръ — по разуму, свободы,
Не страхомъ ада твоего!
Прочь! человѣческой природы
Ты оскорбляешь божество!
Не гость минутный, не сяталець,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я —
Я сынъ земли, я царь ея!

Не откоснуться мнѣ устами
 Отъ груди матери моей;
 Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней:
 Она моими зрѣть очами,
 Мной веселится и скорбитъ,
 Моими высока мечтами,
 И мною мыслить и творить!
 Природы творческое дѣло
 Свершаться дивно будетъ вѣкъ, —
 Покуда съ горняго предѣла
 Сіяетъ солнца лучъ, и смѣло
 Творить и мыслить человекъ...

XV.

Какъ прахъ отъ ногъ, какъ пыль съ одежды;
 Прочь заблужденія невѣжды!
 И что жь, о мудрый педагогъ,
 Что даровалъ намъ твой урокъ?
 Запорошилъ лишь пылью вѣжды —
 Мы недовѣрчивы къ себѣ;
 Въ насъ умъ съ самимъ собой въ борьбѣ,
 То дерзокъ, то дрожить, какъ школьникъ,
 И сердце просить бурь страстей,
 И быть не можетъ безъ цѣпей,
 Какъ къ нимъ привыкнувшій невольникъ.

XVI.

А ты, когда-то жизни жадный.
Разочарованный и хладный
Теперь и къ міру, и къ мечтамъ,
Пѣвецъ, въ плаксивомъ завыванѣ
Про *гордое* свое страданье
Благовѣствующій вѣкамъ,
Теперь понятенъ ты немногимъ,
Когда кричишь на площади
Всѣмъ тварямъ мыслящимъ, двуногимъ.
Что пустота въ твоей груди:
«Придите, можете увидѣть,
«Какъ я умѣлъ любить, страдать.
«Терзаться, плакать, изнывать,
«Боготворить и ненавидѣть!
«Я ей сулилъ къ ея стопамъ
«Повергнуть золотыя горы —
«А что жъ она!»... Неправъ ты самъ!
Внявъ площаднымъ твоимъ рѣчамъ,
Тебѣ презрительные взоры
Во гнѣвѣ кинетъ красота!
Что ей напыщенные дани
Фиглярства, визга и кривляній
Собой надутаго шута?

Повѣрь, давно отбилась вѣра
 Къ страданьямъ, къ клятвамъ лицемѣра;
 Давно толпа, внимая имъ,
 Тебѣ изъ шумнаго партера
 Швырнула бѣ яблокомъ гнилымъ...
 Вѣкъ люди пьютъ изъ той же чаши,
 И, какъ предшественники наши,
 Мы жадны рушить, созидать,
 Вновь ошибаться и страдать!
 Есть прелесть въ бурномъ бѣгѣ тучи,
 Съ другою встрѣчѣ неминучей,
 Въ разрывѣ ихъ и въ ихъ слезахъ,
 Поящихъ влагой дольний прахъ;
 И въ жизни прелесть та жь разлита,
 И та жь краса и сила скрыта
 Въ борьбѣ людей и въ ихъ слезахъ,
 Залогѣ новыхъ золь и благъ.

1845.

III.

БАРЫШНЪ.

«Вамъ — быть оракуломъ!»
(petits jeux).

Васъ, ангель, рѣющій въ гостинныхъ,
 Краса и диво нашихъ заль,
 Васъ, примадонна игръ невинныхъ,
 Нашъ лучезарный идеаль,
 Дерзаю робкими струнами
 Я славить... Сердцемъ и душой
 Благоговѣю передъ вами...
 Природы лучшею мечтой
 Вы рождены: вашъ станъ такъ строенъ,
 Такъ очи свѣтлы, взоръ спокоенъ...
 Такъ широко изъ-подъ кольца
 На грудь, на плечи восковыя
 Упали локоны густые...
 Дивлюсь могуществу Творца

И вашей маменьки искусству:
Такъ много вашимъ красотамъ,
Движеньямъ, взглядамъ и словамъ
Придать и граціи, и чувства!
Она взрастила васъ въ тиши,
Храня отъ страшныхъ бурь души,
Вамъ умъ и волю замѣняя,
За васъ почувствовать желая
Все, чѣмъ насъ губить жизнь, томить,
Хотя мгновенно веселить...
Такъ цвѣтъ изцѣвленной лилеи
Храня въ теплѣ оранжереи.
Его морозъ не прошибалъ
И бурный вѣтеръ не сгибалъ,
Хотя не пилъ головкой жадной
Онъ утра свѣжести прохладной,
Не красовался онъ, блестя
Весь въ капляхъ вешняго дождя,
Сквозь солнце вспыснущаго поле...
Вы, нѣжась въ сладостной неволѣ,
Лелѣя тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,
Взросли, питая умъ мечтой,
И жизнь себѣ изобрѣтая...
И эта жизнь — не шумный пиръ —

Особый, свѣтлый, чудный міръ:
Какъ въ фантастическомъ балетѣ,
Изъ-за прозрачной кисеи,
Встаютъ предъ вами въ тихомъ свѣтѣ
Картины счастья и любви;
Среди волшебныхъ декорацій,
Средь группъ эирныхъ нимфъ и грацій,
Надъ урной спящихъ стариковъ,
Подъ сѣнью лотосныхъ листовъ,
Огромныхъ раковинъ, кристалловъ
И фантастическихъ коралловъ,
Ковромъ душистой муравы
Чудесно странствуете вы...
Но не одиѣ: крылатый геній
Ведетъ васъ... тамъ сіяетъ храмъ...
И тихо мраморныхъ ступеней
Уже коснулись вы... и тамъ
Священный жертвенникъ съ цвѣтами
Передъ богинею возжень...
Кто жъ этотъ геній?.. Да! онъ, онъ!
Его я видѣлъ... Вѣдь онъ съ вами
Вчера мазурку танцовалъ,
Разочарованнымъ казался,
Такъ усъ крутилъ, такъ зло смѣялся,
Такъ всю васъ взоромъ пожиралъ,

Такъ крѣпко шпорами стучаль...
Его я знаю; съ уваженьемъ
Всегда внимаю я сужденьямъ
Его о винахъ и коняхъ...
Счастливецъ! онъ одинъ видѣнъемъ
Мелькаетъ въ вашихъ легкихъ снахъ...
Понятно мнѣ, зачѣмъ блѣднѣли,
Краснѣли вы предъ нимъ; зачѣмъ
Вчера съ такимъ вы чувствомъ пѣли:
Si tu savais, combien je t'aime!
Но, Боже мой!.. вотъ туча всходитъ,
Я вижу, меркнетъ небосклонъ,
Видѣнье милое проходить,
Какъ мимолетный легкій сонъ...
Я вижу...

Тихо въ вашей спальнѣ
Проснулись утромъ вы, лежать
Вкругъ васъ цвѣты, уборъ вашъ балъный,
Вѣнокъ, браслетъ, и вашъ нарядъ
Разбросанъ въ миломъ беспорядкѣ;
Ужъ вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется, вамъ сладко
Ночныя грѣзы продолжать,
Къ груди подушку прижимая,

Богъ знаетъ что воображая,
Уста сжимать и разжимать...
Внезапнымъ маменьки приходомъ
Все прервано: цѣлуя васъ,
Съ васъ не спуская зоркихъ глазъ,
Она васъ спроситъ мимоходомъ:
«Какъ нравится тебѣ NN»—
Вы отвѣчаете наивно:
— Онъ въ парякъ и препротивный!—
«Умень...» — Маманя! старый хрѣны!—
«И добръ...» — И пахнетъ такъ духами!—
«Богатъ и милъ...» — Богатство... вздоръ!—
«Не старъ и ужъ богатъ чинами...» —
Короче: этотъ разговоръ
Такое кончить заключенье,
Что бракъ по страсти — заблужденье,
Что страсть пройдетъ, какъ метеоръ...
И правда!.. Вамъ потомъ одѣтой
Велятъ къ обѣду быть; женихъ
Вамъ привезетъ уже браслеты.
Предъ нимъ, блѣднѣя каждый мигъ,
Ему вы будете собираться
Сказать, во всемъ ему признаться;
Но не достанетъ силы въ васъ
Ему изречь простой отказъ...

И вы поплачете немного...
Дня через три пройдетъ печаль;
Всѣ скажутъ хоромъ: «славу Богу!»
Никто про васъ не скажетъ: «жаль!»
Вамъ освѣнять вѣнкомъ цвѣтущимъ
Изъ облыхъ розъ, обвитыхъ плющемъ,
Широкій узелъ черныхъ кость;
Всѣ ахнутъ: «какъ она прекрасна!»
И не замѣтятъ робкихъ слезъ —
Слезъ Ифигеніи несчастной
Передъ Калхасовымъ ножомъ...
Но это мигъ одинъ... Потомъ
И вы привыкнете къ супругу,
Какъ въ дѣтствѣ къ нянюшкѣ своей,
Къ его значенью, чину, кругу
Тяжелыхъ, будничныхъ идей;
Принявъ восточную небрежность,
Вы дѣвокъ станете ругать
И мужу каждый разъ являть
Въ очахъ особенную нѣжность,
Когда онъ въ службѣ отличенъ,
Иль высшихъ ласкою почтенъ;
Онъ на звѣзду свою укажетъ,
Прочтетъ патентъ и нѣжно скажетъ:
«Все для тебя я» — и солжетъ...

Въ кругу хозяйственныхъ заботъ,
За самоваромъ иль въ гостиной,
Плѣняя милой болтовней,
Смѣясь шуточкѣ невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вѣчно будете казаться
(Что свѣтъ про васъ ни говори)
Создаемъ розовой зари
И легкокрылаго зефира,
И выше праха, выше міра!
Что мѣръ вамъ? грязная нужда,
И нищета въ лохмотьяхъ бѣдныхъ,
Толпа страдальцевъ, грубыхъ, блѣдныхъ,
Съ безумнымъ взоромъ, безъ стыда,
Съ клеймомъ насильнаго разврата,
Съ клеймомъ проклятья отъ собрата,
Чужда вамъ будетъ и чужда,
И отвратительно-страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «то ихъ вина...
Зачѣмъ они не соблюдали
Долгъ добродѣтели святой!»
Съ какою гордостью прямой
Себя бы съ ними вы сравнили —
Хотя безъ нужды, безъ борьбы,

Быть добродѣтельной купили
Вы златомъ право у судьбы...
За то другія твари міра
Въ васъ состраданіе найдутъ
И даже слезы извлекутъ:
И въ клеткѣ птичка, дочь ээира,
И заяцъ жареный... Увы!
Невольно вспомните тутъ вы,
Что онъ тотъ самый, что пугливо
Дорогу вамъ перебѣгалъ,
Пугалъ васъ въ рощѣ, торопливо
Скакнувъ изъ листьевъ, и нырля
Въ златистомъ морѣ пышной нивы.
И что жь! сгубилъ его тиранъ,
Убійца тварей беззаботныхъ...
Такъ вы въ страданіяхъ животныхъ
Прочтете истинный романъ,
И въ жизни, полной тихой лѣни,
Въ васъ успокоится на мигъ
Потребность сильныхъ ощущеній,
Источникъ болей головныхъ.

Но тутъ не все. Неся условья,
Оковы средняго сословья,
Вы не сроднитесь съ нимъ душой:

Читать вы будете порой
 Романы изъ большого свѣта,
 И на себѣ ихъ примѣрять,
 И въ новыхъ формахъ этикета
 Его свободу примѣнять...
 Средь жизни мирной, жизни чинной,
 Благопристойной и невинной,
 Желая душу отвести,
 Слѣдить вы будете упрямо
 Траги-нервическія драмы,
 Симпатизируя вполнѣ
 (Къ досадѣ нѣжнаго супруга)
 Съ печальной ролью jeune premier,
 Какъ онъ, обманывая друга,
 Питаетъ страсть къ его женѣ.
 И тайна ихъ васъ всю заманить,
 И ихъ успѣхомъ дорожа,
 Когда супругъ ихъ вдругъ застанетъ,
 Вы вскрикните — за нихъ дрожа...

Потомъ, услышите случайно,
 Что ваша милая Мими,
 Являлась въ маскарадѣ тайно,
 И съ незнакомыми людьми,
 Особенно съ однимъ гусаромъ,

Ходила подь-руку и съ жаромъ
Съ нимъ говорила; и потомъ
Онъ втерся кое-какъ въ ихъ домъ;
И поутру, какъ мужа нѣту,
Съ визитомъ къ ней являться сталъ, —
Вкругъ васъ, какъ будто по обѣту,
Возстанетъ цѣлый трибуналъ:
Въ величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, какъ громъ,
Вы страшнымъ грянете судомъ
За честь общественной обиды...

Но... о, блаженны вы стократъ,
Когда свѣтъ истины суровой
Не потревожитъ сна тупого,
Которымъ чувства ваши спятъ;
Когда, съ пеленъ не зная жизни,
Весь вѣкъ лишь призраки лова,
Во гробъ сойдете не живя,
Безъ слезъ, безъ горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдругъ,
Что были вы товаромъ торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясеній жадный духъ
И ваши дѣвственныя ласки

Служили красною цѣной
 За мужниѣ саѣ, балы, коляски
 И вашъ искусственный покой:
 Всей вашей жизни машинальность,
 Продѣлки ласки должностной,
 Приличій вѣчныхъ театральность —
 Вы вдругъ постигнете душой...
 Придутъ часы тяжелой муки,
 Вы, сжавъ уста, ломая руки,
 Воскликнете: «я не жила!
 Что Богомъ мнѣ дано на долю —
 Все — умъ, подавленную волю, —
 Другимъ на жертву предала!
 За то, чтобъ свѣтской черни лепеть
 Не очернилъ меня шутя,
 Душила въ сердцѣ страсти лепеть,
 Какъ незаконное дитя...
 Хотя бѣ узнать любви томленья!
 Хотя бѣ извѣдать, хоть на мигъ,
 Страданья страстнаго сомнѣнья!..
 Хотя бы слышать страсти крикъ
 Хотъ разъ, въ устахъ не подавленный...
 Хотъ мигъ одинъ, чтобы узнать,
 Зачѣмъ страдать, за что страдать!..»
 И взоръ, мгновенно оживленный,

Во слѣдъ отчаянья сверкнетъ
Вдругъ воли вспышкой — и вотъ
Съ престола долга и приличья,
Гдѣ вы сіяли безъ пути
Въ своемъ безмысленномъ величьи,
Вы рады будете сойти...
Но это мигъ... и страшно станеть...
И взоръ испуганный отпрянетъ
Какъ бы отъ бездны подъ ногой...
И ночь въ бесплодной агоніи
Пройдетъ опять... и вотъ съ зарей
Лучи разсвѣта голубые,
Сливаясь съ вспышкой золотой
Ночной лампы, какъ статую,
Безъ жизни, скорбную, нѣмую,
Сквозь оконъ озарять вашъ ликъ...
Склоняся къ кресламъ головою,
Съ упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сонъ вашъ дикъ
И смутенъ, въ сердцѣ кровь вскипаетъ,
По членамъ холодъ пробѣгаетъ...
Открылась дверь; явился вдругъ
Вашъ возвратившійся супругъ
Съ официальной ассамблеи

. . . . .

«Ахъ, душѣнька, ты не спала?»
И вы, открывши взоръ свой влажной.
Ему промолвите, протяжно
Зѣвая: «все тебя ждала...»

Потомъ?

Потомъ... какой развязки
Еще вамъ ждать отъ этой сказки?..
Потомъ, во славу небесамъ,
Войдетъ все въ путь обыкновенной:
Опять придется вѣчно вамъ
Смѣяться шуточкѣ почтенной,
Терпѣть наряднаго шута,
Карать пороки судомъ гостинымъ,
Когда онъ деньгами иль чиномъ
Не откупился отъ суда...
Потомъ?

Потомъ на умъ, на чувство
Дремота ляжетъ, какъ дурманъ,
И даже нравиться искусство
Вамъ опостылить. На диванъ
Уляжетесь, поджавши ножки;
Вкругъ васъ усядутся рядкомъ,

Какъ предъ японскимъ божествомъ,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевныхъ бурь пройдетъ и слѣдъ
И страсти ужъ на вѣкъ уймутся —
И цѣли снова вамъ придутся,
Какъ ловко скроенный корсетъ.

1846.

IV.

ДУРОЧКА.

ИДИЛЛІЯ.

Всѣмъ довольна я, старушка —
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ: есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня — семья большая;
Дѣтки вокругъ насъ, стариковъ,
Словно роца молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...

Но какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здраваго понятя
Не имѣла; что ни дай
Ей — хоть шелковое платье —
Вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»
Говорю: «тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!»

— «Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
— «Что мнѣ съ такими злыми»...
И забьется на чердакъ.

Только встала — полетѣла!
Всю деревню обжигать!..
Это — первое ей дѣло —
Все друзья вѣдь — просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ — все равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говорить, подь-часъ и бьетъ —
Какъ къ ствнѣ горохъ! ни мало,
То есть, ухомъ не ведеть.

Ну, ее за то жь и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали..
Баловала только я —

И она какъ будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуеть,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ,

Надорветъ мое сердечко..
«Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»

«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей;
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожить сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ вельзя.

Въ снѣгъ — на улицу, и скачеть!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголь спрячется и плачеть...
Домъ ей словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою набереть,
Станеть въ полѣ, смотреть въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветь.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летить,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говорить...

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лечить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ, и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ рассказываетъ намъ —

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растеть; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревьямъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травить ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями —
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невеста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...

Только видимъ — дѣвка бредить!
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ придетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчить;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидить.

Мать журила; запирали;
Да ничто нейдетъ ей!
Разъ ушла она; мы ждали --
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ --
Нѣтъ нигдѣ! Дней нять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

«Вглянь-ко», говорю я: «Саша» —
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужь не Дуня ль наша?»
Такъ и есть, она!.. Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...

Я вотъ такъ тутъ и завyla!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ все ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней прѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжь,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жь!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужь, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ...

1851.

V.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

(Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому, и всѣмъ занимающимъ дѣло).

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подь Московою.
Бывало ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подь елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь тѣ время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
Въ столицу приведенъ насильно точно я;
Какъ будто всѣмъ чужой, сажу на чуждомъ пирѣ,

И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...
Полдневный пышетъ жарь—съ зарей я поднялся—
Откинешься на дугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокой
Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ...
О, чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живешь...

Но близкіе мои—увы!—все горожане...
И странствовать въ лѣсу, поднявшись съ зарей,
Иль въ лодкѣ осенью сидѣть въ сыромъ туманѣ,
Иль мокнуть на дождѣ, иль печься въ лѣтній зной—
Имъ дико кажется, и всякій разъ, я знаю,
Что, если съ вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тѣмъ до глубины души ихъ огорчаю;
И лица важныя нерѣдко страсть мою
Корять насмѣшками: «грѣшно, моль, для поэта
Позабывать Парнасъ и огорчать семью».
Я съ горя пробовалъ послушать ихъ совѣта—
Напрасно!.. Вотъ вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
Пошелъ на озеро; смотрю—какая гладь!

Лѣсныхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ...
Смотрю—усаачъ-солдатъ сложилъ шинель на травку,
Самъ до колѣнъ въ водѣ и удить на булавку.
«Что, служба?» крикнулъ я.—«Пришли побаловать
Маленько», говорить.—«Нѣтъ, клевъ-то какъ, служивый?»
—«А клевъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый,
Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать».

Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?
Закину, думаю, я разикъ—и назадъ!
Есть мѣсто жъ у меня завѣтное: тамъ скать
Отъ самыхъ камышей и мелкіе каменя.
Тихонько удочки забравши, впопыхахъ
Бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.

Злодѣи-рыбаки ужъ тутъ давно: вонъ съ чолномъ
Запрятался въ тростникъ, тотъ шарить въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,

Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ:
 Лишь свистнетъ въ воздухѣ леса волосая,
 Да вздохъ послышится—упорно всё молчать
 И зорко издали другъ за другомъ слѣдять.

- Межь тѣмъ живетъ вокругъ равнина водяная,
 Стрекозы синія колеблютъ полавки,
 И тощія кругомъ шныряютъ пауки,
 И кружится, сребрясь, снѣтковъ веселыхъ стая,
 Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчеза.

Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и трепеща
 Всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:
 Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилицѣ тнуктомъ
 Выводитъ на воду упорнаго леща.
 И чернозолотой красавецъ повернулся,
 И вдругъ взмахнулъ хвостомъ,—испуганный, рванулся—
 «Отдай, отдай!» кричать, и снова въ глубину
 Идетъ чудовище, и ходить, вся въ струну
 Натянута, леса.. дрожь вчужѣ пробираетъ!..
 А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.
 Тащу—леса въ водѣ описываетъ кругъ,
 Уже зияетъ пасть зубастая—и вдругъ
 Взялась моя леса, свистя надъ головою...
 Обгрызла!.. Господи!.. но, зная норовъ щукъ,
 Другую удочку за тою же травкою

Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюеть... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надеждъ, волнуясь отъ страха,
Выкидываю вверхъ—чуть-виднаго ерша...
О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плачу;
Клянусь себя, людей и міръ за неудачу,
• И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
И только комары, обличіе мнѣ щеки,
Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругомъ я взоры обвожу.
Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ!
Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ шатромъ сквозящимъ,
Краснѣютъ темныхъ сосѣхъ сторукіе стволы
И отражаются внизу въ заливѣ черномъ,
Гдѣ бѣлый паръ уже бѣжитъ къ подножьямъ горнымъ.
Съ той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки свѣтятся, какъ огненные точки;
Купанье тамъ идетъ: чуть слышенъ визгъ живой,
Чуть-чуть бѣлѣются по берегу сорочки,
Межъ тѣмъ какъ слышится изъ глубины лѣсной
Кукушка поздняя да дятель молодой...
Картинны бѣдныя полунощнаго края!
Гдѣ бъ я ни умираю, васъ вспомню умирая:

Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, мира съ людьми, учили жить меня!..

Но вотъ ужъ смерклося. Свѣжѣть. Вкругъ ни звука.
На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
Чу... тянуть якоря! Раздался весель плескъ...
Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ, ни щука!
Вотъ, если бы чѣмъ-свѣтъ, забраться въ тростники,
Когда лишь по зарѣ замѣтишь полавки,
И то, почти къ водѣ припавши... тутъ охота!..
Что жъ медлить? Завтра же... Межь тѣмъ всѣ челноки,
Толкаясь, пристають у низенькаго плота,
И громкій перекликъ несется на водахъ
О всѣхъ событьяхъ дня, о порванныхъ лесахъ,
И брань и похвальба, исполненныя страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти,
И плещеть ходкѣй плотъ, качаясь подъ ногой.
Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужъ прохладно;
За то какъ дышится у лодокъ надъ водой,
Гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной,
Межь тѣмъ какъ изъ лѣсу чуть-слышнымъ вѣтеркомъ,
Смолой напитаннымъ, потянетъ вдругъ тепломъ!..

О, милые мои! Ужель вамъ не понятно,
Вамъ странно, отчего въ тотъ вечеръ благодатный

Съ любовію въ душѣ въ вашъ кругъ вбѣгаю я
И, весело садясь за ужинъ деревенской,
Съ улыбкой слушаю нападки на меня—
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, съ милою свиданье улучивъ,
И ужь обдумавши къ свиданью поводъ новый,
Такой же приходилъ я къ вамъ... Но что вы? что вы?
Что значить этотъ кликъ и смѣха дружный взрывъ?
Нѣтъ, полно! вижу я, не стоворить мнѣ съ вами!
Истома сладкая ко сну меня зоветъ.
Прощайте! добрый сонъ!.. уже двѣнадцать бьетъ...

Иду я спать.. И вотъ опять передъ глазами
Все катится вода огнистыми струями,
И ходять поплавки. На мигъ лишь задремалъ—
И кажется, клюетъ!.. Тутъ полно, сонъ пропалъ;
Плазаетъ голова и сердце бьется съ болью.
Чуть показался свѣтъ, на цыпочкахъ, какъ воръ,
Я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ,
Взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью.
Но на небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ
И къ стужѣ въ воздухъ замѣтенъ поворотъ;
Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
Не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ,—
Но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.

И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
Вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,
И я промокъ насквозь, окостенѣли руки;
Но окунь—видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ—
Со дна и по верху гнался за червякомъ,
И ловко выхватилъ я прямо въ чолнѣ двѣ щуки...
Тутъ вѣтеръ потянулъ—и золотымъ лучомъ
Деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
Ужь дома самоваръ, пожалуй, недалеко...
Домой! и въ комнату, пронизанный дождемъ,
Съ пылающимъ лицомъ, съ душой и мыслью ясной,
Двѣ щуки на шнуркѣ, вхожу я съ торжествомъ...
И крикомъ всё меня встрѣчаютъ: «ахъ, несчастный!»

Непосвященные! напрасенъ съ ними споръ!
Искусства нашего непризнанную музу
И грекъ не приобщилъ къ парнасскому союзу!
Нѣтъ, муза чистая, витай между озеръ!
И пусть бѣгутъ твои балованныя сестры
На шумныхъ поприщахъ гражданственности пестрой
За лавромъ, и хвалой, и памятью вѣковъ:
Ты, ночью звѣздною, на мельничной плотинѣ,
Въ семь царствѣ свай, колесъ, и плѣсени, и мховъ,
Таинственностью духъ питай въ святой пустынѣ!

Заслыша, что къ тебѣ въ тотъ часъ зываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
Въ высокой осокѣ протоптанной тропинкой,
Въ дремучій, темный лѣсъ; играй, рѣзвись со мной;
Облей въ пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочкѣ живой
Ручей, и, усадивъ за ольхой серебристой
Надъ ямой, гдѣ лопухъ разросся круглолистный,
Гдѣ рыбѣ въ затиши прохлада есть и тѣнь,
Показывай мнѣ какъ родится новый день;
И въ мигъ, когда спадеть съ природы тьмы завѣса,
И солнце вспыхнетъ вдругъ на пурпурѣ зари,
Со всѣми криками и шорохами лѣса
Сама въ моей душѣ ты съ Богомъ говори!
Да просвѣтленъ тобой, дыша, какъ часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьемъ той свободы,
Въ которой праотецъ народовъ, дни катя
Къ серебристой старости, былъ веселъ, какъ дитя!

VI.

ТРИ ПРАВДЫ.

СНАЗКА.

Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти;
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что же — птичка
Говорить ему по-человѣчьи:
«Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!»

«Чудеса Господни, да и только!
Думаетъ купчина, — эго диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!»
— «Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дѣло — выпущу на волю».

— «Ну, такъ слушай, молвила пичуга:
Плачь не плачь, что́ было — не воротись;
Не тянись за тѣмъ, что́ не подь-силу;
И не стрь чужимъ словамъ и толкамъ!
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды».

— «Ну, сказалъ купецъ, оно не много,
И въ торговлѣ — тертая монета!
Плачь не плачь, что́ было — не воротись;
Гдѣ ты, значить, лишнее просадишь,
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужь въ оба: знаемъ это!
Не тянись за тѣмъ, что́ не подь-силу:
Мало ль тутъ у насъ опшмыгъ-то ходить!
Торговаль лѣтъ двадцать, сбиль копѣйку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись —

Не учить насъ стать и этой правдѣ!
А—не вѣрь людскимъ словамъ и толкамъ:
Ужь на что жь еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужь, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки —
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!..
Ну, такъ какъ же! что съ тобой мнѣ дѣлать?
Ты сама-то проку небольшого —
Аль пустить ужь уговора ради?
Ну, ступай себѣ, Господь съ тобою!»

И пустиль купецъ на волю птичку;
Заложилъ самъ за спину онъ руки,
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ,
И звенить-гремить, что колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
«Ты никакъ, купецъ спросилъ, смѣнешся?»

—«Ничего! пичуга отвѣчала—
•Я смѣюсь на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,

Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ;
Если бъ ты моихъ не слушалъ басенъ,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы бриллиантикъ —
Не соврать-сказать—величиною!
Что яйцо куриное! не меньше!
А о томъ вѣдь только чай и мысли,
Чтобъ весь свѣтъ въ мою къ себѣ упрятать!
За умомъ знать только дѣло стало!»
У купца ажъ ноги подкосились.
Весь сомдѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ, мой Боже!
Какъ-нибудь поправить надо дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
Рѣчь повелъ сторонкой, осторожно,
Будто самъ съ собою разсуждаетъ:
«Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ,—
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще, какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи—

И живи, что въ царствіи небесномъ!
 Право, ты вѣдь умница, пичужка,
 Разсудить могла бы не по-птичьѣ!»

А пичуга пуще заливалась:

«Ахъ, купецъ, купецъ ты именитый!
 Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
 На словахъ, поди ты, что на гусяхъ,
 А на дѣлѣ—хуже балалайки!
 Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что́ было—не воротились—
 Упустилъ меня и ужъ горюешь!
 Съ горя всё дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ, что́ не подь-силу:
 А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
 И найдись теперь какой пройдоха,
 Посули меня тебѣ представить—
 Капиталь ему по каплѣ спустишь!
 Самъ людскимъ смялся толкамъ глупымъ—
 Моему же, птичьему, повѣрилъ:
 Ну, какой во мнѣ быть можетъ камень—
 И какой еще величиною!
 Что́ яйцо куриное! ишь, умникъ!
 А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ—
 Вся-то я не болѣе наперстка!»

Обругалъ купецъ ничугу, плюнулъ, —
Увидалъ, что въ дуракахъ остался! —
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разказалъ почти что передъ смертью,
Подъ хмѣлькомъ, у внучки на крестинахъ.

1861.

VII.

КАРТИНКА.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцающа,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребячь.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть.
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотреть.
Хоть не слышитъ, дѣдь.

Что жь такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужь такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Самой вѣсти смыслъ покажѣтъ
Темень имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучь!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучь.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкой въ рукахъ!

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сияетъ
Вѣковѣчный день.

~~~~~

VIII.

П О Л Я.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ сдва,
А тамъ поля, опять поля...

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредеть старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... «Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?»

— «Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
Не подвезете ль старика?»
— «Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жъ такъ не велика!»

«Садись!» — «И здѣсь, на облучокъ»...
— «Да мѣсто есть: садись рядкомъ!»
Но тутъ ужъ взять никто бы не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бь былъ
«Необразованный мужикъ!»

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обрить,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— «Я былъ дворовый человѣкъ» —
Онъ говорилъ — «у князя Б!
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужь по себѣ!»

— «И слава Богу!» — «Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятію моему,
Отъ всей ихъ волн — толку нѣтъ!»

«Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходить, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!»

«Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Бѣсть даромъ хлѣбъ, — такъ съ глазъ долой!

«Еще скажу: добры князя!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, моль, — такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ! —

«Жаль ихъ самихъ!» — И тутъ старикъ
Повель разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалить мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады —

Все въ запущеньи, все гниеть...
Усадьба — прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
И пей и ѣшь! Все было въ прокъ!

«Да, вспоманешь про старину!»
Онъ заключилъ: «быль складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Базалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ»,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: «спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?»

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное слово
Не попадало на языкъ...

«Чего?..» онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрами встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ, —
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
Впередъ — не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему, —

Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вокругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... «Куда жь те дьяволъ мчить!»
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль — какъ широка!..

1862.

IX.

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
— «Тутъ сувенирчикъ у васъ»,
Онъ улыбаясь сказалъ;

«Что, если бѣ онъ говорилъ?
Можетъ быть цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ бы и мужъ тамъ тиранъ,

«Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было — и въ тѣ времена —
Много, чай, всякихъ проказъ?..»

— «Грѣхъ надъ старухой шутить...»
Бабушка внучку въ отвѣтъ;
«Кто жь бы еще подарить
Могъ мнѣ его, какъ не дѣдъ?»

— «Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?»

Внучекъ опять: — «признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка! этакой тузы!»

— «Молодь покойничекъ былъ!..»

Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!..
Тоже была молода...

«Бѣдили разъ мы весной;

Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной...
Батюшка... много гостей...

«Я и стою на мосту;

Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что тутъ на умъ не взбредеть?

«Мельница такъ и дрожить;

Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Ходенемъ ходить, кипить,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!

«Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, спрыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

«Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!—
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и — бух!

«Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ — онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...

«Мнѣ подаетъ: я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!..
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

«Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда...
Такъ и пошла за него...
Былъ человекъ это!.. Да!..

«Стараго вѣка кремень!

Варишь онъ былъ матерой!

Сель что имѣлъ, деревень!

Видный, красавецъ собой,

«Соколомъ яснымъ ходилъ!

Первымъ вездѣ былъ лицомъ!

Что онъ народу кормилъ!

Ну, да и самъ жилъ царемъ...

«Въ гости ль меня вывозилъ —

Въ золото, жемчугъ, атласъ,

Словно парицу рядилъ,

Словно какъ везъ на показъ!

«Сѣрый лихой шестерикъ

Держать едва подь-узды...

Кучерь былъ сила-мужикъ!

И гайдуки молодцы!

«И, какъ жила я за нимъ,

Тронуть меня ужъ не смѣй

Кто хоть бы словомъ худымъ:

Со свѣту стонить — ей-ей!

«Да, это былъ человекъ!..

Нынче и родъ ужь не тотъ!

Нынче — не тотъ ужь и вѣкъ!

Мелкій пошелъ все народъ!..»

— «Бабушка! внучекъ прервалъ,

Я отъ самихъ стариковъ

Часто про дѣда слыхалъ:

Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

«Былъ онъ — надменный богачъ!

Жилъ — азіатскимъ папой;

Самъ и судья, и палачъ,

Ночью ѣзжалъ на разбой;

«И въ душегубствѣ не разъ

Былъ по суду обвиненъ...

Правда, въ то время у насъ

Знатному что былъ законъ!

«Пьянство и ночью и днемъ!

Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!

Вы же — всю жизнь подъ замкомъ

Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ.

«Вась-то онъ будто любилъ!
Боже мой! онъ какъ злодѣй,
Вашу всю жизнь загубилъ,
Вась загубилъ и дѣтей!

«Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порой,
Ласковъ былъ съ вами, какъ левъ
Съ львицей своей молодой!

«Ну, а какъ душу отвелъ...
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли — что золь
Вынесли вы-то одѣ!

«Вѣрите, люблю я, какъ мать,
Вась за страдальный вашъ вѣкъ...
Что жь отъ меня вамъ скрывать!
Дѣдъ былъ — дурной человѣкъ!..»

Баба трясеть головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
«Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!»

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчить,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядить...

Смотрить на бабушку внукъ..
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей...

Въ жизни дитя — не умѣлъ
Сердце еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя, что тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеаль,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!..

1857.

X.

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ — обрывъ! и вотъ — рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ.
Бѣжить, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна
Съ безглавой башней, какъ огнемъ,
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣтъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣвнымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ гудахъ что лежать,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?..

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотреть, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ...
— «Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотрѣть въ монастырь?»

— «А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть — увидишь», молвилъ онъ,
«Да что смотрѣть-то! Сколько лѣтъ,
Какъ монастырь ужъ упразднень.

«Святыню вывезли... Живемъ
Мы вотъ одни давненько тутъ
Съ отцомъ Пансіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

«Аль здѣсь помремъ... Я, вотъ, съ ногой
Изныль. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

«Войди въ калитку-то, смотри!» —
Мнѣ указаль на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться хоть бы мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть немного было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ...
За то, что кудри, до земли
Висѣли вѣтви ивъ густыхъ...

А домъ, гдѣ кельи — какъ скелеть,
За блѣдной зеленью стоитъ,
И въ острыхъ окнахъ стеколь нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ...

Лишь бродить вокругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, несясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; въ разбродъ
Гуляетъ стая голубей —

Все тихо валится кругомъ...
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ...

Смотрѣть немного... Что жъ изъ нихъ,
Изъ этихъ камней говорить
Моей душѣ? и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучить?

Святыню вывезли... Но нѣтъ,
Не всю!.. Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы, столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустыннымъ житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человекъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И, что свѣча въ ночи горить,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...

И вотъ — вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться. . и растеть

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
И въ погреба течеть казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...

А эти гости — то князья,
Въ орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...

И черный людъ, безвѣстный людъ
Со всей Руси идетъ, бредеть...
Въ грѣхахъ всѣ каются идутъ —
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...

Идутъ — съ пожарницъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горить, какъ жарь,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердце скорбящихъ чистый дарь...

Вотъ идетъ новый караванъ...
Полумонашеская рать...
И раззолоченный рыдванъ...
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣдень, худь,
Выходить, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончитъ судъ,
Кровавый судъ свой, царь Иванъ...

Ударилъ колоколъ большой —
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь...

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ...
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ...

Но царь на свѣтлый пирь неидеть.
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся...
Онъ ѣсть лишь хлѣбъ, онъ воду пьеть,
И весь онъ Богу отдался...

Вотъ на обитель сходить сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна...
Все ходить онъ, все пишеть онъ
Имъ побѣнныхъ имена...

Все кровь... А тутъ — покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мѣрскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

Принять бы схиму здѣсь... Лежать
Живымъ въ гробу — а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой....

Все суета!.. И какъ видна
Она изъ гроба-то!.. — А тутъ —
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуеть! Скажутъ: царь былъ лютъ!

Измѣна встанетъ! Зашумятъ
Опять бояре, города...
Найдется царскій братъ иль свать,
Мой родъ зарѣжетъ... Что тогда?

И духъ его, какъ вѣронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ, недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамоль?

Зоветь на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветь,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ —

Куетъ онъ мысль — какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ни чего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его...

А ночь межъ тѣмъ надъ Русью шла...
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что Царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И, чуть звонять, народъ — во храмъ,
Вопить, какъ жаждущій въ степи;
«Когда жь, Господь, конецъ бѣдамъ!»
И клиръ въ отвѣтъ ему: «терпи!»

Терпи!.. и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь — всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опаль...

Тяжелый млатъ коваль тебя
Въ одинъ народъ, коваль вѣка —
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя караль, — и тѣмъ крѣпка!

И вотъ — теперь... «Что?» опросилъ
Меня монашекъ у воротъ.

— «Нѣтъ, ничего!.. я говорил!..»

— «А знатный былъ, молва идетъ,

«Нашъ монастырь-то въ старину!..»

— «А упраздненъ-то онъ зачѣмъ?»

— «Да стало брати мало... Ну...

И оскудѣли житіемъ!

«Ужь противъ прежняго — гдѣ намъ!»

И вдругъ, какъ будто спохватясь:

— «Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?»

— «Самъ, самъ!» — «Ну, то-то, въ добрый часъ!»

1860.

XI.

П Ъ С Н И.

У воротъ монастыря
Пѣль слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣль онъ пѣснь одну и ту же,
Пѣль о Страшномъ онъ Судѣ,
Пѣль о Зломъ и Добромъ Мужѣ.

Чуждъ живущему всему;
Только слава Судъ Господній,
Населяя свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачь и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный,

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,
И невольно вкругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ; а народъ
Все вкругъ стоитъ въ молчаньи:
Всѣхъ томить и всѣхъ гнететь
Мысль о страшномъ покаяньи...

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визгливой;

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою...
Смѣхъ и пляски — въ полный ходъ!
И слѣпецъ забыть толпою.

Возроптали старики:
«Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ, дураки,
Змѣю огненному въ челюсть!»

Слышать ропотъ ихъ слѣпецъ:
— «Не судите, молвить, строго!
Блажь — Небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы — все отъ Бога!

«Отъ Него — п скорбный стихъ,
Отъ Него — п стихъ веселый!
Тотъ спасень, кто любить ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

«А кто любить ихъ — мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И растить его, какъ нива».

1860.

XII

ДВА БЪСА.

Вь скиту давно забытомъ, въ чащѣ лѣса,
Укрылися отъ бури, въ дождь, два бѣса,

Продрогшіе, промокши отъ дождя,
Они тряслись, зубъ съ зубомъ не сводя.

Одинъ былъ толстъ, коротенькія ножки,
А головою — смѣсь вола и кошки;

Другой — высокъ, съ собачьей головой,
И хвостъ крючкомъ, самъ тонкій и худой.

Тотъ, какъ вломился, и присѣлъ у печки,
И съ виду былъ смиреннѣе овечки;

Другой за то метался и ворчалъ
И въ бѣшенствѣ зубами скрежеталъ.

«Ну, ужь житье! — ворчалъ онъ — мокни, дрогни,
«И все одно что завтра, что сегодня!

«Ждать мочи нѣтъ! ужь такъ подведено,
«Что, кажется, все рухнуть бы должно, —

«Анъ — держится!» — онъ плюнулъ отъ досады —
«Работаешь, и нѣтъ тебѣ награды!»

Толстякъ смотрѣлъ, прищуря лѣвый глазъ,
Надъ бѣшеннымъ товарищемъ смѣясь,

И молвилъ: «Эхъ, вы, бѣсы нетерпѣнья!
«Такой ли вѣкъ теперь и поколѣнье,

«Чтобъ намъ роптать? Я каждый день ташу
«Десятокъ душъ — самъ цѣль и не грущу!

«То ль было прежде? Вспомни хоть, какъ сѣкли
«Святые насъ! Здѣсь выпорютъ, а въ пеклѣ

«Еще потомъ подбавятъ, какъ прійдешь!
«И вспомнить-то, выдаетъ въ жаръ и дрожь!

«На этомъ мѣстѣ, помню я, спасался
«Блаженный. Я ль надъ нимъ не постарался!

- «Топилъ въ болотахъ, по лѣсамъ
«Дней по пяти кружилъ; являлся самъ,
«То дѣвицей являлся, то во звѣрѣ, —
«Онъ аки столбъ непоколебимъ былъ въ вѣрѣ!
«Я наконецъ оставилъ. Заходить
«Сталъ такъ къ нему, чтобы поговорить,
«Погрѣться. Онъ, бывало, тутъ читаетъ,
«А я въ углу. И вотъ онъ начинаетъ
«Мнѣ проповѣдь: не стыдно ли, о бѣсъ,
«Ты мечешься весь вѣкъ свой, аки песь,
«Чтобъ совратить людей съ пути блаженства!..
«Ахъ, говорю я, ваше, молъ, степенство,
«Чай знаете, я развѣ самъ собой?
«У каждаго у насъ начальникъ свой,
«И видишь самъ, хоть изъ моей же хари,
«Какая жизнь для подначальной твари!
«Да я бъ тебя не тронулъ и во-вѣкъ, —
«Анъ спросить вѣдь: что оный человекъ

«Сіають все еще, свѣчѣ подобно?

«Да на спиѣ и выпишутъ подробно,

«Зачѣмъ еще сіають!.. Вотъ и знай,

«И нынѣшній народъ ты не ругай!

«Гдѣ къ кабаку лишь покажи дорогу,

«Гдѣ подтолкни, а гдѣ подставь лишь ногу, —

«И всѣ твои!..» «Эхъ, вы, вскричалъ другой,

«Рутина! ветошь!.. Вѣкъ бы только свой

«Вамъ прѣть вокругъ купчихъ, чтобъ ихъ скоромить,

«Иль дочекъ ихъ съ гусарами знакомить!

«Не то ужъ нынче принято у насъ;

«Мы дѣйствуемъ на убѣжденья массъ,

«Такъ ихъ ведемъ, чтобъ имъ ни пить, ни кушать, —

«А безъ разбору только бѣ рушить, рушить!

«Въ нихъ разожги всѣ страсти, раздражи,

«Всѣ заповѣди имъ переверни:

«Пусть вмѣсто «не убій» — «убій» читаютъ,

«(Седьмую ужъ и такъ не соблюдаютъ!)

«Не пожелай» — десятая — пускай
«Напишутъ на скрижаляхъ: «пожелай», —
«Тутъ дѣло о принципахъ. Пусть ихъ сами
«Работаютъ подтолкнутые нами!
«Объ насъ же пусть помину нѣтъ! Зачѣмъ!
«Пусть думаютъ, что насъ и нѣтъ совсѣмъ,
«Что мы — мечта, невѣжества созданье,
«Что намъ и мѣста нѣтъ средь мірозданья!
«Пусть убѣдятся въ этомъ... И тогда,
«Тогда, любезный другъ, придетъ чреда,
«Мы явимся въ своемъ природномъ видѣ,
«И скажемъ имъ: «пожалуйте»...

* * *

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку все сказанное мной, —

Напрасно! Видѣлъ все и слышалъ это
Одинъ семинаристъ. Онъ шелъ на лѣто

Домой, къ отцу, — но тутъ главнѣйше то, —
Онъ въ сущности не вѣрилъ ни во что,

И — сапоги на палкѣ — шель мечтая,
Что будетъ свѣтомъ цѣлаго онъ края...

О братьяхъ, сестрахъ — что и говорить!
Одна бѣда — со старикомъ какъ быть?

А старикашка у него чудесный —
Сердечный — но кругъ зрѣнья очень тѣсный,

Понятія давно былыхъ вѣковъ —
Онъ вѣрилъ крѣпко — даже и въ бѣсовъ.

Такъ шель онъ, шель — вдругъ туча налетѣла,
И по лѣсу завыло, загудѣло;

Дождь хлынулъ, — какъ, по счастью, глядитъ
Тутъ, въ двухъ шагахъ забытый, старый скитъ —

Онъ въ келійку и за-печь: слѣдомъ двое
Бѣсовъ, и вамъ извѣстно остальное.

Что онъ ихъ видѣлъ — онъ стоялъ на томъ!
И поплатился жь, бѣдненькій, потомъ!

Товарищамъ за долгъ почель открыться,
А тѣ надъ нимъ — смѣяться и глумиться

Проникла вѣсть въ учительскій совѣтъ,
Составили особый комитетъ;

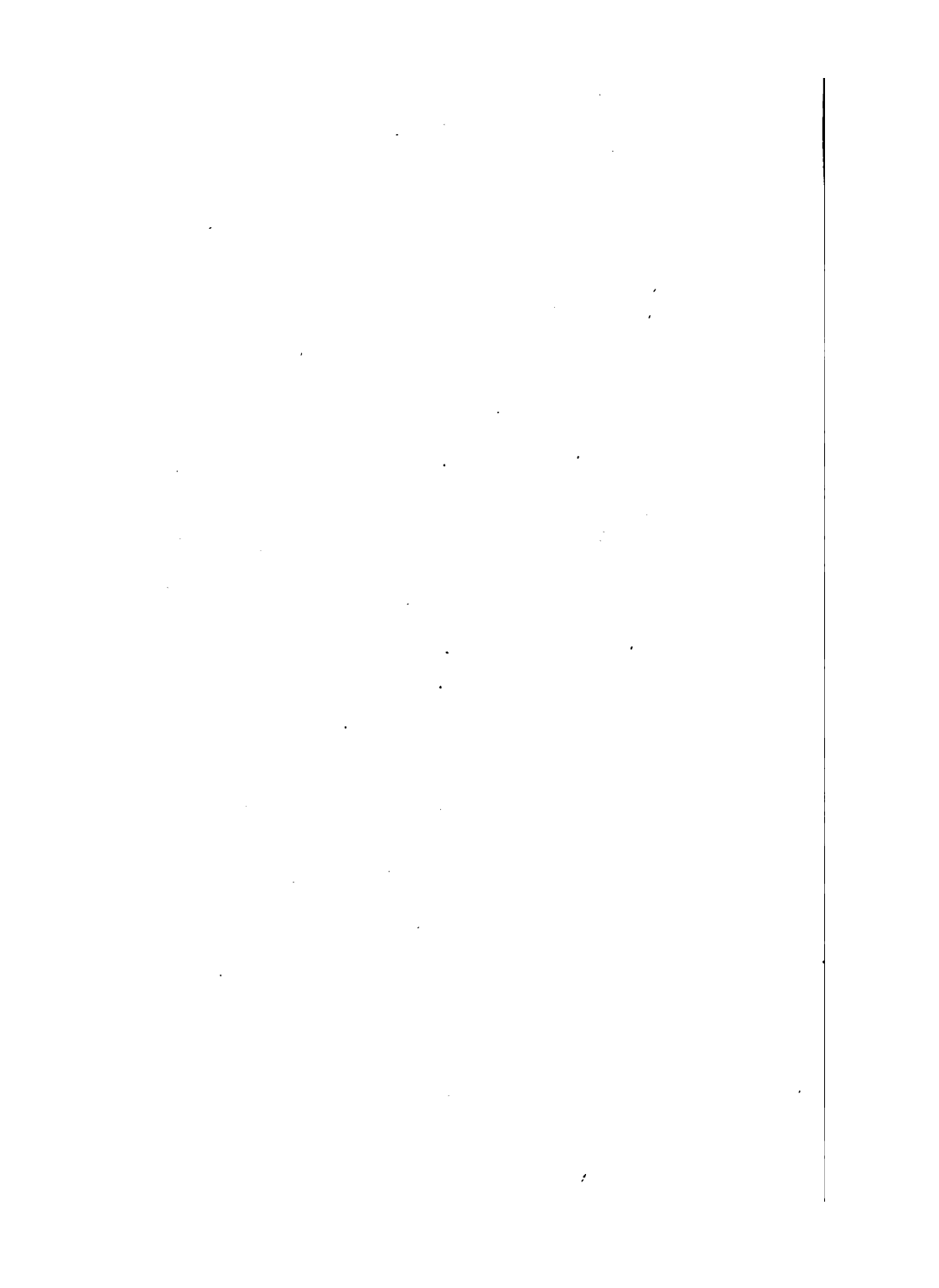
Вошли къ начальству съ форменнымъ докладомъ —
Что дѣлать, моль, съ подобнымъ ретроградомъ,

Что, вообще, опасный прецедентъ —
И наослѣдокъ вышелъ документъ,

Подписанный самимъ преосвященнымъ, —
«Считать его въ разсудкѣ поврежденнымъ».

V.

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ.

I.

Е М Ш А Н Ъ *).

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ...

Когда въ степяхъ, за станомъ станъ,
Бродили орды кочевья,
Быль ханъ Отрѣкъ и ханъ Сырчанъ,
Два брата, батыри лихіе.

И разъ у нихъ шель пиръ горой —
Великъ полонъ былъ взять изъ Руси!
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
Лился кумысъ во всемя улусѣ.

*) Разсказъ этотъ взять изъ Волынской лѣтописи. *Емшанъ* — названіе душистой травы, растущей въ нашихъ степяхъ, вѣроятно полынь,

Вдруг шумъ и крикъ, и стугъ мечей,
И кровь, и смерть, и нѣтъ пощады! —
Все врозь бѣжить, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То съ русской силой Мономахъ
Всесокрушающій явился —
Сырчанъ въ донскихъ залегахъ меляхъ,
Отрокъ въ горахъ кавказскихъ скрылся!

И шли года... Гулялъ въ степяхъ
Лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...
Но вотъ — скончался Мономахъ,
И по Руси — туга и горе —

Зоветь къ себѣ пѣвца Сырчанъ
И къ брату шлетъ его съ наказомъ:
«Онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ странъ,
Владыка надо всѣмъ Кавказомъ —

«Скажи ему, чтобъ бросилъ все,
Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
Въ благоухающія степи!

«Ему ты пѣсенъ нашихъ спой,—
Когда жъ на пѣснь не отзовется,
— Свяжи въ пучокъ емшанъ степной
И дай ему — и онъ вернется».

Отрѣкъ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
Вкругъ — рой абхазянокъ прекрасныхъ;
На золотѣ и серебрѣ
Князей онъ чувствуетъ подвластныхъ.

Введенъ пѣвецъ. Онъ говоритъ,
Чтобъ въ степи шелъ Отрѣкъ безъ страха,
Что путь на Русь кругомъ открыть,
Что нѣтъ ужъ больше Мономаха!

Отрѣкъ молчитъ, на братниѣ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ —
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его что солнце величаетъ —

Встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ —

Отрѣкъ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его — велить
Своимъ послушливымъ кунакамъ.

И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подаль хану —
И смотреть ханъ — и, самъ не свой,
Какъ бы почувя въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ —
Онъ грозный ханъ, что жъ это значить?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожать, —
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
«Не царь я больше вамъ отнынѣ!»
Воскликнулъ, «смерть въ краю родномъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!»

На утро, чуть осѣлъ туманъ,
И озлатились горъ вершины,
Въ горахъ идетъ ужъ караванъ —
Отрѣкъ съ небольшою дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждетъ онъ — скоро ль степь родная —
И въ даль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпуская.

1874.

II.

ВЪ ГОРОДЦѢ ВЪ 1263 ГОДУ *).

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ — два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вокругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жь игуменской зрѣлице скорби и слезъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоять по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждуть: нѣтъ надежды, ужь нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

*) Городецъ на Волгѣ; тамъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды
В. К. Александръ Ярославичъ Невскій въ 1263 году.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
 Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
 Сонъ ли проходить предъ нимъ, или видѣній таинственныхъ

цѣль —

Видитъ онъ — степь, безпредѣльная буря степь...
 Войлокъ разстланъ на выжженной солнцемъ землѣ.
 Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,
 Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...
 Шелъ изъ ордъ онъ, какъ дивилецъ, какъ рабъ...
 Въ сердцѣ, зная, силъ не хватило обиду стерпеть...
 И проронилъ Александръ: «такъ и мѣя умереть»...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
 Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
 Видитъ — шатеръ, дорогій, златотканый шатеръ...
 Тронъ золотой на пурпурной поставленъ коверъ...
 Ханъ возсѣдаетъ среди тысячи муръ и князей...
 Князь Михаилъ *) передъ ставкой стоитъ у дверей...
 Подняты копы надъ княжеской свѣтлой главой...
 Молятъ бояре горячей мольбой...
 «Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ» онъ твердитъ...
 Мигъ — и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
 Топчуть ногами и копыями колютъ его...

*) Кн. Михаилъ Черниговскій.

Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...
 Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ, —
 «Я жь», говоритъ, «поклонился болванамъ, чрезъ огнь я
 прошелъ,
 «Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
 «Но» — на Спасителя взоръ устремивъ:
 «Боже! Ты знаешь — не ради себя —
 «Многострадальный народъ свой лишь паче души
 возлюбя!..»
 Слышать бояре и шепчуть, крестясь:
 «Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!»

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить...
 Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
 Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ...
 Въ шумной толпѣ и мятежъ, и раздоръ...
 Всѣ собралися концы и шумять...
 «Всѣ постояимъ за святую Софію» — вопять —
 «Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
 «Нѣмцамъ и Шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
 «Самъ ты водилъ насъ, и — Биргеръ твое
 «Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
 «Рыцари, — памятенъ имъ пооттаявшій ледъ!..
 «Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровавомъ!..

«Бейте, колите, берите живьемъ
 «Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
 «Намъ ли баскаковъ пустить
 «Грабятъ казну, на правезъ насъ водить?
 «Злата и сѣребра горы у насъ въ погребяхъ, —
 Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
 «Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ, татарь!..»
 И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
 Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
 Очи сверкнули огнемъ,
 Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души —
 Крикнулъ: «эй, вы, торгоши!»
 «Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
 «Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
 «Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу —
 «Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
 «Бремя нести — такъ всѣмъ міромъ нести!
 «Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
 «Вѣруя въ чаянѣ лучшихъ временъ, —
 «Все лишь въ конецъ претерпѣвый — спасень!..»

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить...
 Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
 Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
 Видитъ онъ: облитый словно лучомъ золотымъ,

Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишать
берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Править имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ Царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говорить...
Вотъ — передъ гробомъ земные поклоны творить...
Слѣдомъ — всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробъ жь — князь видитъ — онъ самъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ..
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой —
Чудной лицо озарилось красой —
Тихо игумень къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело —
И, зарыдавъ, возгласилъ: «ваше солнце зашло!»

1875.

III.

У ГРОБА ГРОЗНАГО.

Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ
На правомъ клиросѣ есть гробъ. При гробѣ томъ
Стоишь невольно ты съ задумчивымъ челомъ
И съ боязливою пытливостью во взорѣ...
Тутъ Грозный самъ лежитъ!.. Последняго суда—
Ты чувствуешь, что надъ нимъ судьба не изрекала;
Что съ гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть можетъ, никогда
На свѣтѣ пламеннѣй души не появлялось...
Она— съ алчбой добра— весь вѣкъ во злѣ терзалась,—
И внутреннимъ огнемъ сгорѣла онь... До сихъ поръ
Сведенъ итогъ его винамъ и преступленьямъ;
Быль спросъ свидѣтелей; поставленъ приговоръ,—
Но вѣчто высшее все медлитъ утвержденьемъ,
Недоумѣнія толпа еще полна,
И тайной облеченъ досель сей гробъ безмолвный...
Вотъ онь!.. Иконы вокругъ. Изъ узкаго окна

Въ соборъ, еще святыхъ благоуханій полный,
 Косой вечерній лучъ на темный гробъ упалъ
 Узорной полосой въ колеблющемся дымѣ...
 О, если бѣ онъ предсталъ — теперь — въ загробной схиmѣ,
 И самъ, какъ вѣкогда, народу рѣчь держалъ,
 «Я царство создавалъ — и создалъ и донынѣ —
 Сказалъ бы онъ — оно стоитъ — четвертый вѣкъ...
 «Судите *тутъ* меня. Въ паденьяхъ и гордынѣ
 «Отвѣтъ мой — Господу: предъ Нимъ — я человекъ,
 «Предъ вами — Царь! Кто жъ могъ мнѣ помогать?..
Потомки
 «Развѣнчаннхъ князей, которымъ рѣзалъ глазъ
 «Блескъ царскаго вѣнца, а старыхъ правъ обломки
 «Дороже были клятвъ и совѣсти?.. Держась
 «За нихъ, и Новгородъ: что онъ въ князьяхъ, молъ,
волень!
 «Къ Литвѣ, когда Москвой стѣсненъ иль недоволенъ!..
 «А вѣкъ тотъ былъ, когда венеціанскій ядъ,
 «Незримый какъ чума, прокрадывался всюду,
 «Въ письмо, въ Причастіе, ко братиѣ и къ блюду...
 «Княгиня — мать моя — какъ умерла? — Молчать
 «Княжата Шуйскіе... Гдѣ Бѣльскій? рать собираетъ?
 «Орудуетъ въ Крыму и хана подымаетъ!
 «Подъ Серпуховымъ кто безбожнаго навелъ
 «На своего Царя и указалъ дорогу?

«Мстиславскій? Каешься?.. А Курбскій? — Онъ ушелъ!
 «..Не мыслю на удѣлъ“ — клянется мнѣ и Богу —
 «А пишется въ Литвѣ, съ панами не таясь,
 «Въ облыжныхъ грамотахъ какъ «Ярославскій князь!»
 «Клеветецъ — на кого жь?.. На самое царицу —
 «Ту чистую какъ свѣтъ небесный голубицу!..
 «Все противъ!.. Что же я на царствѣ?.. Всѣмъ чужой?..
 «Идти ль мнѣ съ посохомъ скитаться въ край изъ края?
 «Псарей ли возвести въ боярство — и покой
 «Купить, — имъ мерзости творить не возбраняя,
 «И ненавистью къ нимъ всеобщей — ихъ связать
 «Съ своей особою?.. Отвѣтъ кто жь долженъ дать
 «За мерзость ихъ, за кровь?.. Покинутый, болящій,
 «Азь — передъ Господомъ — азь — аки песь смердящій
 «Въ нечестьи и грѣхѣ!..

«Но Царь пребылъ Царемъ.

«Навѣки утвердилъ въ народѣ онъ своемъ,
 «Что предъ лицомъ Царя, предъ правдою державной
 «Потомокъ Рюрика, бояринъ, смердь — всѣ равны,
 «Всѣ — сироты мои...

«И царство создалось!

«Но моря я хотѣлъ! Намъ нужно насажденье
 «Наукъ, ремесль, искусствъ: все съ боя брать пришлось!
 «Весь Западъ завопилъ: опасно просвѣщенье

«Пустить въ Московію! Самъ Кесарь взоръ возвелъ
 «Тревожно на небо: двуглавый нашъ орелъ
 «Уже тамъ виденъ сталь — и занавѣсь упала,
 «И царство новое предъ ихъ очами встало...

«Оно не прихотью явилоса на свѣтъ.
 «Въ немъ не одной Руси спасенія завѣтъ:
 «Въ немъ церкви истинной хоругвь, и мечъ, и сила!
 «Единоврѣрныхъ скорбь, чтобъ быть ему, молила —
 «И — бысть!.. Мой дѣдъ, отецъ, трудилися надъ нимъ;
 «Я жь утвердилъ на-вѣкъ — хоть самъ раздавленъ имъ...
 «Вы все не поняли?.. Кто жь понялъ? Только эти,
 «Что въ ужасѣ, какъ жить безъ государства, шли
 «Во дни великихъ смуть, съ крестомъ, со всей Земли
 «Освобождать Москву... Моихъ князей же дѣти
 «Вели постыдный торгъ съ ворами и Литвой,
 «За лишніа права имъ жертвуя Москвой!..
 «Да! люди средніе и меньшіе, водимы
 «Лишь вѣрою, что Богъ имъ учредилъ Царя
 «Въ исходъ отъ тяжкихъ бѣдъ; что Царь, лишь Имъ
судимый,
 «И зреть лишь на Него, народу судъ твора —
 «Ту вѣру далъ имъ я — самъ Божья откровенья
 «О ней исполняся въ дни слезъ и сокрушенья...
 «И сей священный огонь донныѣ не угасъ:

«Навѣки духомъ Русь съ царемъ своимъ слилась!
«Да! — царство ваше — трудъ свершенный Иоанномъ,
«Трудъ выстраданный имъ въ бореньи неустанномъ.
«И памятайте вы: все то, что строилъ онъ, —
«Онъ строилъ на вѣка! Гдѣ — взвелъ до половины,
«Гдѣ — указалъ пути... и трудъ былъ довершенъ
«Ужъ подвигомъ Петра, умомъ Екатерины,
«И вашимъ вѣкомъ...

Да! мой день еще прійдетъ!

«Услышится, какъ взвыль испуганный народъ,
«Когда возвѣщена Царя была кончина, —
«И сей народный вой надъ гробомъ властелина,
«Я вѣрую — въ вѣкахъ вотще не пропадетъ,
«И будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ шипъ подземный
«Боярской клеветы и злобы иноземной...»

1887.

IV.

СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНИЕ О ЦАРЕВНѢ
СОФЬѢ АЛЕКСѢВНѢ.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!

«Гдѣ ужъ вамъ, Преображенцы
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Памъ перечить, старикамъ!

«Съ слободой своею Нѣмецкой,
«Да съ своимъ царемъ Петромъ,
«Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
«Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

«Всѣхъ — и самую царевну...»
Нѣтъ, ужь тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!

«Даромъ, что родилась дѣвкой —
Да иной разъ такъ пройметь
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

«Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умерь, право бѣ, за-едино,
Если бѣ молвила: умри!..

«Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскіи Кремль мы на соборѣ —

«Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

«Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...

«Не сказали бѣ, такъ узнала бѣ
Вся Москва ихъ! старики!
Не на-отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

«Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;

«Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужь не толстые, хмѣльные
Никоньянскіе попы!..

«Умилился людъ московскій,
Повалилъ за ними, претъ,
И на площади Кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.

«А ужь тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждуть: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

«Старцы свѣчи возжигали,
И евангелъ съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

«Благовѣрная царевна!
«Солнце Русскія земли!
«Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
«Государыня! вели,

«Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
«Съ патріархомъ о дѣлахъ
«По церковному строенью
«И о Никоновыхъ лжахъ!

«Процвѣтала церковь наша,
«Аки райскій кринъ, полна
«Благодати, яко чаша
«Пресладчайшаго вина!

«Утверждалася на книгахъ,
«Ихъ же имемъ отъ мужей,
«Проводившихъ жизнь въ веригахъ
«И въ умертвіи страстей;

«Ихъ же чтеніемъ спасались
«Благовѣрные цари,
«И цвѣли, и украшались
«По Руси монастыри;

«Но реченный Никонъ волкомъ
«Вторгся въ оный вертоградъ,
«И своимъ безумнымъ толкомъ
«Ниспровергъ церковный ладъ!

«Аки римская блудница
«На драконѣ возсѣдя,
«Рекъ! «вѣсть Бога! (кровопійца!)
«—Азь есмь Богъ, и вся моя!»

«И святыя книги рушилъ»...
Ну, — и началъ все мутить...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить, —

«Да куда!.. изъ-за владыки,
Ну, выскакивать попы...
Брань пошла, мятежь и крики!
На дворъ — ревуть толпы,

«Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужь бѣдняжки! — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клубуки,

«Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

«Ждетъ царевна не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.

«Замутили царствомъ бабы»,
Голосять кругомъ, — ахти!
«Государынямъ пора бы
«Въ монастырь давно идти!»

«Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшия, царевна
Удалилась въ свой покой.

«Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ, —
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

«Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково-любовно
Обратила къ намъ лицо...

«Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то — низко, низко,
Вязъ изъ крупныхъ жемчуговъ...

«Если мы вамъ неуютны»,
Говорить — «весь царскій домъ,
«Мы объявимъ всенародно,
«Что изъ царства вонъ уйдемъ?»

«У Волоховъ иль Цесарцевъ, —
«Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
«Вы смѣняли насъ на старцевъ,
«Давнихъ святелей смуть, —

«Пусть на нихъ падеть и царство!
«Но въ вину не ставьте намъ
«Коль сосѣди государство
«Все растащутъ по клочкамъ.

«Коль Поляки съ ханомъ крымскимъ
«Русь подблѣять межъ собой:
«Поклоняйтесь папамъ римскимъ
«Басурманьтесь съ Татарвой!

«Мы въ церквахъ положимъ вклады,
«И поклонимся мощамъ,
«Да и съ Богомъ!..» Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ.

«Что ты, матушка, какое
«Слово молвишь», говоримъ; —
«Слово — самое пустое!
«Нешто мы того хотимъ!

«Знаемъ мы: безъ государей
«Каковы дѣла пойдутъ!
«Заѣдятъ народъ бояре
«Да въ латинство поведутъ!»

«Все тѣ старцы-лиходѣи!
«Чтобы пусто было имъ!
«Нешто мы архіереи?
«Что мы въ книгахъ разглядимъ?

«Ты ужь смилуйся, пожалуй,
«Хоть жалѣючи Земли!..
«А за грубость — насъ до малу
«Жестокò казнить вели!»

«Ждемъ: что скажетъ?.. И сказала:
— «Встаньте! вѣрныхъ Россіянъ
«Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
«Бойся жь насъ ты, крымскій ханъ!..

«Пирь готовъ, а въ гости будемъ!..»
Мы — «ура!» на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
«Выйти, — крикнула, — впередъ!

«И велить дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣнемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

«А кого боярскимъ саномъ, —
«А для прочихъ молодцовъ»,
Говорить: «три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!...»

«И была жь гульба въ столицѣ!
Будеть помнить царскій градъ!..
Чернецы жь сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

«Такъ-то вѣру отстояли,
«Вы, стрѣлецкіе полки!
«Прогуляли, промѣняли
«На царевы кабаки!»

«Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? хороша?
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть, совсѣмъ душа!»

1867.

V.

КТО ОНЪ.

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ

Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Чолнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотреть.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!»—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!

Времена ужь не такія...
Жди, да у моря седи.

«Вамъ вѣдь все ничто боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То жь что бабѣ веретѣна,
Али конь для сѣдока.

«Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Ниче пахнетъ табачищемъ...
Ходить въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь ---
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

«Да, ужь стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ».

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;

Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходить,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

— «Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладугу ступай,
Да закинуть сътъ на счастье
На Петрово попытай». —

«На Петрово! эго слово
Молвилъ! — думаетъ рыбакъ —
Съ топоромъ гляди какъ ловоць...
А по рѣчи... Какъ же такъ?»...

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку.
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

1868.

VI.

СКАЗАНИЕ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

въ преданіяхъ Сѣвернаго края.

Когда насъ еще на свѣтѣ нѣ было,
Да и дѣды дѣдовъ нашихъ еще нѣ жили,
И людей на свѣтѣ была малость мальская,
Цари въ ту пору земли себѣ дѣлили;
Въ ту ли пору былò стародавнюю,
Наше мѣсто было не завѣдомо
Никакимъ царемъ, ни бояриномъ;
Ни лихимъ челоуѣкомъ удалымъ;
А въ лѣсу-то звѣря разводилося

*) Разсказъ этотъ представленъ здѣсь почти безъ измѣненій, какъ онъ записанъ Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ и напечатанъ между многихъ другихъ, въ «Песѣдѣ», подъ общимъ названіемъ «Петръ Великій въ преданіяхъ Сѣвернаго края». Онъ записанъ собирателемъ со словъ рассказчика прозой; но и въ этой прозѣ сами собой сквозятъ стихи; я пытался только возстановить ихъ, почти нигдѣ ничего не прибавляя отъ себя. Петръ, повелѣвающій стихами — это такой колоссальный образъ Великаго Государя, а описаніе бури и потопленія швейскихъ лодокъ — такая живая, сжатая и вѣрная природѣ картина, что было бы жаль, если бы эти красоты народнаго творчества прошли незамѣтно въ исторіи нашей поэзіи.

Что ни кустъ — лисица со куницею,
Что ни пень — медвѣдь со волчищемъ;
А и рыбы въ рѣкахъ наплодилось,
Хоть рукой имай, аль корцомъ черпай.

Полюбилось наше мѣсто вольное,
Полюбилось оно Царю Свейскому;
Запримѣтилъ тоже Пѣтра, русскій Царь,
Что ручьи у насъ глубокіе,
Рѣки долгія, широкія,
А морямъ — и нѣтъ конца!
Снарядился самъ на поиски
На своей ли лодкѣ изукрашенной,
Серебромъ ли пораскладенной,
Золотымъ рулемъ приправленной,
Самъ съ бояры и вельможами.
Царь же Свейскій заспѣсивѣлся,
Не поѣхалъ самъ, послалъ начальниковъ
Во полонъ забрать всю воду съ рыбою,
И лѣса со звѣремъ всякімъ,
Чтобъ владѣти ему по вѣки.

Какъ по морю, морю Ладожску
Ѣдетъ — катитъ Пѣтра-царь на поиски;
Самъ сидитъ въ кормѣ на лодочкѣ,

Золотымъ рулемъ поворачиваетъ,—
Анъ на встрѣчу супостатъ ему,
Въ лодкахъ писанныхъ, узорчатыхъ,
Съ шелковой покрывкой алою.

Не ясенъ-соколъ налеталъ на лебедь бѣлую,
И не лебедь смутилъ воду синюю:
То летать, воду рябять — лодки свейскія,
На цареву лодку крѣпкую;
Съ шумомъ, свистомъ прорываючись,
Въ мелкій черень искрошить хотять.

Не стерпѣлъ тутъ Пѣтра, понасупися,
Очи ясныя поразсвѣтились,
И руманецъ сталъ во всю щеку —
Да какъ крикнетъ онъ вельможамъ-боярамъ:
«Поубавимъ спѣси Царю Свейскому!
«Силой что ль сгубить его начальниковъ?
«Аль пустить съ бѣлымъ-валомъ пучинистымъ?»
И промолвила вельможи-бояры:
«Не по чѣмъ намъ, Царь, грѣха брать на душу,
«Души грѣшныя ихъ, некрещенныя,
«Все же души человѣческія —
«Пусть умрутъ отъ вѣтра — сивера,
«Отъ валовъ умрутъ разсыпчатыхъ!»

Какъ промолвили вельможи-бояры,
Отъ ремня, съ груди, отвязываль,
Царь взялъ въ руки золотой рожокъ,
Протрубилъ на всѣ четыре стороны...
Разносился голосъ по темнымъ водамъ --
Становилася вдругъ темень Божія,
Собирались вѣтры въ тучу густую,
Расходились воды яряя:
Валь вальъ встаетъ, подталкиваетъ,
Вѣтры гребни имъ подтягиваютъ;
Налетѣлъ вѣтеръ на лодки свейскія,
Посрываетъ покровы алые,
Побросалъ далеко пò морю;
Нагнала тутъ ихъ вода яряя:
Валь живой горой идетъ-тянется,
Бѣлымъ гребнемъ отливается;
Подошелъ тутъ первый валь: онъ приподнялъ,
Стоймя приподнялъ онъ лодки свейскія;
Налетѣлъ второй валь: принакренилъ ихъ;
А и третій: онъ ужъ тутъ какъ тутъ,
Захлестнулъ навѣтъ начальниковъ...
Разступилась вода на-двое,
Ушли камнемъ въ топь глубокую
Души грѣшныя, некрещеныя..

VII.

ЛОМОНОСОВЪ.

Въ печали невская столица;
Въ церквахъ унылый перезвонъ;
Всѣ въ черномъ: царскій домъ, царица,
Синодъ, сенатъ. Со всѣхъ сторонъ

Чины отъ арміи и флота
Слѣшать въ соборъ; войска, народъ,
Во всѣхъ — испугъ, у всѣхъ забота:
Великій въ мірѣ недочетъ!

Иерей, — смотря на ликъ безмолвный,
Но и во гробѣ, какъ живой,
Несокрушимой мысли полный, ---
Отъ слезъ не властенъ надъ собой.

«О чемъ мы плачемъ? что мы стонемъ?
Что, Россіяне, мы творимъ?
Петра Великаго хоронимъ!
И что хоронимъ въ Немъ и съ Нимъ...»

«Вѣдь въ бытіе Онъ насъ, Великій,
Воздвигъ изъ тьмы небытія!..»
И вопли безъ конца и клики:
«Теперь что жъ будетъ — безъ Тебя!»

Въ честь Императора раздался
Послѣдній пушечный салютъ. —
Свершилось, — но въ сердцахъ остался
Вопросъ: чему же быть?.. Всѣ ждуть...

* * *

Какъ будто послѣ бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслію могучей
Какъ молніей избраждена.

Вездѣ глубокія основы
И жизни новые пути —
И — вѣтъ Вождя! и мракъ суровый,
И неизвѣстность впереди!

Одинъ Онъ — кормчій былъ, который
Куда вести корабль свой зналъ,
Одинъ увѣренные взоры
Вдаль, въ безпредѣльность устремлялъ —

Отъ Зундскихъ водъ до Гималая,
Съ Невы — на Тихій океанъ...
Иль это все — мечта пустая,
И честолюбія обманъ?

И все, что насаждалъ Онъ — сгинеть?
Труды, ученье, кровь и потъ —
Пройдутъ вотще, и слава минеть,
И въ прежній мракъ все отойдетъ?

А главари межъ тѣмъ престоломъ
Уже играть пошли, служба
Своимъ лишь видамъ и крамоламъ,
И царскимъ дѣломъ небрежа!..

Лишь пришлецы, которыхъ знанье
Царь покупалъ «на сѣмена»,
Торжествовали въ упованьѣ,
Что ихъ отнынѣ вся страна!

И, пробираясь ловко къ цѣли,
Они надъ Русскою землею
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной;

И средь смятенія и страха,
Средь казней, пытокъ и опаль,
Ужь руку къ барѣмамъ Мономаха
Курляндскій конюхъ простиралъ.

* * *

Но не вотще отъ Бога геній
Ниспосылается въ народъ.
Опять къ нему своихъ вельнѣй
Истолкователя Онъ шлетъ.

Въ странѣ угрюмой и суровой,
Гдѣ, отливаясь на свѣгахъ,
По долгимъ зимамъ блескъ багровый
Колышется на небесахъ;

Гдѣ горы льдовъ вздымають волны,
Гдѣ все — льсовъ и неба ширь, —
Величьемъ дѣль Господнихъ полны,
Встаетъ избранный богатырь:

Великъ, могучъ какъ та природа
Самъ — какъ одно изъ тѣхъ чудесъ, —
Встаетъ для русскаго народа
Желаннымъ посланцемъ съ небесъ...

О, дивный мужъ!.. Съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глѣдѣлъ
На ономъ морѣ Ледовитомъ
На чудеса Господнихъ дѣлъ, —

Наукою осіянь и рвениемъ
Къ величью родины горя,
Явился ты — осуществленьемъ
Мечты Великаго Царя!

Твоею ревностью согрѣтый,
Очнулся русскій духъ съ тобой:
Ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы
Былъ животворною душой,

Ты далъ пѣвца Екатеринѣ,
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ!..

1865, 1882.

VIII.

МЕНУЭТЪ.

(Разсказъ стараго бригадира).

Да-съ, видалъ я менуэтець —
Ого-го-го!.. посланъ былъ
Въ Петербургъ я разъ — пакетець
Къ Государынѣ возиль....

Ну — дворець — само собою
Ужь Армидины сады!
И гирляндю цвѣтною
Колыхаются ряды.

Только спросишь: въ этой парѣ
Кто, скажите? — Назовутъ —
И стоишь ты какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ

Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами палятъ,
И отъ брандеровъ подъ тучи
Флоты цѣлые летятъ!

Спросишь, напримѣръ, — кто это?
«Графъ Орловъ-Чесменскій». — Онь?...
Ну-съ, а тамъ? — «Суворовъ». Свѣта
Преставленья! чисто сонъ!

А съ Самой — позвольте — кто же?
— «Князь Таврическій» — горить
Въ брилліантахъ весь и — Боже!
Что за поступь! что за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающіе міръ,
Всѣ, въ урочный часъ, здѣсь, дома
Собираются на пиръ.

И вступая въ домъ къ царицѣ,
Волшебствомъ кажимъ-то, тутъ
Вдругъ изящной вереницей
Кавалеровъ предстаютъ,

74

STILES COMPANY

LEWIS HAS RECEIVED THE
A SEA KING HAS BEEN
OCEAN—THE SEAS—PACIFIC
H BARRA HAS BEEN VISITED

1875

~~~~~

IX.

СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДѢ.

Вѣтеръ гонить отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынь...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью.
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнуть,
То скользять, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;

Свѣгъ заносить трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Поведителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замысель!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ приѣмномъ залѣ—
Не за долго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ, гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, всплывши, Императоръ—
«Князь, вы видите»—воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
«Не дерзаетъ поперечить:
«Императоръ вашъ—на что же
«Онъ надѣется—на что же?»

«Государь!» въ отвѣтъ посланникъ,
«Взять въ расчетъ вы позабыли,
«Что за Русскимъ государемъ
«Русскій весь стоитъ народъ!»

Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...

И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...

Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира вѣтъ!.. и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ миліоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значить—
«Весь народъ!..»

И безнадежно

Вдаль онъ взоры устремляеть:
Что-то грозное таятся
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

1876.

X.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ.

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ).

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзь, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ изступленной:
«Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

«Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

«Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутить ужь хлопъ забитый
Пановъ веселыхъ торжества!..»

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ—гниль е ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашенинной ризѣ попъ!

Но духомъ церкви первобытной
Все дышать въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродить ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ;

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно—
Чтобъ вспомнилъ ихъ и Русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ,
Въ убогомъ нищемъ—чтитъ Христа...

1863.

XI.

КНЯЗЮ ДРУЦКОМУ-ЛЮБЕЦКОМУ.

Литовскихъ смуть печальныя картины,
Исторія, въ скрижалъ свою внося,
Давно ждала, чтобъ въ этотъ мракъ—единный
Правдивый лучъ сознанья пролился.
Давно ждала, что вотъ на сеймѣ шумномъ,
Тамъ, гдѣ-нибудь, на берегахъ Днѣпра,
Какъ свѣтлый вождь предъ сонмищемъ безумнымъ,
Подыметя мужъ правды и добра,
И скажетъ онъ: «Высокое собранье!
«Чины Литвы и Руси! полно вамъ
«Метаться вѣкъ безъ цѣли и призванья,
«Какъ съ дерева оборваннымъ листамъ!
«Очнемтеся, проснемся, вспомнимъ—кто мы?
«Гдѣ начались, откуда истекли
«Дворянскіе и княжескіе дома,
«Которыхъ гербъ и честь къ намъ перешли?»

«Увы! къ кому ни протяну я руки,
«И на кого очей ни вскину я—
«Все Рюрика, все Гедимина внуки,
«Литовскіе и русскіе князья!
«Владимира потомки, Ярослава,
«Потомки тѣхъ князей и ихъ дружинъ,
«Отъ конхъ Руси зачалася слава,
«И понеслась на Бельтъ и на Эвксинь!
«Какими же свершилося судьбами,
«Что стыдно намъ назваться ихъ дѣтьми,
«И стали мы всему тому врагами,
«За чтò они ложилися костыми?..
«Но горшее въ печальной нашей долѣ —
«То, что она смѣшнѣй все каждый часъ...
«По чьей все то содѣялося волѣ?
«И русскій духъ чтò извратило въ насъ?..

«Смѣшно сказать!.. Тутъ Польша замѣшалась!
«Оно бѣ ни штò литовско-польскій бракъ —
«Да пани-то ксендзами вдохновлялась,
«И мужа — хлопъ сейчасъ же подѣ башмакъ!
«Была она, хотя и богомольна,
«Но демонски въ мазуркѣ хороша!
«Такъ хороша, что вздумать даже больно,

«Что между тѣмъ, какъ вся ея душа
«Горить огнемъ, и станъ крутится гибкій,
«Чело впередъ, и каблучекъ стучить —
«Мазурку-то, смѣяся безъ улыбки,
«Наигрывалъ ей римскій езуитъ!
«Мы понеслись, прельстившись шумнымъ танцемъ,
«И какъ, ужъ самъ не вѣдая того,
«Вдругъ русскій князь врагомъ и иностранцемъ
«Сталъ посреди народа своего!..

«Межъ тѣмъ отъ бурь татарскаго погрома
«Очнулася и поднялася Москва,
«Гдѣ вся-то Русь была уже какъ дома —
«Подоль, Волынь, и Галичъ, и Литва —
«Да, да, Литва — съ своей Еленой Глинской
«И тысячами искавшихъ крова тамъ
«Отъ папѣжства и униі латинской,
«Чтобъ дѣдовскимъ быть вѣрну алтарямъ!
«Народъ къ Москвѣ примкнулъ, не думавъ дольше,
«А мы, князья, вождей его синклить,
«Все носимся въ мазуркѣ, что для Польши
«Безъ устали играетъ езуитъ,
«И скрипкою ведетъ своей бѣсовской
«Все дальше насъ и отъ семьи Славянъ,

«И отъ родныхъ святынь земли отцовской,
«Къ исконнымъ ихъ врагамъ, изъ стана въ станъ!..
«О, нѣтъ, бѣги кто хочеть за вампиромъ!
«Какъ коренной, природный русскій князь,
«Я съ предками теперь, предъ цѣлымъ міромъ,
«Возобновляю порванную связь;
«Всѣ съ Польшею и Римомъ узы рѣшу;
«Какъ блудный сынъ, вернувшись въ отчій домъ,
«Съ народомъ жить хочу въ едину душу,
«И быть своимъ въ краю своемъ родномъ!..»

То слово, князь, такъ поздно, только нынѣ,
Изъ устъ твоихъ по Руси разнеслось...
О, дай-то Богъ, чтобы не какъ въ пустынѣ
Оно въ сердцахъ заблудшихъ раздалось!
Да сгинетъ рознь въ семьѣ едиnorodной,
И дружно Русь, свободна и свѣтла,
Пойдетъ свершать свой подвигъ всенародно.
Подъ знаменемъ двуглаваго орла!

XII.

М. Н. КАТКОВУ.

1.

Мы — Москвичи! что дѣлать, милый другъ!
Кинь насъ судьба на сѣверъ иль на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ — Москва и Кремль золотоглавый;
Въ насъ заповѣдь великая жива,
И вѣра въ насъ досель не извелася,
На конхъ древле создалася Москва,
И чрезъ нее — Россія создалася.
Тамъ у гробовъ іерарховъ и царей,
Намѣтившихъ великія ей цѣли,
Онѣ видѣй, и ты поймешь яснѣй,
Куда идти, — и какъ мы шли доселѣ,
И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,

Родной Москвы звучало увѣщанье.
Храни жь его, отцовъ завѣтъ святой,
Какъ Ермогенъ въ цѣняхъ, въ тюрьмѣ сырой, —
И въ жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всякъ умысль лихой,
Всякъ вражій ковь и всякъ соблазнъ лукавый.

1867.

2.

«Что можетъ міру дать Востокъ?
«Голышъ, — а о насущномъ хлѣбѣ
«Съ презрѣньемъ умствуетъ пророкъ
«Душой витающій на небѣ!..»
Такъ гордый Римлянинъ судилъ
И — палъ предъ рубищемъ Мессіи...
Не то же ль искони твердилъ
И гордый Западъ, о Россіи?..
Она же вѣруетъ, что нѣсть
Спасенья въ пурпурѣ и златѣ,
А въ тѣхъ немногихъ, въ коихъ есть
Еще остатокъ благодати...

• 1887.

XIII.

Ө. И. ТЮТЧЕВУ.

Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы
Стоять передъ тобой своей идеи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты...

Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ,

И тайные грядущаго обѣты...

Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ,
«*Поймите лишь* — твердить — и будетъ вамъ прозрѣнье!
«*Поймите лишь* какихъ носители вы силъ, —
И путь освѣтится, и всѣ падутъ сомнѣнья,
И дастся вамъ само, что жребій намъ судиль!»

XIV.

КАЗАКЪ.

(Дѣтямъ —мъ).

Самобытное созданье
Русской вольной старины,
Земли, царства покорявшій
За царя родной страны,

Ты откуда путь свой держишь:
Пролетѣлъ, припавъ къ лукѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ,
На степномъ своемъ конькѣ?

Отъ студеной ли Торнеи,
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ поглядываль ты зорко,
Какъ ведетъ себя тамъ шведъ?

Иль отъ Нѣмана и Вислы,—
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?

Иль отъ Чернаго ты моря
Гдѣ, развѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ не разъ ты жадно,
Черезъ море, на Царьградъ?

Отъ Востока ль, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника взирали
Воли Бѣлаго Царя,

Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ просить край?
Что съ казацкаго пикета
Быль ужь виденъ Гималай?

Иль ужь годы отслужилъ ты,
И на родину твой путь?..
То-то встрѣча будетъ, спросы,
Не дадутъ и отдохнуть!

Тамъ въ кругу своихъ заседашь,
Въ долгу ночь у огонька,
Какъ и пращуръ твой, быть можетъ,
Другъ-сподвижникъ Ермака:

Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой,
Новизнами не смущень,
Вѣдь какимъ ушелъ ты съ Дона,
И прійдешь на тихій Донъ!

И тебя, тѣсняся, будутъ
Слушать дѣтки до зари,
И потомъ такіе жъ выйдутъ
Какъ и ты — богатыри!

1869.

Свѣчь предъ иконами тускнеть сіянье — и крики и
 стоны —
 Здѣсь и извнѣ — все слилось съ возрастающимъ грохотомъ
 пушекъ...
 Но «ворвались! ворвались!.. Императоръ убить!» отдается
 Въ пушечномъ гулѣ однимъ потрясающимъ зданіе визгомъ!
 Кровью облитые войны въ храмъ отступаютъ сражаясь:
 «Двери закладывать! Турки за нами!..» Захлопнулись
 двери.
 Въ двери тараны стучать: вся толпа на мгновенье
 стихаетъ,
 Всѣ къ алтарю воздѣваютъ съ молитвеннымъ возгласомъ
 руки —
 Тамъ же — идетъ литургія: діаконъ, іерей сѣдовласый
 Съ чашей выходитъ народъ причастить Святыхъ Тайнъ...
 Мгновенье —
 Рухнули двери — и въ бѣлыхъ чалмахъ янычары — ужь
 всюду —
 Рубятъ направо, налѣво, на хорахъ — и валятся трупы
 Съ хоръ, съ галерей, сюда внизъ, въ эту общую свалку...
 и горы
 Труповъ растутъ... «Сторонись! убирайте тѣла! очищайте
 дорогу —
 Самъ падишахъ!» возглашаетъ проворно вбѣгающій евнухъ:
 Спѣшно швыряютъ тѣла къ сторонамъ, очищая средину;

Мертвыхъ, живыхъ, умирающихъ вдругъ двѣ стѣны
 взгромозились —
 И на конѣ онъ въѣзжаетъ — и — радостный взоръ
 устремивши подъ куполь —
 Мечъ обнаженный въ рукѣ, а въ другой Магометово
 знамя —
 «Слава Аллаху!» гласить, пораженный величіемъ храма...
 Старецъ-іерей между тѣмъ, продолжая служенье, подьмлетъ
 Съ пѣньемъ Святыя Дары — и идетъ — и предъ нимъ
 вдругъ разверзлась
 Арка въ алтарной стѣнѣ — и вошелъ онъ — и арка
 замкнулась...

Вотъ что мнѣ видѣлось въ Айя-Софіи... И правдой
 казалось
 Дней тѣхъ преданье: въ тотъ мигъ какъ уже разрушенье
 свершилось
 Въ храмѣ послѣднихъ святынь, и иконъ, и крестовъ, и
 покрылись
 Известью љики святыя на золотѣ стѣнной мусіи, —
 Въ оную ночь въ окна купола, вдругъ, освѣтивши весь
 городъ,
 Свѣтъ необычный изшелъ, и раскрылося небо — и тихо
 Свѣтъ сей пріявши, закрылось опять — и сей свѣтъ
 былъ — Господня

Храму сему благодать, отошедшая наки на небо...
И по ся дни стоять голая стѣны — чертогъ опустѣлый,
Гдѣ, за отбытемъ владыки, вселилися пришлые люди.
Гдѣ же владыка?.. Искаль я глазами — гдѣ арка, въ
которой
Скрылся съ дарами іерей, — и когда же разверзнется,
ждалъ я,
И — какъ предсказано было — онъ выйдетъ опять съ той
же Чашей,
Прерванный чинъ литургіи окончить, при возгласахъ
славы,
Свѣтлый воскресный канонъ воспѣвая... и извѣсть
исчезнеть,
И — уже тонко сквозящійся нынѣ — Спасителя обликъ
Купно со всѣми Святыми опять просіяетъ на златѣ
Вкругъ загорѣвшейя снова мусіи...

Константинополь, 1888.

XVI.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

«По мѣстамъ! по мѣстамъ!» грозный окликъ идетъ...

Поднялся старый нашъ воевода,
Поднялся и надъ Русью летить и зоветь,
И всѣ чуютъ — идетъ, знать, невзгода!

«По мѣстамъ! по мѣстамъ!» воевода зоветь —
«Всякъ радѣй Государеву дѣлу —
«Вѣру твердо держи, совѣсть чисту и бѣлу,
«Ибо часъ настаеть, настаеть!..

«Врагъ могучъ и хитерь: по мѣстамъ, по мѣстамъ!
«И на сторожѣ око и ухо:
«Бой повсюду поидеть, по землѣ, по морямъ,
«И въ невидимой области духа».

1870.

XVII.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДА.

I.

Опять гореть Восток! Опять и кровь, и стонь,
Спаленная земля, костыль, смерть, проклятья!
Опять — блуждающих в горах детей и женъ
Къ братьямъ о Христѣ молитвы обаянья!

Европа на сей разъ взимаетъ хухъ махъбана...
Но взоры нухъ слѣдятъ за дальнею Россіей.
Тамъ — Царь-показанникъ! страсти Востокъ — тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византией...

И знать это Русь... и дельтъ свой приваля —
И быть онъ для нея, что свѣтъ для морехода:
И мысль великая въ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа...

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
 Еще отсрочилъ день... Настала ли година?
 Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
 Не суждено ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?

2.

КЪ КАРТИНЪ АЙВАЗОВСКАГО.

Воздушный этотъ крестъ — ты понялъ — онъ всегда
 Съ таинственныхъ высотъ всегда сіялъ надъ нами!..

Онъ шель предъ нашими полками,
 Какъ Вилеемская звѣзда

Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
 Что первые привѣтствовать пришли
 Благоую вѣсть любви и мира на земли...

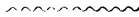
Онъ велъ насъ за Дунай, въ трудахъ во дни и ночи,
 На высоты Балканъ, гоня предъ нами тьму...
 И падшихъ, съ поля битвъ, тускнѣющія очи
 Съ послѣднею мольбой стремилися къ нему...

Сіялъ онъ — надъ простымъ, походнымъ лазаретомъ,
 Въ сердца тѣхъ чудныхъ женъ, что бросивъ домъ и кровь,

И нѣгу и покой, — простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудѣ — святѣйшемъ изъ трудовъ...

Онъ — вождь нашъ искони; и имъ лишь предводима,
И чувствуя его сіянье надъ собой,
Какъ Божье воинство, съ безтрепетной душой,
Русь отъ начала лѣтъ поднесь непобѣдима.

Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ — смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христось!

Мы сильны — лишь борясь съ ложью,
Въ дѣяньи чужа правду Божью,
Христа миротворящій духъ.
И полонъ имъ, Царь молвить слово:
«Да разрѣшатся узы!» — вдругъ
Спадають узы. Молвить снова:
«Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христѣ...»
И Русь идетъ, и какъ вожатый
Ей все предносится Распятый,
Насъ искупившій на крестѣ.

Ты, Государь, съ Твоимъ народомъ
Одна душа! Господь продли
Твой вѣкъ земной, да съ каждымъ годомъ
Крѣпчаетъ мощь родной земли!
Да просвѣтлится въ сознаньи
И въ заблудившихся умахъ
То, что святится какъ преданье,
Какъ долгъ, какъ Божье указанье
По всей Руси, во всѣхъ сердцахъ!

~~~~~

XIX.

КАНТАТА,

исполнявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія
на Царство

Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича.

Съ мала ключика студѣна потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстиляется:
Злы татары, валъ за валомъ, по Руси валяютъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонять полонны...

Полонянички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
«Изъ которой веси ты, какого города?»
«Я изъ Кіева — изъ Чернигова —

Я изъ Суздаля — изъ Владиміра —
Ты прости навѣкъ, миль родимый градъ!»

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни мянь кругомъ — темна ночь лежить,
Темна ночь лежить, непроглядная...

* * *

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;

То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;

Зажигаль ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...

Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;

Ободрился,
На нее глядятъ,
Богу молятся...

А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;

А Московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ...

Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

* * *

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,

Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотныя церковей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

* * *

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ полѣ чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему бѣ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалиться...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
«Одоложи насъ силы темныя!
Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,

Наши царства всё ниспровергнуты,
Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что звѣзда возшла Виолеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь —
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ.
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ жъ твоей се пророчество:
«Пали два Рима — третій стоитъ, —
А четвертому не быть».

* * *

Мнѣ ли, Господи,
Мнѣ ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостойнъ есмь
Твоя любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь

Силу крѣпкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я какъ вѣрный рабъ
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

* * *

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую — не себѣ одной,
А что есть людей межъ пяти морей,
Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
Правды Божеской только ищучи
И за ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ какъ сія любовь...
Ради славы той потрудилися

Всѣ Цари ея благовѣрные
 И всѣ предки Твои, Царь Возлюбленный,
 Днесъ на царствіе намъ помазанный,
 Добродѣтелями изукрашенный,
 Божьей милостью намъ дарованный,

И гряди жь въ ихъ путь, Православный Царь!
 И великимъ Твоимъ Царскимъ дѣланьемъ
 И смиреньемъ Твоимъ передъ Господомъ,
 О Тебѣ сердца Твоихъ подданныхъ
 Да возрадуются!
 И пройдетъ Твоя далеко по людяхъ
 Слава!

Слава Богу на небѣ, слава!
 Государю Нашему на сей землѣ — слава!
 Государынѣ Супругѣ Его --- слава!
 Государю Наслѣднику Его -- слава!
 Всему Царскому Дому Его - - слава!
 И всему народу Его — слава!
 Его вѣрнымъ слугамъ — слава!
 Именитымъ гостямъ Его — слава!

Чтобы правда была на Руси
Крaше солнца свѣтла — слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ — слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье — слава!
Слава во вѣки вѣковъ — слава!

1888.

XX.

Въ день Въвнчанія на Царство
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Государя Императора Александра Александровича.

Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву...
Солнцемъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянь...
Голубъ влетѣвшій въ окошко въ соборъ,
Плавно надъ НИМЪ, на престолѣ стоящимъ, кружить...
Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ:
Радуга — гнѣву ль Господню конецъ?
Солнце — Божественный свѣтъ озаряющій путь?
Голубъ — Святаго и Животворящаго Духа покровъ?
Это ль преддверье грядущаго вѣка для насъ?

XXI.

НА СОБЫТІЕ 17-го ОКТЯБРЯ.

Не намъ—что наше вдохновенье!
 Не намъ тутъ говорить, не намъ!
 Что значить пташки малой пѣнье,
 Небеснымъ вторящей громамъ!

Тутъ—ураганы! Тутъ—стихиі!
 Тутъ подняты, тутъ взмущены
 Сердцецъ народныхъ всей Россіи
 Заповѣдныя глубины!

Предъ ней, предъ всею стомиліонной,—
 Одно изъ Божіихъ чудесъ:
 Стремится, славой окруженный,
 Сонмъ Божіихъ ангеловъ съ небесъ,

И, средь крушенья массъ желѣзныхъ,
 Хранить Царя, Его Семью;
 И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
 Простеръ надъ Ними длань Свою...

И зрима—отъ хладной Полуночи
 До Гималая образъ сей,
 И упиваются имъ очи,
 И слезы льются изъ очей...

1888.

Къ портрету Государя Императора
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что, Царь Онъ, вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля;
Ихъ громко высказалъ; и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколь ударилъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстять,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И какъ, живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутя долъ и лѣсъ,
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ;
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованной броней, закрѣплено сознаньемъ.

XXII.

НА СПАСЕНИЕ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА
ВЪ ЯПОНІИ.

Царственный Юноша, дважды спасенный!
Явленъ двукраты Руси умиленной
Божія Промысла щить надъ Тобой!
Вихремъ промчалася вѣсть громовая,
Скрытое пламя въ сердцахъ подымая
Въ общемъ порывѣ къ молитвѣ святой.
Съ этой молитвой — всей Русской землей,
Всѣми сердцама Ты глубже усвоень...
Шествуй же въ путь свой и бодръ, и спокоень.
Чисть передъ Богомъ и свѣтель душой.

1891.

XXIII.

ЗАВѢТЬ СТАРИНЫ.

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ — древній храмъ —
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—

На амвонѣ жь, въ ѳиміамѣ
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говорить:

«Трудень въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли —
И, въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

«Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣды народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

«Чтобы ты была готова, —
Сердце чисто, духъ великъ, —
Стать на Судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

«Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силь духовныхъ полнотою,
Богоносица святая,
Миръ вела ты за собой

«Въ свѣтъ — къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты, —
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты»...

1880.

XXIV.

СУДЪ ПРЕДКОВЪ.

(Посв. К. К. Случевскому).

Pauvre feuille desséchée
De ta tige détachée,
Où vas-tu? Je n'en sais rien...
Je vais où le vent me mène...
Arnault.

«Попы увели народъ въ унию, попы и
назадъ приведуть... Такъ и наука...»
(Изъ одного разговора).

I.

Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.
Онъ причастился. Слабый свѣтъ
Лишь тонкихъ нѣсколькихъ лучей
Прорвался въ темный кабинетъ.

Предъ умирающимъ сидитъ
На креслахъ сынъ. Примчался съ водъ,
Отцомъ былъ выписанъ. Глядитъ
И думаетъ: «ну, что же?.. вотъ

«Два вѣка тутъ лицомъ къ лицу!
 Какая жь между ними связь?
 Давно душой я чуждъ отцу,
 Давно всѣмъ чуждъ мнѣ старый князь!

«Во Франціи — легитимистъ;
 Здѣсь — недовольный камергеръ,
 Спирить, ханжа и пѣтистъ
 И *bel'esprit à la* Вольтеръ;

«Какъ совмѣщалось это въ немъ —
 Богъ вѣсть!.. Но онъ себя считалъ
 Какой-то истины столпомъ,
 Какой — и самъ не понималъ!»

Въ то жь время думалъ старый князь:
 «Да, мы уходимъ!.. Да, огни
 Всѣ другъ за другомъ гаснуть!.. Грязь
 Встаеъ, идетъ... *tout est fini!*..

«И тотъ изящный, внѣшній блескъ,
 И грація, и умъ, и вкусъ,
 Et cet *esprit chevaleresque!*..
 Вотъ съ сыномъ даже расхожусь!

«Онъ — фантазеръ! стоялъ горой
За «эти мѣры» — дождался,
Да между небомъ и землей
Повисъ!.. и все не унялся —

«Опоры ищеть — да ихъ нѣтъ!»...
Но вдругъ старикъ раскрылъ глаза,
Какой-то новой мысли свѣтъ
Блеснулъ въ лицѣ — онъ поднялся

И — «Serge», промолвилъ: «обѣщай —
Положимъ ужъ капризь такой! —
Когда умру, приди, читай
Псалтырь ты въ церкви надо мной.

«Какъ рассказать тебѣ! Хоть ночь!
Вотъ видишь, я вѣдь тоже былъ...»
Но стало старику не въ мочь,
И онъ въ постель упалъ безъ силъ, —

Да и навѣки замолчалъ!
И черезъ мигъ въ дому, крестясь,
Въ испугѣ каждый повторялъ
(Хоть ждали всѣ): скончался князь!

II.

И вотъ въ сосѣднѣй монастырь
Свезенъ онъ съ должнымъ торжествомъ,
И сынъ идетъ читать Псалтырь
Въ старинной церкви надъ отцомъ.

Онъ пренебрегъ бы, можетъ быть,
Но поднялся кругомъ ужъ толкъ,
Да кто-то вздумалъ подтрунить —
Выходить: тутъ ужъ чести долгъ!

Въ загробный міръ, ни въ міръ чертей
Конечно ужъ не вѣрилъ онъ...
Но — мракъ, мерцаніе свѣчей,
И лики строгіе иконъ,

И храмъ весь полный старины,
Гдѣ все о предкахъ говорить,
Гдѣ всѣ они схоронены,
Гдѣ полъ изъ ихъ надгробныхъ плитъ,

Отецъ, вступающій въ ихъ кругъ
Теперь же, какъ пришлецъ домой —
И въ этомъ царствѣ мертвыхъ вдругъ
Одинъ лишь онъ стоитъ живой...

И князь внимательнѣй глядитъ
Во мракъ по нишамъ и угламъ...
Вонъ отъ хоругвей тѣнь дрожитъ
До самыхъ сводовъ по стѣнамъ...

Вонъ мѣсто княжеское, гдѣ
Подъ балдахиномъ, съ ихъ гербомъ,
Отъ предка, павшаго въ Ордѣ,
Преемственно, сынъ за отцомъ,

Стоялъ старѣйшій въ родѣ... былъ
Когда-то княжескій престолъ
На этомъ мѣстѣ... Князь открылъ
Псалтырь; псаломъ иль два прочелъ,

А мысль идетъ сама собой:
«Всей этой древности — князей
Когда-то спорившихъ съ Москвой,
Потомъ служившихъ вѣрно ей,

«Всѣхъ этихъ жизней — я итогъ!
Со всѣмъ народомъ, вся семья,
Всѣ жили, какъ велѣлъ имъ Богъ,
Росли какъ боръ сплошной... А я?

«Что я?.. Отпадшій листъ для нихъ...
А могъ ли не отпасть?.. Вопросъ!..
Теперь бы на землѣ такихъ
Отпадшихъ листьевъ набралось

«На добрый островъ! всѣхъ племень
И всѣхъ народовъ!.. Человѣкъ
Повсюду рвется изъ пеленъ,
Идемъ, куда ведетъ насъ вѣкъ...»

Читаетъ князь, а мысль опять:
«Но были жъ и у нихъ умы...
Съумѣли жъ изъ клочковъ создать
Они — имперію!.. А мы?..

«Что начинаемъ мы собой?..
Бѣдняжка, сорванный листокъ
Въ разлукѣ съ вѣткою родной
Куда летишь?..» и князь не могъ

Чтобъ не вдохнуть... невольно сталъ
Читать все тише... Вотъ пѣтухъ
Пропѣлъ въ деревнѣ... Князь усталъ,
Онъ опустился въ кресла. Вдругъ

Онъ слышитъ шорохъ, легкій шумъ —
Какъ бы пронесся вѣтерокъ —
Князь — этотъ здравый, бодрый умъ —
Взглянулъ — и ужъдохнуть не могъ...

Какъ будто на туманъ или дымъ
Фонарь волшебный наведенъ —
Полупрозрачные — предъ нимъ —
Толпа людей — мужей и женъ,

Дѣтей и старцевъ... Впереди
Въ камзолахъ шитыхъ, въ парикахъ,
Звѣзда и лента на груди,
А дамы съ мушкой на щекахъ...

За стариками въ парикахъ
Другіе были старики
Въ боярскихъ шапкахъ, въ бородахъ,
Видялись шлемы, клубуки...

Былъ на однихъ нарядъ свѣжій,
На комъ давно ужъ полинялъ,
Чѣмъ дальше — то тускнѣй, темнѣй,
И лишь металлъ одинъ сверкалъ...

И вотъ, противъ амвона, вдругъ
Всѣ разодвинулись — сидить
Подъ балдахиномъ витязь... Вкругъ
Какъ будто судій сонмъ стоитъ...

Свѣтъ прямо падаетъ на нихъ...
На витязя — вѣнецъ. Всѣ ждутъ...
Торжественное что-то... Мигъ —
И двое, видитъ князь, ведутъ

— Его отца!.. знакомый фракъ —
И камергерскій ключъ... Да! онъ!..
Что жъ это?.. Судятъ?.. Судятъ?.. Такъ!
Отецъ пониже, совсѣмъ смущень...

Судь предковъ — за душу свою
Отвѣтишь Богу, молъ, а намъ
Повѣдай, какъ служилъ царю,
Хулы не нажилъ ли отцамъ...

Никакъ читаютъ приговоръ?..
Старикъ шатнулся и закрылъ
Лицо руками... Къ сыну взоръ,
Къ нему, съ мольбою обратилъ,

Зоветь его, и князь спѣшить
На зовъ отца, вскочилъ... Но вмгъ
Исчезло все... въ гробу лежить,
Съвозясь чрезъ бисю, старикъ...

Пылаютъ свѣчи... мракъ кругомъ
Въ мерцаньи ихъ какъ бы дрожить...
Вотъ Спасъ въ окладѣ золотомъ
Въ возглавьи гроба... Князь глядитъ —

И — какъ случилось — по сей часъ
Не помнить онъ: сама тогда
Рука неволью поднялась,
И онъ — перекрестился!.. Да,

Перекрестился въ первый разъ
По многихъ лѣтахъ... «Это сонъ»,
Онъ повторялъ, но мысль неслась
Туда, въ ту глубину временъ,

Что вдругъ раскрылась передъ нимъ
Уже не мертвой пустотой,
А чѣмъ-то цѣлымъ и живымъ —
Какой-то силой роковой,

Которой все уже давно,
Что насъ волнуетъ и крушитъ,
Разрѣшено, умирено...
«Ахъ, сонъ все это!» князь твердить...

III.

Но сонъ иль нѣтъ — не въ томъ вопросъ;
А только послѣ похоронъ
Уѣхать тотчасъ не пришлось
Въ чужіе края князю. Онъ

Занялся склепомъ. Много въ немъ
Затѣялъ передѣлокъ. Крестъ
Велѣлъ позолотить. Потомъ
Опять замедлился отъѣздъ:

Сталъ очищать онъ старый домъ;
Открылъ, что это вѣдь музей!
Сокровища нашлись въ немъ
Вѣдь отъ временъ еще царей!

И кнпы грамотъ въ кладовыхъ,
И писемъ цѣлая гора!
Да вѣдь какія? между нихъ —
Екатерины и Петра!

Ну, какъ же ихъ не разобрать!
И принялся читать ихъ князь,
Межь ними связь возстановлять
Съ исторіей вводитъ ихъ въ связь...

Понадобилось книгъ — и годъ
За годомъ время въ вѣчность мчить,—
Одинъ, всѣ ночи напролетъ,
Зарывшись въ книги, онъ сидитъ

И пишетъ рода своего
Исторію... И чудно всѣмъ:
Совсѣмъ нельзя узнать его!
Другой сталъ человекъ совсѣмъ!

Россія стала для него
Святыней, избранной страной;
Ея началамъ торжество
Пророчить въ жизни міровой.

«Не могутъ-де ея понять;
Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! надо взять
Изъ Византіи — и поймутъ!..»

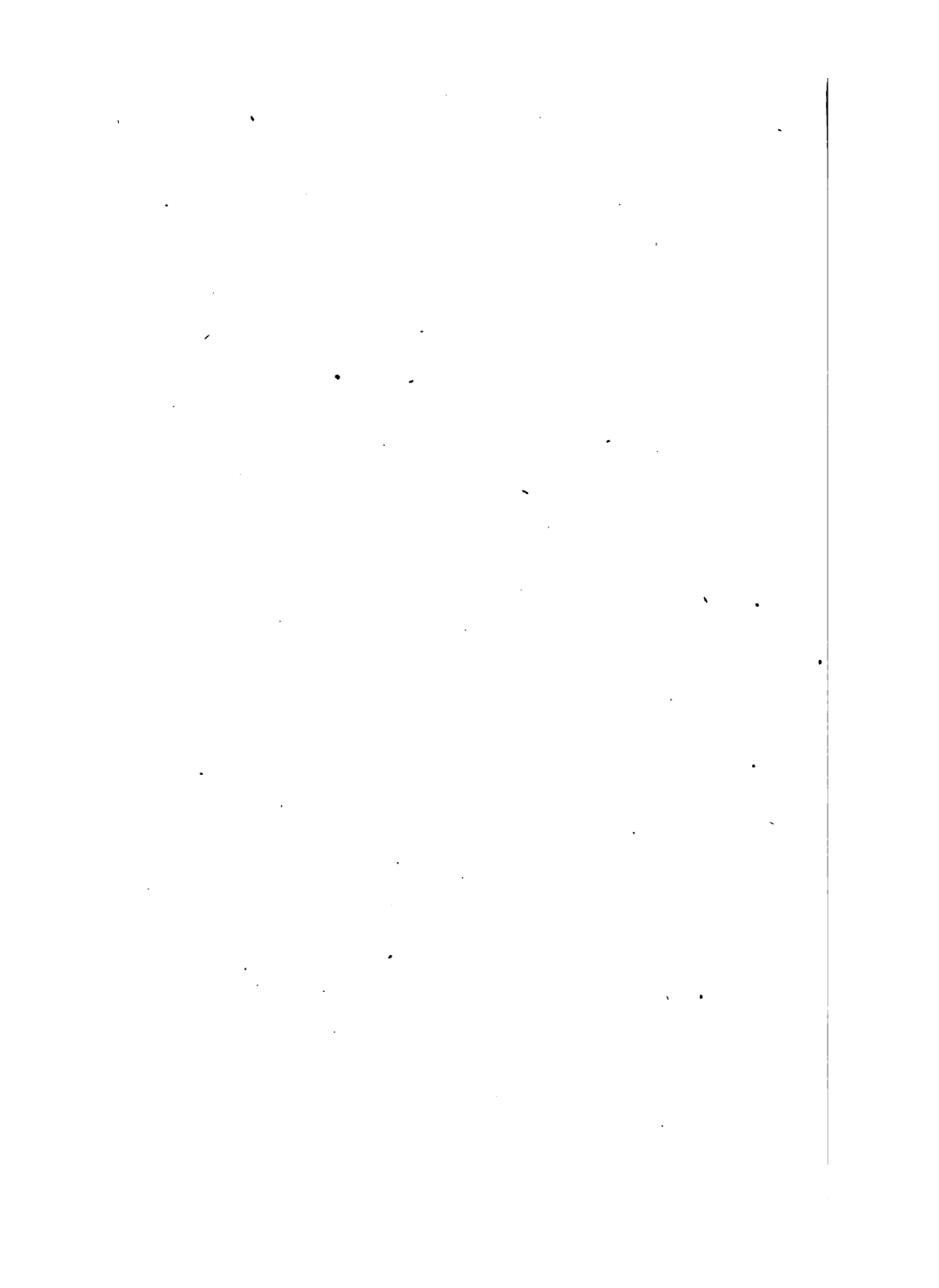
Такое свойство впрочемъ есть
Въ исторіи россійской: тотъ,
Кто вздумалъ за нее засѣсть, —
Пиши пропаль: съ ума сойdetъ!

Одинъ профессоръ, — онъ въ Москвѣ
Средь нашихъ умственныхъ свѣтилъ
Стоялъ едва ль не во главѣ, —
Серьезно это говорилъ.

1880.

VI.

ЮБИЛЕИ.

I.

ЮБИЛЕЙ ШЕКСПИРА.

Преданья Сѣвера изображаютъ бога
Сѣдящимъ высоко надъ областью громовъ:
Спокойный, видитъ онъ изъ свѣтлаго чертога
И землю, и моря, движенье облаковъ,
Полеть воздушный птицъ, могучій ходъ китовъ,
И быстрый лани бѣгъ; онъ взглядомъ проникаетъ,
Какъ накапливаетъ мѣдъ и золото въ горахъ,
 Какъ дубъ растетъ, какъ травка прозябаетъ,
 Какъ въ человѣческихъ сердцахъ
 Родится мысль, растетъ и созрѣваетъ...
Таковъ и ты, Шекспиръ!

 Какъ сѣверный Одинъ
На человѣчество съ заоблачныхъ вершинъ
Взиралъ ты! зналъ его — и у кормила власти,
Въ лохмотьяхъ нищаго, въ порокахъ, во враждѣ;
Но кистью смѣлою его рисуя страсти,

Давалъ угадывать вездѣ
Высокій идеаль, который предъ тобою
Въ величьи божескомъ сіялъ,
И темный міръ людей, съ ихъ злобой и враждою,
Какъ солнце бурную пучину, озарялъ...

И триста лѣтъ прошло — и этотъ идеаль
Вездѣ теперь родной для всѣхъ народовъ сталъ.
Съ запасомъ всѣхъ личинъ, костюмовъ, декорацій,
Съ толпой царей, принцессъ, шутовъ, и фей, и грацій,
По шумнымъ ярмонкамъ, среди городовъ и селъ —
Ты триумфаторомъ по всей землѣ прошелъ:
Вездѣ къ тебѣ толпа восторженно стремилась,
И за тобой, какъ за орломъ,
Глубоко въ небо уносилась.
И съ этой высоты на міръ глядѣть училась
Съ боязни полнымъ торжествомъ!

Счастливъ, счастливъ народъ, котораго ты сынъ,
Чья мощь, чей смѣлый духъ твой воспитали геній!
Какъ гордъ онъ въ этотъ день, подъ гулъ земныхъ
хваленій

Несущихся къ тебѣ, искусства исполнивъ!
Но въ дни, когда ты цвѣлъ, и смѣло и сводобно
Британскій флагъ вступалъ ужъ въ чуждыя моря,

Ты смутно лишь слышалъ о *Русси* холодной,
Великолѣпнѣ Московскаго Царя,
Боярахъ въ золотой одеждѣ, свѣтозарныхъ
Палатахъ, гдѣ стоитъ слоновой кости тронъ,
И възсѣдаетъ самъ владыка странъ полярныхъ,
Безмолвіемъ и славой окружень...

Товарищъ сильному быть можетъ только сильный!
Изнѣженныхъ племень искусство чуждо намъ!
Ты, строгій сердцевѣдъ, ты, истиной обильный,
Какъ свой ты на Руси пришелся по сердцамъ!
По русскимъ городамъ, по сценамъ полудикимъ,
Рукоплесканія не подпусту гремать
Твоимъ созданіямъ великимъ,
И музы русскія подъ сѣнь твою спѣшать!
Ты нашъ — по ширинѣ могучаго размаха,
Ты нашъ затѣмъ, что мы предъ правдой не дрожимъ,
И смотримъ въ пропасти безъ страха,
И вдаль увѣренно глядимъ.

1864.

II.

К Р Ы Л О В Ъ.

Когда стою въ толпѣ средѣ городского сада
Предъ этимъ образомъ изъ бронзы отлитымъ,
И къ намъ склонившися, и къ малымъ, и къ большимъ,
Съ улыбкой доброю, съ привѣтливостью взгляда,
Онъ точно, съ старческой неспѣшностью рѣчей
Разсказываетъ намъ, съ своихъ высокихъ кресель,
Про нравы странные и глупости звѣрей,
И всѣ смѣются вокругъ, и самъ онъ тихо-весель, —
Мнѣ часто кажется, что вотъ — толпа уйдетъ,
И ласковый старикъ впадетъ сейчасъ же въ думу,
Улыбка кроткая съ лица его спорхнетъ
Въ слѣдъ умолкающему шуму,
И лобъ наморщится, и, покачавъ головой,
Проводитъ взглядомъ насъ онъ строгимъ, и съ тоской
Промолвить: «всѣ-то вы, какъ посмотрю я, дѣти!»

«Вотъ — побасенками старикъ потѣшилъ васъ,
«Вы посмѣялися и прочь пошли смѣясь,
«Того не угадавъ, какъ побасенки эти
«Достались старику, и какъ не разъ пришлось
«Ему, слагая ихъ, смѣяться — но сквозь слезъ,
«Ужъ жало испытавъ ехидны ядовитой,
«И когти всяческихъ, большихъ и малыхъ, птицъ,
 «И язвыны на пальцахъ отъ лисицъ,
«И на спинѣ своей ослиное копыто...
«И то, что въ басенкѣ является моей
«Какъ шутка, — отъ того во времена былыя,
 «Вся, можетъ, плакала Россія,
«Да — плачетъ, можетъ быть, еще и до сихъ дней!»

III.

КАРАМЗИНЪ.

(Посв. Мих. Петр. Погодину).

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,
Въ соборы ль древніе съ гробницами Царей,
Первосвятителей; когда кругомъ читаю
На дскахъ ихъ имена, и возлѣ ихъ, внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей, —
А тамъ иконостасъ, и пресвятыя лики,
И мѣсто царское, и патриаршій тронъ;
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ Великій —
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ —
Благоговѣніемъ душа моя объята;
И все мнѣ говоритъ: «сіе есть мѣсто свято!
«Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣль,
«А на горѣ сіяль лишь храмъ Святаго Спаса
«Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣль, —

«Бесѣда вѣщая таинственно велася
«Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его
«Какъ древній Самуилъ благословилъ владыко
«На собраніе народа своего...
«Святителя завѣтъ исполнился великой!
«Помалу собралась вокругъ бѣлаго Кремля
«Какъ подъ надежный щитъ вся Русская земля,
«И каждый градъ ея свою здѣсь церковь ставилъ
«И выслася Москва! и Чингисхановъ родъ,
«Кончаясь, Азію въ наслѣдье ей оставилъ,
«А тамъ отъ Балтики и до Эгейскихъ водъ
«Славяне подняли съ надеждою къ ней очи,
«И со священнаго Аѳона гласъ пророчій,
«Призвавъ святую Русь для доблестной борьбы,
«Востока древняго ей передалъ судьбы».

Такъ говорить намъ Кремль. Но поколѣнья были,
Что здѣсь какъ пришлецы чужіе проходили.
Вельможи русскіе являлися сюда
Съ иными вкусами. Ломали безъ слѣда
Святыни старины. Ни память Іоанновъ
Не удержала ихъ, ни прахъ святыхъ гробовъ,
Ломали зданіе, чтѣ строилъ Годуновъ,
Ломали зданіе, гдѣ избранъ былъ Романовъ.
Весь этотъ старый Кремль, съ соборами, съ дворцомъ,

Съ рѣзными башнями назначенъ былъ на словъ.
 И вмѣсто ихъ уже, питомецъ музъ Эллинскихъ,
 Художникъ созидаль классическимъ умомъ
 Рядъ портиковъ, колоннъ и арокъ исполинскихъ...
 Скажи ему тогда: ужель, о вандалъ, нѣтъ
 Въ тебѣ присущей здѣсь святыни пониманья —
 Вѣдь что ни камень здѣсь, то крови отчей слѣдъ,
 Что столбъ — то памятникъ, что церковь — то сказанье —
 Сердечный этотъ вопль въ пустынѣ бѣ прозвучаль
 Художникъ злобился бѣ, вельможа хохоталь...

То были граждане совсѣмъ другого міра!

Давно ужъ Франція купалася въ крови.
 Къ намъ отклики неслись невѣдомаго пира,
 Неслися возгласы свободы и любви...
 То троны падавшихъ летѣли къ намъ обломки,
 То дребезги трибунъ выкидываль вулканъ —
 Все поглощала Русь — и вотъ пройдохъ всѣхъ стравъ
 Явились у насъ питомцы и питомки.
 Кто набожно вздыхаль по чуждомъ королѣ,
 Кто, новымъ Цезаремъ восхищенный, мечтами
 Носился за его побѣдными орлами,
 Кто бредиль равенствомъ и братствомъ на землѣ,
 И при воззваніи «всемирная свобода»

Вселенскій гражданинъ отрекся отъ народа!
Объ челоѳчествѣ здѣсь каждый помышлялъ,
Но челоѳчествѣ во образѣ француза...
Кто въ демагогіи судьбы его искалъ,
Кто въ темной мистикѣ священнаго союза.
Въ Россіи жь видѣли удобный матерьялъ,
Въ которомъ каждый могъ кроить себѣ свободно —
На всякій образецъ и что кому угодно —
Парламентъ съ лордами, или республикъ рядъ,
Аркадскихъ пастуховъ или пахотныхъ солдатъ.

Одинъ изъ этого ушелъ водоворота.
Одинъ почувствовалъ, что нѣтъ подъ нимъ оплота.
Что эти странные адепты тайныхъ ложъ,
Вся эта дѣтская блистательная ложъ,
Весь этотъ маскарадъ съ своею пестротою,
Стоитъ какъ облако надъ Русскою землею...

То былъ великій мужъ... одинъ онъ видѣлъ ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшіе умы, какъ бѣдные цвѣты
Со стебля сбитые грозой, кружатъ въ пустынь —
Чужіе у себя, чужіе на чужбинѣ...
Но пусть свершаются надъ ними ихъ судьбы!
Есть русской крѣпости незримые столбы,

Есть царства русскаго основы вѣковныя...
 Во всемъ величїи судебъ своихъ Россїя
 Ему являлася изъ сумрака времянь...
 Тамъ исцѣленіе! тамъ правда! вѣрилъ онъ —
 И этой вѣры полнѣ, сошелъ во мракъ архивовъ —
 И тамъ, какъ въ сказочной странѣ чудесь и дивовъ,
 Увидѣлъ образы князей бойцовъ лихихъ;
 Князей ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ —
 Тамъ умирающихъ въ пути среди бурановъ...
 Явились образы подвижниковъ святыхъ,
 Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитья,
 И образъ земскаго великаго царя,
 Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псаря,
 И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитья;
 И образъ цѣлаго народа, что пронесъ
 Сквозь всяческихъ невзгодъ имъ созданное царство,
 И всѣмъ, всѣмъ жертвовалъ во имя государства,
 Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ...

И эти образы вмѣстивъ въ душѣ всецѣло,
 Онъ словно отлилъ ихъ изъ мѣди въ рѣчи смѣлой,
 И вдругъ свою скрыжалъ воздвигъ какъ Моисей
 На поученіе народовъ и царей...

Очнулся русскій духъ... туманъ заколебался...

IV.

ЖУКОВСКІЙ.

Въ младенческихъ годахъ моихъ далеко
Мнѣ видится его чудесный образъ...
Какъ будто бы меня, еще ребенка,
При факелахъ — въ готическомъ соборѣ,
Средь рыцарей — онъ, величавый старецъ,
Въ таинственный союзъ ихъ посвящаетъ...
И рыцарства высокіе обѣты
Я говорю за нимъ — и чую въ страхѣ,
Что прозрѣваю въ міръ, тогда впервые
Открывшійся очамъ моимъ духовнымъ...
Онъ говоритъ о Вѣрѣ, о Надеждѣ
И о Любви, и о загробной жизни,
И самъ какъ бы на рубежѣ земнаго
Стоитъ, вперяя взоръ открытый въ Вѣчность...
И у меня въ восторгѣ бьется сердце,

И отдаюся я весь святому старцу
И странствовать иду за нимъ по свѣту...

По манію жезла его повсюду
Изъ глубины временъ міры выходятъ...
Таинственный Востокъ разоблачился —
Та даль вѣковъ, когда между людьми,
Пріявъ ихъ образъ, странствовали боги,
Ихъ посвящая въ тайны искупленья, —
Та даль вѣковъ, когда богатыри,
Какъ первые избранники изъ смертныхъ,
Вступали въ бой со злобной силой мрака,
И обществамъ въ основу полагали
Служенье Духу и Предвѣчной Правдѣ...
Отъ Индіи и отъ пустынь Турана,
Отъ вѣчнаго Голгоэскаго Креста,
Сквозь темный міръ Европы феодальный, —
Къ горящему меня привелъ онъ граду...
Я увидалъ средь пламени и дыма,
Порою разрывавшихся отъ вихря,
Кремлевскія бѣлѣющія стѣны —
«Вотъ, онъ сказалъ, вотъ жертва Искупленья,
Предъ коей выше — только Крестъ Голгоэскій!
Мы принесли ту жертву всѣмъ народомъ,
Да тлѣнныя сокровища искупятъ

Сокровища, которыя пріяли
Съ Евангеліемъ въ свой духъ мы съ дня крещенья,
И множили вѣками бѣдъ великихъ, —
Сокровища, которыми въ народахъ
Отличена и создана Россія!
Пади жь предъ ней, пылающей Москвой!
Ея святынь уразумѣй глаголы!
Пади предъ ней, благодаря Творца,
Что жребій данъ тебѣ ея быть сыномъ
Моли Творца, чтобъ и свою крупицу
Ты въ общее принесть бы достоянье,
Для высшаго приготовляясь міра!
Здѣсь свято долгъ свой на землѣ исполни, —
Да общимъ всѣхъ трудомъ на благо ближнихъ,
Проникновенемъ сердца благодатью,
И просвѣтлѣннемъ разума любовью, —
Разсѣется господство лжи — и будетъ
Миръ на землѣ, благоволенье въ людяхъ
И прославленье здѣсь и въ вышнихъ Бога!»

Великій старецъ! Онъ свою «крупицу»
Принесть и, свѣтлый, — въ міръ переселился,
Въ который здѣсь, какъ бы сквозь тонкій завѣсъ,
Ужъ прозрѣвалъ душою дѣтски чистой...
И на Руси не даромъ прозвучали

Его слова... Нѣтъ!.. падали какъ зерна
Они въ сердца, уготовля ихъ
Къ великому... И между посвященныхъ
Имъ отроковъ и Тотъ былъ — кроткій сердцемъ —
Кого Господь благословилъ на дѣлѣ
Осуществить во благо миллионъ
Учителя высокіе завѣты...

1883.

V.

ПУШКИНУ.

Русь собирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;

Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа...

Что жь взойдетъ на общей нивѣ?...
Русь ужь многое дала,
Въ царство выросши подъ стѣлю
Византійскаго орла...

Что взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумирь!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;

Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ полныхъ правды
И сердечной чистоты...

Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!

Во всемірномъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужь тебя чествить и славить
Всякъ народъ и всякъ языкъ, —

Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя —

— Нашу гордость — какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полною,
Суждено еще явить!

1833.

VI.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Чтано на его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ 10 апрѣля 1887 г.

Тому ужь больше чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій челоуѣка
Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима
Далось почувать красоты;
Бывало нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяна ветхіе листы, —
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растеть, растеть,
По мѣрѣ той какъ трудъ идетъ,

И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики, съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалось, взирали,
И улыбались межъ собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были... милый мой,
Ты понять?... Фетъ и мы съ тобой...

Какъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль, и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ уготовили союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали
Почти на первыхъ же шагахъ,
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.
Въ полустолѣтье жъ нашихъ Музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
За поэтическій, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

VII.

А. А. ФЕТУ.

Въ день его 50-лѣтняго юбилея 28 января 1889 г.

Когда, какъ бурный конь, порвавшій удила,
 Неудержимый стихъ, съ путей метнувшись торныхъ,
 Въ пространство ринется и, съ зоркостью орла,
 Намѣченную мысль, среди пропастей ли черныхъ
 Иль въ звѣздныхъ высотахъ, ухватить какъ трофей, —
 О, какъ онъ тѣшится, одинъ съ самимъ собою,
 Ея еще людьми незнаемой красою,
 Дивясь, радостный, самъ дерзости своей!
 А ты, поэтъ, за нимъ въ томительномъ волненьѣ
 Слѣдившій въ высотахъ и въ безднахъ, въ то мгновенье,
 Какъ побѣдителемъ онъ явится къ тебѣ,
 Въ блаженствѣ равнаго ты знаешь ли себѣ?

Тебѣ знакома, Фетъ, знакома эта радость!
 Такихъ трофеевъ полнъ тобой созданный храмъ!
 И перейдутъ они въ наслѣдіе вѣкамъ,
 И свѣжесть сохраняя и аромата сладость,
 Играя радуги цвѣтами — и однимъ
 Помѣчены клеймомъ и вензелемъ твоимъ!

VIII.

А. Г. РУВИНШТЕЙНУ.

Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно
Садится за рояль — вотъ гамма, трель, намекъ
На что-то — пропорхнулъ какъ будто вѣтерокъ —
Лелѣющій мотивъ, и ласковый, и нѣжный...
Вотъ точно свѣтлый лучъ прорѣзалъ небеса —
И радость на землѣ, и торжество въ эфиръ!
Но, вдругъ ударъ!.. другой!.. Иной мотивъ взвился,
И дико прядаетъ все выше онъ, и шире!
Онъ словно вылетѣлъ изъ самыхъ нѣдръ земныхъ,
Какъ будто вырвались и мчатся въ шумѣ бури,
На встрѣчу ангеламъ, тьмы демоновъ и фурій.
Ветхозавѣтный споръ, споръ вѣчный изъ-за насъ
Рѣшается ль теперь?.. Дрожать и стонуть долы,
Мятеся океанъ, въ раскатахъ громовыхъ
Архангельской трубы проносятся глаголы,
А тучи темныхъ силъ все новыя летятъ!..
Художникъ въ ужасѣ: предъ нимъ разверстыи адъ,

Самимъ имъ вызванный, хохочущій, гремящій,
 Осиять ужь его и самого грозящій...
 А человѣчество! О, жалкое дитя!
 Ты чувствуешь, что бой, тотъ бой изъ-за тебя!
 Ты чувствуешь свое безсилъе и паденьс,
 Ты ловишь проблески небеснаго луча,
 Въ молитвѣ падаешь... молитва горяча
 Надъ бездной! То порывъ, обѣтъ перерожденья!..
 Но успокойся! Вотъ ужь надъ тобой свѣтло:
 Архангелъ побѣдилъ!.. Художника чело
 Яснѣетъ... Онъ къ тебѣ нисходитъ и съ тобою
 — Самъ человѣкъ уже и духомъ просвѣтленъ —
 Сливаетъ голосъ свой съ молитвой міровою...
 Онъ кончилъ... Вотъ онъ всталъ, разбитъ, изнеможенъ,
 Уходитъ... Крики въ слѣдъ!..

Чѣмъ крики тѣ звучать!

Художникъ, слышишь ты?.. То гулъ благословеній!
 Да, да, благословенъ, благословенъ стократъ
 Твой, въ царство свѣта насъ переносящій, гений!

IX.

А. П. МИЛЮКОВУ.

в поводу моего 50-лѣтняго юбилея 1888 г. апр. 30).

Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ,
Что брызнулъ онъ лучомъ неожиданнымъ
Ужъ по далекимъ, по туманнымъ
Рядамъ прожитыхъ нами лѣтъ...
Смотри: студентскіе мундиры...
И всѣ вы, тѣсною толпой,
Бряцанью полудѣтской лиры
Открытой внемлете душой.
Вамъ — въ звукахъ голоса нетвердыхъ,
И въ робкомъ переборѣ струнъ,
И въ недохваченныхъ аккордахъ —
Могучій чудится перунъ...
Средь блѣдныхъ образовъ, по смѣлымъ
Быть можетъ профилямъ кой-гдѣ,
Меня ужъ мастеромъ умѣлымъ
Провозгласивъ, соборомъ цѣлымъ,
Всходящей плещете звѣздѣ...
И откровененъ былъ и звѣнокъ

Вашъ дружный кликъ и громъ похвалъ,
Но какъ испуганный ребенокъ
Предъ вами, помню, я стоялъ...
Куда уйти, куда бы скрыться
Съ тоской глядѣлъ по сторонамъ. —
По счастью (для чего таиться?)
Тогда я не повѣрилъ вамъ —
Да такъ не вѣрю и понынь,
И только жду — ужь много лѣтъ! —
Пророкъ не слышится ль въ пустынь?
Нейдетъ ли истинный поэтъ?..
Глашатай Бога и природы,
Для тьмы непогасимый свѣтъ, —
Кому онъ посланъ — тѣ народы
И тѣ вѣка — имъ смерти нѣтъ!
Для всѣхъ грядущихъ въ немъ — наука
И откровенье, и законъ!
И въ немъ — ни образа, ни звука,
Не унесетъ потокъ время;
Стоить — спокойный, величавый,
Одинъ — какъ солнце въ небесахъ —
И наши маленькія славы —
Всѣ гаснутъ при его лучахъ!

VII.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

(Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ).

«**Н**е понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ «Слово о Полку Игоревѣ», говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, услыхавъ, что я занимаюсь этимъ памятникомъ. «Что бы тамъ ни толковали филологи о его подлинности, все-таки противъ нихъ есть аргументъ посильнѣе всѣхъ ихъ доказательствъ: это — то уединенное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней литературѣ Кіевской Руси. Ну, судите сами: съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, вдругъ, выросъ бы розанъ?»

Вотъ одно изъ очень старыхъ возраженій, на которое до сихъ поръ не отвѣтила критика, отстаивая и побѣдоносно доказывая принадлежность «Слова о Полку Игоревѣ» къ двѣнадцатому столѣтію. Дѣйствительно, «Слово» не имѣетъ ничего общаго ни съ лѣтописями, ни съ другими памятни-

ками письменности того времени; оно какъ будто вышло изъ совершенно другой среды жизни, съ другими воззрѣнiями и преданiями, нежели та сфера, гдѣ велись лѣтописи, писались поученiя и житiя. Какая же эта среда? Вотъ ее-то я и постараюсь намѣтить въ этомъ очеркѣ.

Кромѣ письменной литературы, лѣтописей, житiй и поученiй, мы имѣемъ еще устные памятники творчества нашей старины — народныя былины. И въ нихъ, повидимому, мало общаго со «Словомъ о Полку Игоревѣ», по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, принимая былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, записанныя съ голоса народныхъ пѣвцовъ, и притомъ весьма недавно: старѣйшiй списокъ Кириши Данилова сдѣланъ былъ въ началѣ XVIII столѣтiя. Передъ нами былины явились уже чисто, такъ сказать, въ московской редакцiи, и въ этомъ видѣ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ «Слову»... Но если бы можно было снять съ нихъ московскiй слой, то, я увѣренъ, онѣ оказались бы гораздо ближе къ «Слову о Полку Игоревѣ», чѣмъ къ намъ, и еще болѣе уяснили бы намъ среду, изъ которой оно вышло. Поэтому, хотя въ общихъ чертахъ, надобно напомнить читателямъ, до чего дошла новѣйшая филологiя, изучая древнѣйшiе памятники поэзiи народовъ, происшедшихъ изъ одного съ нами корня, а между ними и наши былины.

Строгiе историки прежнихъ временъ отвергали эти па-

мятники, называя ихъ баснословными. Но изучая и сравнивая ихъ, изучая и сравнивая языки, на которыхъ они записаны, филологія проникла въ такую глубину времени, о какой и мечтать не смѣли историки. Она не только восстановила родословное древо народовъ, по крайней мѣрѣ пока тѣхъ, къ семейству которыхъ принадлежитъ большая часть европейцевъ, — огромная вѣтвь, простирающаяся отъ Индіи, черезъ Персію и Россію, до Атлантическаго океана, — но и поставила себѣ задачей возстановить первобытную жизнь, вѣрованія, степень образованности того народа, изъ котораго, какъ изъ древѣйшаго улья, отроились всѣ эти племена. Сравнивая языки этихъ племенъ, санскритъ, зендъ и нынѣшній персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, древне-германскій, литовскій и древне-славянскій, филологія намѣтила тотъ языкъ, которымъ говорили предки этихъ народовъ до выхода ихъ, одинъ за другимъ, изъ общаго ихъ первоначальнаго отечества — съ Иранской возвышенности. Всѣ эти языки, очевидно, имѣютъ одинъ общій корень, весьма опутительный изъ сходства въ этихъ языкахъ мѣстоименій, именъ числительныхъ, многихъ глаголовъ и существительныхъ, означающихъ явленія природы, или касающихся родства, одежды, земледѣльческаго быта. За симъ, сравнивая древнѣйшія преданія и пѣсни этихъ народовъ, отъ ведъ индійскихъ до исландскихъ сагъ, мы узнаемъ, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ однѣ и

тѣ же геогоническія пѣсни, сложившіяся еще тамъ, на Иранской возвышенности и отразившія въ себѣ всё представленія о мирѣ и жизни, какія составилъ себѣ это народъ-праотецъ, эти наши далекіе предки, называвшіе себя Аріями, т. е. лучшими, благородными. У всѣхъ ихъ потомковъ, у новѣйшихъ народовъ, сохранилась память о далекой родинѣ, какъ преданіе о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, о свѣтломъ Иріи (названіе, сохранившееся у насъ въ пѣсняхъ и въ завѣщаніи Мономаха): чудная страна, куда имъ возвратиться нельзя, но куда на зиму улетають птицы. Вынесенныя уходящими оттуда, одна за другой, толпами, эти пѣсни, на мѣстахъ новой осѣдлости, видоизмѣнялись сообразно съ судьбами этихъ выходцевъ, съ ихъ бытомъ, нравами, языкомъ, подъ вліяніемъ мѣстности, новаго образа жизни и разныхъ особенностей, вслѣдствіе которыхъ въ этихъ толпахъ выработались ихъ племенные и національныя черты. Всѣ эти пѣсни вытекали изъ вѣры Арійцевъ, что они — дѣти Солнца и великой Матери Земли, что находятся подъ его покровительствомъ, что судьба ихъ тѣсно связана съ судьбою свѣтоноснаго бога, давшаго имъ жизнь. Происхожденіе ихъ отъ Солнца и дало, вѣроятно, право этимъ земледѣльцамъ назвать себя Аріями, т. е. благородными, сравнительно съ кочевниками, ихъ врагами, по ихъ представленію, сынами Тьмы. Считая источникомъ жизни солнце, они постоянно къ нему устремляли свою мысль, и

всѣ явленія на небѣ истолковывали, по отношенію къ нему, своимъ земнымъ бытомъ: день и ночь, времена года объясняли сномъ, смертью, пробужденіемъ, воскресеніемъ или рожденіемъ Солнца, или плѣномъ его у его враговъ. Весеннее его появленіе, сопровождаемое благотворными грозами и пробужденіемъ могучей растительности, праздновалось какъ брачное торжество бога, дорвавшася до обладанія своею любовью — Землею. По этимъ представленіямъ и люди, какъ дѣти Солнца, устроили свою жизнь, установили обряды чествованія своего великаго Прародителя — хороводы, пляски, жертвы, игрища, сопровождаемыя музыкою и разными припѣвами; въ эпическихъ гимнахъ воспѣвали о славѣ Солнца, о борьбѣ его съ недругами, гигантами мрака, холода. Тучи и облака, безпрестанно измѣняющія свой видъ — отъ крылатыхъ змѣевъ и драконовъ, грозящихъ поглотить свѣтоноснаго бога, до серебряныхъ овецъ, пасущихся на лазурныхъ небесныхъ пажитяхъ; вѣтры и вихри всезнающіе, скитающіеся по всему свѣту; громъ, съ своими огненными стрѣлами или палящимъ мечемъ-кладенцемъ, являющійся, какъ вѣрный слуга, освобождать бога отъ демоновъ и чудовищъ; заря, царица огненная, открывающая Солнцу врата міра, Земля-красавица, Солнцева лада, порождающая отъ его пламенныхъ объятій все живущее, — все это олицетворялось въ видѣ духовъ или боговъ, гигантовъ, великановъ, чудовищъ, мифическихъ

существовъ добрыхъ или злыхъ, смотря по тому, въ дружбѣ или во враждѣ были они съ Солнцемъ.

Ближе всѣхъ къ этой первобытной эпопее считаются ведическіе гимны Индіи, изъ которыхъ потомъ развивается цѣлая литература съ колоссальными, то страшными, то роскошными образами; во всѣхъ этихъ созданіяхъ отражается могучая природа Индіи, ея цвѣтущихъ долинъ и грозно величественнаго, таинственнаго царства ея горъ, гдѣ рождаются ея священныя рѣки, то пѣнными водопадами біющія изъ пѣдръ ихъ, то скрывающіяся подъ сводами скаль... У племенъ Иранскихъ тотъ же первобытный мифъ лежитъ въ основѣ ученія Зендъ-Авесты, въ которой тьма и свѣтъ получили нравственное значеніе добра и зла, и пѣсенъ, собранныхъ и устроенныхъ поэтомъ XII вѣка Фирдуси въ поэмѣ, извѣстную подъ названіемъ Шахъ-Наме, гдѣ солнце является въ образѣ шаха, а вѣрный слуга солнцевъ, громъ, — въ образѣ народнаго героя Персовъ, въ Рустемѣ. Изъ того же мифа развилась мифологія Грековъ: Римлянъ, видоизмѣнявшаяся въ разныя эпохи ихъ развитія: боги Гомера еще живутъ патриархально-героическою жизнью Грековъ; боги Лукіана ясно отражаютъ на себѣ цинизмъ современнаго ему общества. У Германцевъ и особенно у Скандинавовъ, въ пѣсняхъ Эдды, древне-арійскіе боги являются суровыми и воинственными; они какъ будто окрѣпли и возмужали, одѣлись въ желѣзо, въ суро-

вомъ климатѣ, въ воображеніи людей, обреченныхъ на борьбу со стихіями, на необходимость оружіемъ добывать себѣ пропитаніе *). У Славянъ тотъ же мѣсъ лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ древнихъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ, и, доселѣ еще живыхъ; но въ болѣе богатой, эпической своей формѣ онъ сохранился у Сербовъ, у которыхъ онъ слился съ пѣснями о Маркѣ Краевичѣ, и у насъ—въ нашихъ былинахъ. Черты, которыя онъ принялъ у насъ, особенно замѣчательны и оригинальны. Это — черты быта народа-земледѣльца. Въ глубинѣ всѣхъ былинныхъ сказаній стоитъ величавый въ своей простотѣ, спокойно-могучій, домовитый хозяинъ земли — ратай. За этимъ ратаемъ три дня гонится Святогоръ-богатырь и не можетъ его настигнуть; попросилъ наконецъ остановиться; тотъ остановился и положилъ сумочку свою на землю. «Что у тебя въ сумочкѣ?» спросилъ Святогоръ. «Подыми и увидишь». Ухватилъ Святогоръ, не могъ поднять, самъ по колѣна въ землю ушелъ. «Что жъ у тебя въ сумочкѣ?» Оказывается, что это тяга земная (кольцо или столбъ **), ухватясь за которую только этотъ ратай можетъ поднять всю землю... Встрѣчается этому ратаю князь Вольга съ дружиною:

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ;

*) Попытку возстановить древнѣйшій скандинавскій мѣсъ о солнцѣ читатели могутъ видѣть въ моемъ «Бальдурѣ».

***) Аванасьева: Поэтическія возрѣнія Славянъ, т. II, 680.

Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ,
 Съ края въ край онъ бороздки пометываетъ,
 Кореня, каменья вывертываетъ..

Зоветь Вольга ратая съ собою; тотъ говорить: «Надо сошку прибрать». Кидается вся дружина сошку приподнять и не можетъ:

Подѣхалъ оратай оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой,
 Бралъ онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земли повыдернулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

И Святогоръ и Вольга спрашиваютъ ратаюшку, какъ же звать его по имени, какъ величать по изъ-отчеству; онъ отвѣчаетъ:

«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 «Во скирды сложу, домой выволочу,
 «Домой выволочу, дома вымолочу,
 «Драни надеру, да и пива наварю,
 «Пива наварю, мужиковъ напою;
 «Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ».

Вотъ въ какомъ образѣ явился у насъ этотъ богъ, въ рукахъ котораго вся тяга земная; и хитрый Вольга, который волкомъ обертывался, да всѣхъ звѣрей изъ лѣсу выганивалъ, рыбой прикидывался, да всю рыбу изъ рѣкъ вы-

лавливалъ, яснымъ соколомъ вылетывалъ и всю птицу выбивалъ, не могъ его перехитрить, и богатыри входятъ въ семью его, женятся на его дочеряхъ и даютъ зарокъ не воевать съ его родомъ, а защищать его отъ всякаго недруга, собираясь въ дружину вокругъ свѣтлаго князя, Красна-Солнышка, ласкова Владѣмѣра. И силы имъ дается въ мѣру, столько, чтобы ихъ могла «земля держать». Старый вѣрный слуга Солнцева, Громъ или Громовникъ, или Перунъ, обращается въ земскаго героя Илью Муромца; другіе мифическіе герои принимаютъ черты сословія, сложившихся на Руси: Добрыня Никитичъ боярскій сынъ, Алексѣй Поповичъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ первобытнаго мифа, у всѣхъ народовъ, враги Солнца получаютъ черты народныхъ враговъ племени; такъ и у насъ мало-по-малу Змѣи Горынычи, Идолища поганья, чуда-чудища, то есть, всѣ олицетворенія зимы, мрака и смерти, принимаютъ виды разныхъ поганыхъ толковинъ (кочевниковъ), Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ. Когда совершилось у насъ это перерожденіе пѣсенъ о богахъ въ былины о народныхъ богатыряхъ — опредѣлить трудно; но ясно, что это могло случиться только тогда, когда въ народѣ міросозерцаніе языческое, основанное на обожествленіи силъ природы, было вытѣснено міросозерцаніемъ библейскимъ. По многимъ отзывамъ святыхъ мужей мы въ правѣ заключить, что христіанство въ Кіевской Руси въ XI и XII

столѣтіяхъ еще почти совсѣмъ не коснулось массъ народныхъ; если духовенство и имѣло вліяніе въ городахъ, за то въ селахъ оно было почти бессильно. Преподобный Несторъ (въ XI—XII вѣкѣ) жалуется, что и нарицающіеся христіанами живутъ по поганьски, справляютъ всѣ языческія требы, а церкви стоятъ пусты. Долгое время еще царство бѣсовъ (т. е. старыхъ боговъ) обширно и сильно было на Руси, и съ нимъ приходилось бороться проповѣдникамъ христіанства, и къ чести послѣднихъ надо сказать, — бороться мѣрами кроткими, безъ пытокъ и костровъ, безъ вмѣшательства свѣтскаго меча! Исподволь увеличивалось стадо Христово, но разъ вкусивъ сладости новаго свѣта, новопосвященные уже порывали все со стариной. И что они тогда видѣли вокругъ себя? Языческіе обряды, чествованіе старыхъ боговъ — въ полной силѣ! Сердце переполнялось скорбью... «О, во тьмѣ блуждающіе!» восклицалъ инокъ, смотря изъ нагорной обители своей на виднѣющійся ему городъ, на разбросанныя тамъ и сямъ села. «Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазь, и въ птичій грай, и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся благая: вы же Его не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните — и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздухонъ! Вмѣсто призы-

ванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, радитесь во звѣринныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганого Ярилу (Ярило — яръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, брянца колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогнати, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребываете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовѣте дѣвку цвѣтами и травами, водите се по полямъ, обливая водою, а сами, перереженные въ звѣринныя шкуры, бѣгаете кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите; зачинаетесь въ сквернѣ и грѣхѣ: бракъ ли те есть, когда собираетесь на игрища, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станеть увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщеваете: христіанскій-де обрядъ вѣнчанія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое! о прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ

*) Г. Аванасьевъ думаетъ, что перереживание въ звѣринныя шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка — алчущую землю.

вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтятся со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй встрѣчи, назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скомоорохамъ, и гудцамъ, и пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганья требы и волхованія творять и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гудѣніемъ, — ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто «Господи помилуй» со страхомъ скажетъ, заклятій знаете множество — и къ вѣтрамъ, нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ — яко къ нѣкоей женѣ, сѣдящей на морѣ, на Окіянѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и къ печкѣ, и къ инымъ, иже стихіи суть, или руками дѣланная!

«Когда же, о Господи, смилуешься надъ народомъ симъ и отверзешь очи его — да познаетъ Тя?.. На кого возложу упованіе мое? на князя ли и бояре? Но и въ ихъ дворахъ не многимъ лучше: видали святыя мужи, какъ изъ палатъ княжескихъ ангелъ Господень, плачучи, удаляется, а бѣсы поганые съ шумомъ и веселіемъ въ оныя врываются... На пастыри ли духовныя? Но и тѣ на сихъ дѣйствіяхъ, въ объяденіи и опьяненіи присутствуютъ, не внявъ прещенію

владычному, отъ отца нашего митрополита Іоанна. Гдѣ и во владыкахъ ревность Феодосіева! Пришедь къ великому князю Святославу Ярославичу, узрѣль святой мужъ, у него въ гридницѣ и поющихъ, и на гусяхъ играющихъ, яко обычай есть предъ княземъ. И сѣлъ блаженный и долу очами поникъ. И спросилъ потомъ князя: «Сіе ли будетъ на томъ свѣтѣ?»... *)

Такова общая картина, которая рисуется намъ изъ отзывать духовенства вплоть до времени татарскаго ига. Нашествіе Татаръ разбило весь старыи строй жизни на Руси. Народъ увидѣлъ кару Господню, во-очію надъ нимъ разразившуюся; увидѣлъ посреди себя ишедшихъ изъ оби-

*) Эта рѣчь составлена мною изъ сводки разныхъ отрывковъ духовныхъ писателей, приводимыхъ г. Аванасьевымъ, и изъ нѣкоторыхъ его объясненій. Вотъ еще любопытный отзывъ изъ позднѣйшей эпохи: Посланіе Елеазарова монастыря игумена Памфила псковскому намѣстнику 1505 г. говорить: «Зѣло не престала здѣсь еще лествидольская, кумирное празднованіе, радость и веселіе сатанинское... Тому (сатанѣ, т. е. языческимъ богамъ) яко же жертва приносится всяка скверна и беззаконное богомерзкое празднованіе. Егда бо приходитъ великій праздникъ день Рождества Предтечи, тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взмятется и възбѣсится бубнами и сопѣлями, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими непотребными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ.. Возстучитъ градъ сей, и возгремятъ въ немъ люди сіи беззаконіемъ и погибелью лютою; женамъ же и дѣвамъ плесканіе (удареніе въ ладоши), и плясаніе, и главамъ ихъ наживаніе, устами ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всескверныя пѣсни, бѣсовскія угоды совершаются, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе» (Аван. т. I, стр. 341).

тели своей погребсти мертвыхъ и утѣшить живыхъ святыхъ мужей—и сердца открылись словесамъ ихъ: въ долгіе годы бѣдствій и рабства, въ тяготахъ своихъ, онъ обрѣлъ у духовныхъ пастырей и утѣшеніе, и защиту, и даже пропитаніе на обширныхъ земляхъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ; тогда только христіанство пустило болѣе глубокіе корни въ массы. Не упразднились впрочемъ окончательно и въ тѣ времена, и позже, во дни Стоглаваго собора, обычаи и торжества стараго язычества, но ужъ цѣлость его возрѣній была утрачена. И подобно тому, какъ разные языческіе обряды стали окрашиваться мало-по-малу въ христіанскій цвѣтъ, и на извѣстныхъ святыхъ стали незамѣтно переноситься атрибуты старыхъ языческихъ боговъ, по совпаденію дней чествованія этихъ святыхъ съ днями торжествъ языческимъ богамъ, или по сходству ихъ легендъ, такъ и языческо-религіозныя пѣсни стали сливаться съ пѣснями объ этихъ святыхъ, или о дѣйствительно жившихъ князьяхъ и богатыряхъ. Подобно тому, какъ на примѣръ источники и колодцы, о которыхъ думали, что они пробиты громомъ и потому назывались Перуновыми, стали посвящаться Ильѣ пророку или Ильинской Пятницѣ (а въ Муромѣ о такомъ колодцѣ говорятъ, что конь Ильи Муромца вышибъ его копытомъ),—такъ и въ пѣсняхъ на витязей солнечной эпопеи перенеслись личныя имена святыхъ или богатырей; явились духовные стихи и историче-

скія былины, въ которыхъ новые герои наследуютъ всѣ дѣла и подвиги миѳическихъ героевъ и всю ихъ фантастическую обстановку. Имя князя Владиміра, прославленное двумя князьями, жило въ памяти народной какъ символъ лучшихъ, когда-то бывшихъ временъ и заступило мѣсто Солнца или Дажьбога въ этихъ былинахъ: миѳическія сказанія получили колоритъ историческій. Въ дальнѣйшемъ развитіи эпическихъ характеровъ богатыри явились представителями разныхъ классовъ общества — земства, боярскаго и духовнаго чина: этому способствовало болѣе усложнившееся общественное развитіе Руси въ Московскій періодъ.

Справедливость этого мнѣнія о времени перерожденія былинъ изъ миѳическихъ въ историческія (высказаннаго впрочемъ гораздо прежде меня) подтверждается и тѣмъ, что большая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владиміра: напримѣръ объ Ильѣ Муромцѣ есть положительное свѣдѣніе, что онъ жилъ въ XII столѣтіи (около 1188 года), и что именно XII вѣкъ и начало XIII представляютъ у насъ и по лѣтописямъ сильное развитіе богатырства...

Такимъ образомъ все заставляетъ насъ думать, что цѣлостность языческаго, основаннаго на арійскихъ преданіяхъ, міросозерцанія въ народѣ на Руси, въ XII вѣкѣ, еще не была разбита. Таинственные странники, люди вѣщіе, являю-

щіеся намъ въ былинахъ каликами переходими, люди съ поэтическимъ и мистическимъ настроеніемъ, уходившіе изъ семьи и избравшіе, подобно самому Дажьбогу, обтекающему землю, или вѣчному скитальцу Стрибогу (вѣтру), страннической посохъ, да суму переметную, да гусли звонкія, ходили по всей Руси, по селамъ и городамъ, по стогнамъ и торжищамъ, входили въ терема и хаты и пѣли старыя, безначальныя пѣсни о страшныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ, о жизни и смерти... И въ этихъ городахъ, не смотря на то, что надъ ними, на горѣ, возвышался уже монастырь, откуда исходилъ уже иной свѣтъ, гдѣ жили люди, совсѣмъ отрѣшившіеся отъ языческаго воззрѣнія, гдѣ велось книжное ученіе, писались лѣтописи, перелагались на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви, — въ этихъ селахъ, въ которыхъ еще рѣдко гдѣ видѣлись церкви, да и тѣ, по свидѣтельству Нестора, стояли пусты, — этимъ странникамъ былъ радушный пріемъ, и ихъ слушали съ благоговѣніемъ, страхомъ и полною вѣрою. Изъ этихъ переходящихъ странниковъ были, вѣроятно, и тѣ трое пѣвцовъ, которыхъ въ VI вѣкѣ захватили войска греческаго императора, воевавшего съ Аварамъ, и которые на вопросъ его: кто они? отвѣчали: «Мы Славяне, къ Аварамъ попали въ плѣнъ, обходиться съ оружіемъ не умѣемъ, а пѣсни да гусли — все наше занятіе». Этихъ же пѣвцовъ рисуетъ народная пѣсня во всемъ ихъ таинственномъ значеніи, какъ

людей вѣщихъ... Въ этой пѣснѣ такъ и видишь ихъ расположившихся ночлегомъ въ полѣ, около деревни, славящихъ возвращеніе солнца и закливающихъ смерть или зиму; такъ и слышишь, про какія страшныя тайны они поютъ:

На крутой горѣ высокой
Кипятъ котлы кипучіе...
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоять старцы старые;
Поютъ тѣ старцы старые
Про животь, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ...
Судятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе,
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятыице великое (Сахарова: Сказанія, II, 13).

Изъ этихъ же странниковъ образовались впоследствии толпы скомороховъ, которые ходили по Руси по ярмаркамъ и по празднествамъ въ селахъ и богатыхъ домахъ, и противъ которыхъ издавались строгіе законы даже при Алексѣѣ Михайловичѣ; изъ нихъ же вышли и тѣ пѣвцы, которыхъ мы видимъ и теперь около монастыря, пѣвцы, которые скитаются по Руси и распѣваютъ духовные стихи; и между этими стихами многіе, напримѣръ стихъ о Егоріѣ Храбромъ, суть тѣ же пѣсни о богахъ, что пѣли далекіе предшествен-

ники этихъ пѣвцовъ, только пѣсни эти, въ теченіе вѣковъ, получили духовный характеръ. И не только въ народѣ, въ XII вѣкѣ, да и у тѣхъ мірянъ, которые назывались христианами, міровоззрѣніе христіанское не обнимало всего міра человѣческихъ понятій; между тѣмъ какъ лѣтописецъ-христіанинъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, выводитъ изъ потомства Ноева, изъ колѣна Яфетова, Словенскій родъ, — изъ словъ пѣвца Игорева мы видимъ, что храбрые Русичи, его современники, смотрятъ на себя еще какъ на сыновъ Солнца и князей своихъ называютъ Дажь-божьими внуками; Русичи подъ предводительствомъ ихъ продолжаютъ свою борьбу съ исконнымъ врагомъ Свѣта, съ Тьмою, или съ ея чадами, Дивовыми сынами, всею Русскою землею ходятъ на землю Троянову *); Велесъ, пасущій серебряныхъ небесныхъ овновъ Солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлю, считается праотцемъ русскихъ пѣвцовъ XII вѣка; Стрибожьи внуки, бездомные скитальцы, рѣютъ по полю половецкому; герои историческіе принимаютъ черты облачныхъ героевъ (Всеславъ-кудесникъ). Въ томъ же смыслѣ и земля, занимаемая храбрыми Русичами, есть свѣтлая земля Русская, земля сыновъ свѣта (впослѣдствіи, въ Москвѣ, свято-русская); земля враговъ ихъ — земля темная, незнаемая, Дивья земля, земля Троянова. Дажь-

*) См. ниже прим. 5.

богъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» упреждаетъ внука объ опасности затмѣніемъ «заступаетъ тьмою путь Игорю»; но Черный Дивъ ополчается на него всѣми силами, созывая дѣтей своихъ и съ Сулы, и съ Волги, и съ Сурожа, и съ Поморья. Очевидно, міросозерцаніе былинь въ ихъ перво-бытномъ видѣ—вотъ тотъ поэтический міръ, вотъ возрѣнія на природу и на свой народъ, въ которыхъ вращалась фантазія пѣвцовъ Кіевской Руси и откуда почерпала свои краски. Вся эта поэзія вытекала изъ основного арійскаго міра о Солнцѣ, раздробляясь и продолжаясь въ устахъ этихъ пѣвцовъ, въ ихъ пѣсняхъ объ отдѣльныхъ князьяхъ потомкахъ того же Дажьбога.

Одна изъ такихъ пѣсней о Дажьбожьихъ внукахъ есть «Слово о Полку Игоревѣ». Но и отъ современныхъ ей былинь, при всемъ своемъ духовномъ родствѣ съ ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви. Пѣвецъ, ее сложившій, былъ не изъ тѣхъ пѣвцовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Завязавшаяся на Руси государственная жизнь тоже требовала пѣвцовъ, но дала другой предметъ для ихъ пѣсней.

Около княжескаго двора сосредоточивались люди, которые, и въ языческой еще періодъ, были, вѣроятно, развитѣе остальной массы народа, пахарей и звѣролововъ, уже вслѣд-

ствіе своего политическаго положенія, приводившаго ихъ въ столкновеніе съ народами Азіи и Европы. Это была — дружина, дворъ князя, и почетные гости — купцы. Купцы издревле ходили большими караванами, вооруженные, по всѣмъ внутреннимъ рѣкамъ Россіи, и въ Біармію для торговли съ далекимъ чудскимъ сѣверомъ, и на Волгу для торговли съ Болгарами и Арабами, и за моря Балтійское и Черное. Въ дружину и дворъ князя новыя понятія, новыя удобства жизни входили черезъ походы, браки, посольства, приѣмъ разнородныхъ гостей. Съ принятіемъ христіанской вѣры, которое было слѣдствіемъ этихъ столкновеній, эта среда, вѣроятно, одна и воспользовалась ея благами и, главное, школами. Кіевъ становится центральнымъ политическимъ пунктомъ Руси и перепутьемъ торговли сѣвера и юга, запада и востока. Латинская пропаганда въ немъ долго не уступаетъ господства Грекамъ, судя по посланіямъ первыхъ нашихъ митрополитовъ и святыхъ мужей, старавшихся оградить свою паству отъ козней латинства: «Исполнися и наша земля тья злыя вѣры людій», писалъ св. Феодосій великому князю Изяславу. Германскій императоръ не спускаетъ глазъ съ Руси, чтобъ обратить ее въ вассальное свое владѣніе. Болеславъ Польскій получаетъ отъ папы королевскую корону съ тѣмъ, чтобъ устремить свои силы на подчиненіе папскому престолу «русскихъ язычниковъ». Королевскую же корону предлагаютъ и нашимъ князьямъ—

за отступничество. Князя Ярослава дома женятся на иностранныхъ принцессахъ, съ которыми разныхъ заморскій людъ входитъ въ русскія семьи. Княжны выходятъ замужъ за иностранныхъ владѣтелей; назовемъ хотя трехъ дочерей Ярослава, вышедшихъ за королей французскаго, венгерскаго, норвежскаго; сестру Мономаха (неизвѣстно—родную или двоюродную), бывшую за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, бѣжавшую къ графинѣ Матильдѣ въ Канносу, судившуюся съ мужемъ передъ папою и соборомъ и умершую монахиней въ Россіи... Въ Кіевѣ видимъ пеструю толпу иностранцевъ, греческихъ художниковъ, сирійскихъ и армянскихъ врачей, Хозарь, Евреевъ изъ Тавриды, Нѣмцевъ и всякаго рода наемныхъ дружинниковъ датскихъ и свейскихъ. Всѣхъ привлекала въ Кіевъ—кого работа, ибо изъ Кіева требовались мастера всякаго рода и въ другіе города, кого торговля, кого щедрость и радушіе князей, кого веселая, вольная жизнь; чаровницы-жены кіевскія славились повсюду: Капуей для двухъ армій двоихъ польскихъ королей былъ этотъ свѣтлый Кіевъ... И слава о немъ разнеслась между народами: о немъ пишутъ Арабы и Нѣмцы; Адамъ Бременскій, знавшій его по наслышкѣ, называетъ его столицей, соперницей Константинопольскаго престола, красой и славой Греціи. О русскихъ мѣхахъ, которыми щеголяла современная знать въ Европѣ, онъ говоритъ, что ихъ жаждали всѣ такъ же пламенно, какъ и царствія не-

беснаго. Въ Нибелунгахъ, въ ихъ обработкѣ XII вѣка, между народами Атиллы упоминаются Кіевляне. Какъ бы въ отвѣтъ имъ, пѣвецъ Игоря говоритъ: «Нѣмци и Венецици (вѣроятно, Венеціане), Греки и Морава поють славу Святославу» (Всеволодовичу Кіевскому). При тѣсныхъ сношеніяхъ всякаго рода съ Венгріей, Польшей и другими славянскими землями, Русь — то-есть ея высшее общество — какъ бы входитъ въ общую семью европейскихъ народовъ: Галичь скоро потомъ въ ней запутывается... Поставленное въ такое положеніе это общество должно было выдвинуться своимъ образованіемъ и развитіемъ изъ народа; потребности, вкусъ, понятія его развивались; мы видимъ въ немъ моды, заимствуемыя не только изъ Греціи, но и съ Запада, на примѣръ латинскіе шлемы въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», какихъ-то шпилеровъ *) посреди гудцовъ и сопѣльниковъ. Но образованіе это, приливаясь изъ другихъ источниковъ, должно было отличаться отъ того, какое было въ монастыряхъ. Хотя въ XII вѣкѣ на Руси уже давно зажглись и сіяли эти свѣтильники вѣры и науки, но на свѣтскомъ обществѣ лучи ихъ еще скользили, такъ сказать, по поверхности. При появленіи духовнаго лица въ княжескую гридницу, князь убиралъ поспѣшно и плясуновъ, и «шпилеровъ», и всѣхъ своихъ потѣшниковъ, «иже въ

*) См. И. И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. X, стр. 648.

басни бають и въ гусли дудуть» и пѣсни поють. Съ точки зрѣнія святыхъ мужей, дворъ княжескій былъ полонъ соблазна не только въ томъ смыслѣ, что тамъ царствуетъ прелесть міра и обуреваютъ душу погибельныя страсти, но и потому, что онъ исполненъ былъ всякаго «поганьства», т.-е. язычества и иноземщины, и въ писаніяхъ своихъ они горько сѣтуютъ на то, что внѣ монастырскихъ стѣнъ господствуетъ еще полное двоевѣріе, то-есть, что рядомъ съ христіанскими вѣрованіями уживаются вѣрованія и обычаи языческіе. На разныхъ княжескихъ семействахъ XI и XII вѣковъ можно прослѣдить степени этого двоевѣрія, сравнивъ характеръ и судьбы князей, напримѣръ, дома Мономаха, сына греческой царевны, Святополка, женатаго на полковкой княжнѣ, Всеслава-кудесника, правнука гордой язычницы Рогнѣды, выросшаго въ Кривской землѣ, сосѣдней съ таинственнымъ литовскимъ язычествомъ. Къ сожалѣнію, по лѣтописямъ намъ трудно уловить истинную картину и колоритъ этого высшаго свѣтскаго общества, ибо лѣтописи ведены людьми, вполне отрѣшившимися отъ языческаго преданія, смотрѣвшими на событія своей земли съ точки зрѣнія христіанской догмы и византійской учености и притомъ писавшими лѣтописи не безъ назидательной цѣли. Но одна уже двойственность именъ князей (исчезающая только въ татарскій періодъ) указываетъ нагляднымъ образомъ на это двоевѣріе: церковь знаетъ Георгія, Михаила, Гав-

риила, Василя, а въ дружинѣ и въ народѣ это—Ярославы, Святополки, Всеволоды, Владиміры. О самихъ князьяхъ въ дружинѣ и въ монастырѣ судять различно. Житія упоминають укорительно напримѣръ о князѣ Ростиславѣ (братѣ Мономаха), который застрѣлилъ инока, за что послѣдній и предрекъ ему лютую смерть: князь утонулъ; пѣвецъ же Игоря посвящаетъ этому князю нѣсколько весьма сочувственныхъ словъ... Наконецъ самъ Игорь въ «Словѣ» и тотъ же Игорь въ лѣтописи: это два совершенно разныхъ лица.

Въ этомъ-то обществѣ, выдѣлившемся изъ почти совсѣмъ языческаго народа, но съ нимъ тѣсно связанномъ преданіями и обычаями, развитомъ вслѣдствіе своего политическаго положенія, озаренномъ сверху христіанствомъ; въ обществѣ, вѣроятно, большею частью грамотномъ (князья пишутъ другъ другу письма, собирають книги, многіе, по извѣстіямъ, собраннымъ у Татищева, знаютъ по гречески и по латыни)—пѣвцы съ незапамятныхъ временъ были необходимыми членами. Еще М. П. Погодинъ выразился, что съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ нашихъ князей, окруженныхъ баянами-пѣвцами, какъ сѣверныхъ конунговъ, окруженныхъ скальдами. Какъ и калики переходіе, эти пѣвцы тоже проводили жизнь свою въ странствованіяхъ, но или въ свитѣ князей, или переѣзжая отъ двора къ двору, отъ князя къ князю, знали такъ же Русскую землю, какъ и

калики, но съ другой стороны: они знали Русь политическую, всѣхъ князей современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и ихъ исторію, но опять не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ баяновъ стараго времени, по рассказамъ дружинниковъ — по памяти народной.

Отъ этого взглядъ ихъ и лѣтописцевъ на этихъ князей часто расходился, и едва ли же не на ихъ сторонѣ было болѣе вѣрное пониманіе дѣлъ на Руси—судя по тому, какъ этотъ взглядъ выражается у пѣвца Игорева. «Славить, пѣть славу» хозяину и гостямъ—старинный обычай славянскихъ народовъ; хвалиться славой отца и дѣда, т. е. подвигами ихъ, воспѣтыми пѣвцами (побѣждаютъ, «звонячи въ правдѣдную славу»), вотъ на что нужны были князьямъ пѣвцы, они переманиваютъ ихъ въ свой дворъ, чествуютъ ихъ, ссорятся съ ними. Пѣвцы эти, разумѣется, находятся въ тѣснѣйшей зависимости съ опускающимся или поднимающимся уровнемъ образованія среды, въ которой живутъ,— и вотъ въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ «Словѣ о Полку Игоревѣ». Мы видимъ въ немъ, что пѣвецъ выражается о соловьѣ стараго времени, о Баянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, и относится къ знаменитости прежняго времени съ уваженіемъ, но уже какъ къ знаменитости устарѣвшей, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка—

къ Державину. По описанію пѣвца Игорева видно, что пѣснь Баяна была въ родѣ пѣсни скальда или сербскаго гусляра, импровизовавшаго ее тотчасъ по совершеніи подвига, который предстояло воспѣть: возлагалъ Баянъ персты на вѣщія струны, и струны сами рокотали славу князьямъ; мыслью своею онъ, какъ орелъ, ширялъ по поднебесью и сѣрымъ волкомъ рыскалъ по чистому полю. Баянову творчеству пѣвецъ противопоставляетъ свой литературный періодъ, «былины сего времени», и изъ его «Слова» мы можемъ видѣть, каковы эти былины. Пѣвецъ очевидно уже силенъ въ книжномъ ученіи; не чуждъ, можетъ быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями,—если не изъ первыхъ рукъ, то, можетъ быть, чрезъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Это явствуется изъ его введенія—обращенія къ Баяну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ; изъ отступленій, не мѣшающихъ однако стройному расположенію частей; можетъ быть, изъ болѣе осмысленнаго олицетворенія миѳическихъ существъ (въ дѣвѣ Обидѣ); изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игора, одареннаго имъ всею прелестью образа Гектора, Святослава Кіевскаго—этого Пріама его пѣсни: изъ грамматическаго строя рѣчи, и наконецъ изъ самой внѣшней формы поэмы, которая очевидно *писана*, и писана мѣрною прозой, приспособлявшеюся вѣроятно къ пѣнью, по образцу,

можетъ быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы *).

Эта пѣснь—есть одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему она занимаетъ такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, бдѣшею частью исходившихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главною причиною ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія **), сквозящія сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ инокъ, въ своемъ пересказѣ. Лѣтопись о древнѣйшихъ временахъ—о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и пр. очевидно написана по пѣснямъ, которыя сложены были въ свое время пѣвцами дружины ***). Вѣкъ Ярослава и дѣтей

*) Высказываю здѣсь мое предположеніе о внѣшней формѣ «Слова», потому что вопросъ, какъ оно писано, прозой или стихами, долго занималъ нашихъ критиковъ, и всѣ строили множество догадокъ: собственно тутъ ни проза, ни стихи. Мнѣ кажется, что если читать «Слово» нараспѣвъ, то мы болѣе всего подошли бы къ настоящему дѣлу.

***) См. Бестужева-Рюмина: О Составѣ Русскихъ Лѣтописей.

***) Не странно ли видѣть восхваленіе Ольгиной мести въ христіанскомъ лѣтописцѣ, цѣлкомъ переносимомъ и въ учебники, какъ доказательство ея мудрости.

его—вѣкъ знаменитаго Баяна... Гг. Буслаевъ и Шевыревъ воспользовались всѣми данными, чтобы возстановить образъ этого Державина древней Руси: нельзя ли въ лѣтописи найти еще нѣсколькихъ чертъ? Всматриваясь въ лѣтопись объ его временахъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней тамъ и сямъ мелькають чудныя поэтическія черты и цѣлыя картины. Вспомнимъ хоть бой Мстислава съ Редедей, или бой того же Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ, — ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ красавецъ Якунь, потерявшій въ битвѣ свою луду златую (золотой плащъ)—все это, можетъ быть, сквозь мракъ вѣковъ, сквозь монашескую призму лѣтописца, сгладившаго въ этой пѣснѣ все языческое, замѣнившаго въ ней воззванія къ Перуну, къ Дажьбогу и пр. воззваніями къ Пресвятой Богородицѣ, все это, можетъ быть, дошедшіе до насъ отблески Баяноваго пѣснотворства... Чѣмъ дальше идетъ лѣтопись, тѣмъ очевидно все полнѣе и шире матеріалъ подъ рукой лѣтописца. Попадаются цѣлыя мѣста, просто переписанныя имъ съ свѣтскаго пѣвца, напримѣръ, прелестный рассказъ о гудцѣ, загнанномъ за Кавказскія горы съ толпой Половцевъ Владиміромъ Мономахомъ; многія мѣста въ рассказѣ войнъ послѣдняго; въ рассказѣ о Липецкой битвѣ; объ Изяславѣ Мстиславичѣ, и пр.

Но кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы княжескихъ

пѣвцовъ ощутимы еще въ пѣсняхъ народныхъ. Въ Сборникѣ Рыбникова есть цѣлый отдѣлъ пѣсенъ удѣльнаго періода или княжескихъ. Это, безъ сомнѣнія, творенія княжихъ пѣвцовъ, перешедшія позже въ уста пѣвцовъ народныхъ, въ которыхъ они потеряли свой литературный типъ, приблизясь къ общебылинному складу, перепутались въ собственныхъ именахъ, и вообще въ теченіе вѣковъ сгладились въ своихъ особенностяхъ, какъ круглятся и сглаживаются камни, катимые водою. По одному отрывку Волинской лѣтописи, мы можемъ, напримѣръ, заключить, что Романъ Галицкій, современникъ Сѣверскихъ князей, воспѣтъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», былъ воспѣтъ въ такой же поэмѣ, къ которой принадлежитъ вѣроятно и отрывокъ о гудцѣ Половецкомъ, и что многое изъ этой поэмы вошло въ лѣтопись. Въ Сборникѣ Рыбникова есть былина «о двухъ Ливикахъ», въ которой, сквозь общія былинныя краски, ясно проглядываетъ ея основа—эта пѣснь, и очень еще живо сохранился грозный образъ Романа, хотя онъ вмѣсто Мстиславича и названъ Дмитріевичемъ, и вмѣсто Волинскаго или Галицкаго, названъ княземъ Московскимъ. Наказавъ литовскихъ князей, онъ отпускаетъ ихъ и говоритъ:

«Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
Что Московскій князь Романъ Дмитріевичъ
Старостью не старѣетъ,
Голова его не сѣдатѣтъ,

Сердце его не ржавѣтъ,
Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ!»

Таково же, вѣроятно, происхождение и пѣсни «о Настасѣ, королевишнѣ Политовской» и тоже «о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой», подновленныхъ потомъ въ пѣсни «о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ»; пѣсенъ: «о князѣ Михаилѣ» (которую г. Чаевъ воспроизвелъ въ своей драмѣ «Свекровь»), «о смерти княгини Михайловны», и пр.

Нельзя довольно нарадоваться, что хоть одна пѣснь изъ этой литературы — «Слово о полку Игоревѣ», дошла до насъ! Въ ней одной, можетъ быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоценныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ея бурнымъ кипѣніемъ! Одинъ языкъ «Слова о Полку Игоревѣ», кованый, сжатый, сильный, живописный, рисуетъ намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежитъ пѣвецъ. И какое это было поколѣніе! Правда, государственная связь областей въ то время рушилась, но не оттого ли и рушилась она, что то былъ вѣкъ могучихъ личностей? Болѣе могучіе между ними не поддались однако, не дали погибнуть государственной идеѣ; одни, какъ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо, о которомъ пѣвецъ говоритъ: «ты можешь Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами выльяти», уходить на лѣсной сѣверъ, и

укрѣпляясь тамъ, борятся за государственное начало, пытаясь подобрать подъ свою руку князей удѣльныхъ. Другіе, какъ, напримѣръ, Романъ Галицкій, «высоко возлетающій въ замыслахъ своихъ, что соколъ ширяясь на вѣтрахъ, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти», по выраженію пѣвца, — то же замышляетъ на югъ. Зоркій папа Иннокентій III, ревностию всѣхъ своихъ предшественниковъ стремившійся къ покоренію подъ десницу свою всего христіанскаго міра, разглядѣлъ издали этого Романа, и, льстя его честолюбію, обѣщаль, лишь бы онъ призналъ главенство папы, вѣнчать его королевскою короною и вознести надо всею Русскою землею посредствомъ меча св. Петра: «А такой ли мечъ у папы», отвѣчалъ Романъ, обнажая свой мечъ, и указывая на него: «доколѣ ношу его при бедрѣ, не нуждаюсь въ иномъ». Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Остроумъ Галицкій, что «горы Угорскія подперъ своими желѣзными полками», и отъ златаго престола котораго «по землямъ текутъ грозы»... За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), который навывъ «отъ юности своея не бояться никого, кромѣ Бога единого»... За этими князьями стоятъ, пожалуй, менѣе талантливыя, но не менѣе крѣпкіе мужи — какъ Святославъ Кіевскій, который возобновилъ времена и славу Мономаха, являсь грозою Половцевъ: налетѣвъ словно вихрь, онъ исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ ихъ когана, поганана Кобыка, и уналъ

Кобякъ въ золотую гридню его въ Кіевѣ плѣнникомъ; или какъ Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, со злата стола его былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и добылъ таки опять Кіевъ... Далѣе подрастаетъ Даниль Галицкій, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Этотъ Мстиславъ, между всѣми князьями XII и начала XIII вѣка, какъ-то выходитъ изъ общаго княжескаго склада, является всегда какимъ-то странствующимъ витяземъ земли Русской туда, гдѣ надобно кого-нибудь защитить. «Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего (Мстислава Храбраго) и всѣмъ Новгородцамъ: я пришелъ къ вамъ, слыша, что вы терпите насиліе отъ князей: жаль мнѣ стало своей отчины», говоритъ онъ, являясь въ Новгородѣ. Устроивъ побѣдами дѣла Новгородцевъ, онъ уходитъ отъ нихъ, говоря, что «у него есть дѣла на Руси». То идетъ ратью возстановлять поправное право старѣйшинства въ Суздальской землѣ, то ѣдетъ на югъ вырывать Галичъ изъ рукъ Венгровъ... Званія великокняжескаго не ищетъ, побѣждаетъ, но волостей не беретъ; воюетъ наконецъ въ Польшѣ, и погибаетъ отъ ранъ Богъ знаетъ за какое дѣло!.. Имя этого князя въ лѣтописяхъ часто попадаетъ рядомъ съ именами богатырей. «Вы знаете, каковъ есть Мстиславъ Мстиславичъ», говорилъ старый бояринъ Андрей Станиславичъ молодымъ князьямъ Юрью и Ярославу Всеволодовичамъ, «вы знаете, что ему отъ Бога храбрость дана паче

всѣхъ, и есть у него мужи храбрые зѣло, и великіе богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слышатъ на себѣ ранъ». Между этими богатырями находятся и Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, и Добрыня Рязаничъ Златой Поясъ (которые позже и появились въ былинахъ подъ именами Алеши Поповича со слугою же Екимомъ Ивановичемъ, и Добрыня Никитичъ *). Богатырей особенно много встрѣчается въ лѣтописяхъ этой эпохи; кромѣ двухъ названныхъ, ихъ семьдесятъ человѣкъ убито на Калкѣ. Не по образу ли ихъ сложился этотъ князь? Не связанъ ли былъ съ ними побратимствомъ? И жизнь его не подаетъ ли намъ повода къ разъясненію и того, что такое были эти богатыри, люди Божіи, какъ ихъ называли, богатыри, воспѣтые въ свое время пѣвцами и передавшіе потомъ свои имена мнѣческимъ героямъ Солнечной эпопей?

Вотъ современники «Слова о Полку Игоревѣ» и его пѣвца, въ кругу которыхъ приходилось ему пѣть... Я говорилъ только о князьяхъ: но духъ князей жилъ и въ ихъ дружинѣ. Понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ, чтобы заставить ихъ себя слушать, надобно было имѣть и срод-

*) Никита — родовое имя любимыхъ народомъ свойственникововъ Иоанновыхъ, бояръ Романовыхъ: не съ этихъ ли временъ оно и привязалось къ Добрынѣ и породнило его съ Владиміромъ? Не Романовы ли вообще послужили къ созданію типа былиннаго боярина, сподвижника Ильи Муромца, такъ какъ вообще та редакція былинъ, въ какой онѣ дошли до насъ, болѣе всего отражаетъ на себѣ время Иоанновъ.

ную имъ душу, самому быть этого закала, а закалъ этотъ такъ и звенить въ кованомъ языкѣ «Слова»... Но сколько еще чертъ въ этомъ «Словѣ», которыя возвышали умъ и сердце пѣвца, можетъ быть, надо всѣмъ его поколѣніемъ.

Кто же такой былъ этотъ пѣвецъ? Увы, извѣстій о немъ нѣтъ... но вся біографія его — въ его пѣсни... Нерѣдко у нашихъ критиковъ, рядомъ съ этимъ вопросомъ: кто былъ пѣвецъ? встрѣчается такое размышленіе: «Странно, что пѣвецъ для своей пѣсни избралъ незначительный и несчастный походъ Сѣверскихъ князей, когда, желая воспѣть бои Русскихъ съ Половцами, онъ могъ бы взять предметомъ своего пѣснопѣнія войны Владиміра Мономаха, болѣе громкія и болѣе дающія разгула фантазіи.» Но, вопервыхъ, пѣвецъ, можетъ быть, и сдѣлалъ очеркъ или поэтическую характеристику войнъ Мономаха въ той же пѣсни объ Игорѣ, судя по его словамъ: «почнемъ же, братіе, пѣснь сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря», но эта часть его поэмы для насъ потеряна *). Вовторыхъ: эти войны были, безъ сомнѣнія, въ свое время воспѣты: въ рассказѣ о нихъ лѣтописца сквозятъ и свѣтскія сказанія **). Но главное

*) См. примѣч. 3.

***) Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ рассказѣ встрѣчаются выраженія, обороты и образы, напоминающіе нашего пѣвца, т. е. манеру свѣтскихъ пѣвцовъ, напр.: «Половце выступиша яко борове велиціи и тьмами темъ обступали полки рускіе... Полки сразившимся челома тресну аки громъ (*тресну* — вспомнимъ: «вликну, стукну земля» въ

вопросъ, почему пѣвецъ выбралъ для пѣснопѣнія своего похода Игоревъ, разрѣшается самою поэмой. Вѣрность, реальность красокъ—эти стаи птицъ, провожающихъ войско; эти клекчущіе орлы, лисицы, брешущія на червленые щиты; эта чудная идиллія бѣгства Игоря, его рѣчь къ Донцу; эти дятлы, ползающіе по вѣтвямъ и тектомъ путь ему указующіе; этотъ вѣтеръ, шатающій вежи половецкія; этотъ скрипъ телегъ кочевниковъ, ночью, подобный крику всполошенныхъ лебедей; битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалкѣ посвѣчивающій своимъ золотымъ шеломомъ, — вся эта живая обстановка, взятая прямо съ природы — ясно говоритъ, что пѣснь объ Игорѣ не есть риторическое упражненіе на заданную тему. Вы чувствуете, пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода, да и плѣна, и тамъ, въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма. Только тамъ, вдали отъ родины, и долженъ былъ выработаться въ душѣ пѣвца, просвѣтленной несчастіемъ, тотъ объективный,

«Сл. о П. Иг.»), и бывшу соступу брани крѣпце, *Богъ вышній возрът* на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ...» Такъ и видишь, что въ мірской пѣсни это былъ тотъ же свѣтъ въ борьбѣ со тьмой, его окружившей, и явившійся Богъ вышній былъ Дажьбогъ, помогающій своему внуку... Картина русскихъ плѣнниковъ, влекомыхъ въ степь Половцами, изнуренныхъ и уязвляемыхъ на пути терніемъ, спрашивающихъ другъ друга: «ты изъ какого града, ты изъ какого села?»... и множество другихъ мелкихъ чертъ заставляютъ подозревать твореніе княжого пѣвца передъ глазами лѣтописца, который переводилъ его на свой монастырскій языкъ.

высокій взглядъ на дѣла Руси, страдающей, при единствѣ народа, отъ розни князей; тамъ должно было такъ живо заговорить его чувство любви къ родинѣ и сообщить душу его пѣсни. И въ какой же моментъ вдругъ въ его поэмѣ прорывается эта мысль и это чувство? Полки разбиты, Игоря ведутъ въ плѣнъ, и вотъ надъ полемъ битвы появляется мническая дѣва-Обида, какъ вопль падшихъ, преслѣдующій князя увлекаемаго въ плѣнъ. Ясно, что въ этомъ образѣ олицетворены терзанія и укоры Игоря самому себѣ, все, что сказалось въ долгихъ бесѣдахъ у пѣвца съ княземъ въ ставкѣ половецкой, чѣмъ князь такъ полюбился пѣвцу и чѣмъ такъ привлекателенъ въ его пѣсни. Той же мыслью и тѣмъ же чувствомъ освѣщенъ у пѣвца и образъ представителя Руси, великаго князя старца Святослава, на котораго издали устремлены очи плѣнниковъ, и отъ котораго они ждутъ себѣ спасенія. «Старику бѣ помолодѣть не диво», говоритъ Святославъ, «да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помощи». Онъ закликаетъ ихъ всѣхъ подняться за Русскую землю, за Игоревы раны; напоминаетъ имъ идеалъ временъ Мономаха, умѣвшаго направлять всѣхъ князей, всѣ силы Руси, на варваровъ. Во имя этого идеала онъ произноситъ судъ надъ тѣми князьями, которые, какъ Полоцкіе, какъ бы выдѣлились изъ единой Руси... Эпизодъ о Ярославѣ, какъ видѣлъ ее Игорь въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ, — даетъ поводъ пѣвцу очертить ея

образъ въ трогательныхъ жалобахъ, въ обращеніяхъ къ вѣтру, къ водѣ и солнцу (замѣтимъ мимоходомъ, что лѣтописецъ заставилъ бы ее обращаться съ молитвой къ Пречистой Дѣвѣ и Божьему заступничеству). Словомъ, все заставляеть насъ думать, что вся эта пѣснь возникла изъ міра мыслей и чувствъ, тамъ, въ степи, въ плѣну достигшихъ своей высшей напряженности и тѣмъ сдѣлавшихъ для пѣвца этотъ походъ важнѣе всѣхъ прежнихъ, болѣе счастливыхъ войнъ Русскихъ князей съ Половцами...

Намъ «Слово о Полку Игоревѣ» стало извѣстно съ 1795 года, когда отыскалъ его въ одномъ сборникѣ почтенный любитель старины графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ 1800 году графъ издалъ текстъ и свой переводъ. Недавно академикомъ Пекарскимъ найденъ въ бумагахъ Екатерины II другой списокъ, сдѣланный графомъ же для императрицы. Къ несчастію, самый сборникъ сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, и мы должны довольствоваться только этимъ новымъ спискомъ и изданіемъ Мусина-Пушкина; оригинальный списокъ принадлежалъ XIV столѣтію. Появленіе «Слова» въ печати сдѣлало эпоху въ нашемъ литературномъ мірѣ, особенно когда подлинность этой пѣсни скрѣпилъ своею подписью тогдашній нашъ историческій оракулъ въ Геттингенѣ—Шлецеръ. «У насъ свой Оссіанъ, у насъ были свои барды», повторялось на тысячи ладовъ.

Писались статьи и трактаты, и доказывалось, что «Слово о Полку Игоревѣ» удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ героической поэмы; отдѣльно толковали «о чудесномъ», необходимомъ элементѣ героическихъ поэмъ, объ умѣннѣи пѣвца пользоваться имъ. Но посреди хвалителей явились и скептики, отрицавшіе и Оссіана, и бардовъ, и всякую возможность такого литературнаго произведенія въ древней Руси, и видѣвшіе въ «Словѣ» позднѣйшую поддѣлку; полякъ Гудебскій, не обинуясь, объявилъ, что Мусинъ-Пушкинъ самъ сочинилъ эту пѣснь. Находили въ ней анахронизмы. Позже, Сенковскій видѣлъ въ ней даже галлицизмы. Война изъ-за «Слова» особенно разгорѣлась, когда во главѣ скептиковъ сталъ человѣкъ богатый знаніями — Каченовскій и перенесъ споръ изъ области эстетики въ область исторіи. Долго споръ былъ неравенъ. Неравенъ онъ былъ, когда Каченовскій царилъ на кафедрѣ Московскаго университета, а графъ Уваровъ привезъ на лекцію его Пушкина. «Вотъ, господа, сказалъ онъ студентамъ, указывая на Каченовскаго, — вотъ передъ вами наука, а вотъ, — указывая на Пушкина, — само искусство!» Каченовскій сталъ читать лекцію о «Словѣ о Полку Игоревѣ» и уничтожать его. Пушкинъ, давно желавшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержалъ и пустился защищать. «Помню», сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ *)—

*) Ив. Ал. Гончаровъ.

тотъ мой пріятель, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого очерка,—«помню, какъ сквозь сѣдины Каченовскаго проступалъ яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина»... Бой былъ неравенъ, судя по впечатлѣнію пріятеля: онъ и теперь еще, кажется, болѣе на сторонѣ профессора,—и не мудрено! Пушкинъ угадывалъ только чутьемъ то, что уже послѣ него подтвердила новая школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины «злого наука».

Не безъ робости рѣшаюсь напечатать свой трудъ, не смѣя самъ себя сказать, что я его кончилъ. Взглядъ, который я рѣшился выразить въ этомъ очеркѣ, взглядъ, ставящій «Слово» въ гармонію съ его временемъ, мнѣ кажется единственный, устраняющій возраженія противъ случайности его появленія въ XII вѣкѣ: не знаю, довольно ли ясно и убѣдительно съумѣлъ я его высказать. Рѣшаюсь печатать въ надеждѣ: не удостоится ли мои четырехлѣтнія занятія «Словомъ» вниманія и замѣчаній отъ людей болѣе меня знающихъ. Мною приняты были за основаніе сводный текстъ обоихъ списковъ, сдѣланный г. Пекарскимъ. Онъ писанъ въ строку, безъ красныхъ строкъ, безъ дѣленій на главы, введенныхъ прежними издателями. Я старался по

возможности сохранить слова и выраженія подлинника; если допускалъ прибавку лишнихъ словъ, то имѣя въ виду одно: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который имѣлъ въ виду пѣвецъ, и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка; пѣвцу для того довольно было двухъ-трехъ чертъ, ибо онъ говорилъ ихъ языкомъ, ихъ метафорами, ихъ понятіями и преданіями. Впрочемъ, эти прибавки касаются почти только однихъ «темныхъ» мѣстъ «Слова», которыя каждый толкуеть по своему.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ, — (1)
Пѣснь о храброй Игоревоу рати
И о немъ, о сынѣ Святославѣ!
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гонаясь мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился, (2)
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ, ширялъ подъ облаками!
Какъ вспомнить брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустить
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку:
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь, —
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что въ бою зарѣзалъ,

Поборовъ, Касожскаго Редедю,
 Аль о славномъ о Романѣ Красномъ...
 Но не десять соколовъ то было;
 Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
 И князьямъ, подъ вѣщими перстами,
 Сами струны славу рокотали!..

Поведемъ же, братія, сказанье
 Отъ временъ Владиміровыхъ древнихъ,
 Доведемъ до Игоревой брани,
 Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
 Наострилъ отвагой храброй сердце,
 Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
 И за землю Русскую дружину
 Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ. (3)

- * У Донца былъ Игорь, только видитъ —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И возрѣлъ на свѣтлое онъ Солнце —
- * Видитъ: Солнце — что двурогій мѣсяць,
- * А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
- * Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли,
- * У людей въ глазахъ позеленѣло.
- * «Не добра ждаты» — говорятъ въ дружинѣ.
- * Старики поникли головами:
- * «Быть убитымъ намъ или плѣненнымъ!»

Князь же Игорь: «Братья и дружина,
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
* «Но кому пророчится погибель —
* «Кто узнаеть, намъ или поганымъ?
«А посядемъ на коней на борзыхъ,
«Да посмотримъ синяго-то Дону!»
Не послушалъ знаменья онъ Солнца,
Распаясь взглянуть на Донъ великій! (4)
«Преломить копье свое», онъ кликнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
«На концѣ невѣдомаго поля!
«Или съ вами голову сложити,
«Иль испить златымъ шеломомъ Дону!»

О, Боянь, о, вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бѣ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орломъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ доль на горы, (5)
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
То не стаи галчьи побѣжали

Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внуку Велесовъ!..

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенить во Киевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги *) красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвить:
«Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
«Святослави мы сыны, два брата!
«Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
«А мои осѣдланы ужь въ Курскѣ!
«И мои Куряне ль не смышлены!
«Повиты подъ бранною трубою,
«Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
«Со юнца копья они вскормлены! (6)
«Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
«Луки туги, тулы отворѣны,
«Остры сабли крѣпко отточѣны,
«Сами скачуть словно волки въ полѣ,
«Алчуть чести, а для князя славы!..»

И вступилъ князь Игорь во златъ стремя,
И дружины двинулись за княземъ.

*) Стягъ—знамя.

Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла — та взвыла, застонала,
И грозою птицъ поразила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по стени;
Высоко поднявшись по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая (7)
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Суду, на Волгу и Поморье,
На Корсунъ и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отсюда
Отъ телегъ ихъ скрипъ пошелъ, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держить,
А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, своимъ зловѣщимъ клеткомъ,
По стенимъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Переваль давно переступила! (8)

Ночь рѣдѣетъ. Бѣль разсвѣтъ проглянулъ,
По стени туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекоть соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряними щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

И въ пятокъ то было; съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю рассыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аksamиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорьъ,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.

Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло!
«Не родились, знай, мы на обиду
«Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кречеть,
«Ни тебѣ, золь вѣронъ Половчанинъ...»

А ужь Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ навстрѣчу...

И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори..
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... (9)
Синія въ нихъ молніи трепещутъ..
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю каменными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы Половчанъ поганыхъ!

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Переваль давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужь наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ..
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамена плещутъ..
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ..
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду! (10)

Отовсюду бѣсовы ищады
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готова,
Подняла щиты свои багряны. (11)

Ярый туръ ты, Всеволодъ! стоишь ты
Впереди съ Курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьихъ воевъ,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ, —
Тамъ валятся головы поганыхъ,
Тамъ трещать аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужь онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай! (12)

Были вѣки темнаго Трояна, (13)
Ярослава годы миновали;
Были брани храбраго Олега...
Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ крамолу,

Сѣяль стрѣлы по землѣ по Русской...
Затрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани:
Слышалъ трубы Всеволодъ Великій, (14)
И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одръ его сложила
На зеленомъ полѣ у Канина... (15)
Палъ младъ князь, палъ храбрый Вячеславичъ,
За его жь, за Ольгову обиду!
И съ того зеленого же поля,
На своихъ угорскихъ иноходцахъ,
Ярополкъ увезъ и отче тѣло (16)
Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ.
И тогда жь, въ тѣ злые дни Олега,
Сѣялось крамолой и ростилось
На Руси отъ внуковъ Гориславы; (17)
Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки челоувѣкамъ...
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не слыхано отъ вѣка!

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлють остры сабли о шелома,
Съ трескомъ копья ломаются булатны,
Среди невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси — горемъ!..

Что шумить-звенить передъ зарею?

Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужъ бьются!
Третій день къ полудню ужъ подходить:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялъ быстрой разлучились...
Ужъ у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попили сватовъ да и сами

Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...

Невеселый часъ насталь, о, братья!
Ужь пустыня скрыла поле боя,
Гдѣ легла Дажьбожья внука сила —
Но надъ ней стоитъ ея Обида...
Обернулась дѣвою Обида,
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины,
И крылами плещуци у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала: (18)

«Отъ усобиць княжихъ — гибель Руси!
«Братья спорять: тѣ мое и это!
«Золь раздоръ изъ малыхъ словъ заводять,
«На себя кують крамолу сами,
«А на Русь съ побѣдами приходятъ
«Отовсюду вороги лихіе!

«Залетѣль далече, ясный соколь,
«Загоняя птицъ ко синю морю, —
«А полка ужъ Игорева нѣту!
«На всю Русь поднялся вой поминокъ, (19)
«Поскочила Скорбь отъ веси къ веси,

«И, мужей зова на тризну, мечеть
«Имъ смолой пылающіе роги...
«Жены плачуть, словно причитають:
«Ужь ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!
«Ужь ни думой ладъ своихъ не сдумать,
«Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
«Златомъ, серебромъ намъ уже не звякнуть!»

«Стонеть Кіевъ, тужить градъ Черниговъ, (20)
«Широко печаль течеть по Руси;
«А князья кують себѣ крамолу,
«А враги съ побѣдой въ селахъ рыщуть,
«Собирають дань по бѣлкѣ съ дыму...
«А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
«То они зло лихо разбудили:
«Усыпиль было его могучій
«Святославъ, князь Кіевскій великій...
«Былъ грозой для хановъ половецкихъ!
«Наступиль на землю ихъ полками,
«Притопталъ ихъ холмы и овраги,
«Возмутиль ихъ рѣки и озера,
«Изсушилъ потоки и болота!
«А того поганаго Кобяка,
«Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
«Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья —

«И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
 «Въ золотую гридню къ Святославу...
 «Нѣмцы, Греки и Венеціане,
 «И Морава хвалятъ Святослава,
 «И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
 «Что на днѣ Каялы половецкой
 «Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
 «Рѣку русскимъ золотомъ засыналъ,
 «Да на ней же самъ съ сѣдла златаго
 «На сѣдло кощей *) пересаженъ»..

Въ городахъ затворены ворота. (21)
 Пріумолкло на Руси веселье.
 Смутенъ сонъ приснился Святославу.

«Снилось мнѣ», онъ сказывалъ боярамъ, —
 «Что меня, на кипарисномъ ложѣ, (22)
 «На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, охъ, чернымъ
 «Одѣвали съ вечера покровомъ;
 «Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
 «Изъ поганныхъ половецкихъ туловъ
 «Крупный жемчугъ сыпали на лоно;
 «На меня, на мертвеца, не смотрятъ, —
 «Въ терему жь золотоверхомъ словно

*) Кощей — рабъ, плѣнникъ.

«Изъ конька повыскочили доски, —
«И всю ночь прокаркали у Пльнска,
«Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня, (23)
«На подольѣ, стаи черныхъ врановъ,
«Проносясь несмѣтной тучей къ морю»...

Отвѣчали княжии бояре:

«Умъ твой, княже, полонило горе!
«Съ златъ-стола два сокола слѣтѣли,
«Захотѣвъ испить шеломомъ Дону,
«Поискать себѣ Тмуторокани.
«И подсѣкли Половцы имъ крылья,
«А самихъ опутали въ желѣза!
«Въ третій день внезапно тьма настала!
«Оба солнца красныя померкли,
«Два столба богряные погасли,
«Съ ними оба тьмой поволоклися
«И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
«На веселье ханамъ половецкимъ,
«Молодые мѣсяцы, два свѣта —
«Володиміръ съ храбрымъ Святославомъ! (24)
«На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
«И простерлись Половцы по Руси,
«Словно люты пардусовы гнѣзда!
«Ужь хула на славу нанеслася,

«Зла нужда ударила на волю,
«Черный Дивъ повергнулся на землю,
«Радъ, что дѣвы готскія запѣли
«По всему побережью синя моря!
«Золотомъ повзаниваютъ русскимъ,
«Прославляютъ Бусовы побѣды (25)
«И лелѣютъ месть за Шарукана...
«До веселья ль, княже, тутъ дружинѣ!»

Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
«Сыновцы (26) мои вы дорогіе!
«Не въ пору искать пошли вы славы
«И громить мечами вражью землю!
«Ни побѣдой, ни пролитой кровью
«Для себя не добыли вы чести!
«Да сердца-то ваши удалыя
«На огнѣ скованы на лютомъ,
«Во отвагѣ буйной закалены!
«Что теперь вы, дѣти, сотворили
«Съ сѣдиной серебряной моею?
«Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава! (27)

«Онъ ли сильный, онъ ли многоратный,
 «Со своей черниговской дружиной! —
 «А его Могуты и Татраны,
 «Топчаки, Ревуги и Ольберы,
 «Тъ съ ножами, безъ щитовъ, лишь кликомъ,
 «Бранной славой прадѣдамъ ревнуя,
 «Побѣждаютъ полчища и рати...
 «Вы жь возмнили: сами одолѣемъ!
 «Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
 «Да и ту, что добыли ужь дѣды!..

«Старикъ бѣ помолодѣть не диво!
 «Вьетъ гнѣздо соколь и птицъ взбиваетъ,
 «Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
 «Да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помощи!
 «Времена тяжелыя настали: (28)
 «Крикъ въ Ромнахъ подь саблей половецкой!
 «Володиміръ ранами изъязвленъ,
 «Стонеть, тужить Глѣбовичъ удалый...
 «Что жь ты, княже, Всеволодъ великій! (29)
 «И не въ мысль тебѣ перелѣгти,
 «Издалека поблюсти столь отчій?
 «Могъ бы Волгу веслами разбрызгать,
 «Могъ бы Донъ шеломами расчерпать!
 «Будь ты здѣсь, да Половецъ толпою

«Продавали бѣ — дѣвка по ногатѣ,
«Смердь-кощей по рѣзани пошелъ бы!
«Вѣдь стрѣлять и по суху ты можешь —
«У тебя живые самострѣлы —
«Двое братьевъ, Глѣбовичей храбрыхъ! (30)

«Ты, буй Рюрикъ, ты, Давидъ удалый! (31)
«Вы ль съ дружиной по златые шлемы
«Во крови не плавали во вражьей?
«Ваши ль рати не рычатъ по степи,
«Словно туры, раненые саблей!
«Ой, вступите въ золотое стремя,
«Распалитесь гнѣвомъ за обиду
«Вы за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!

«Остромыслъ ты вѣнцій, Ярославе... (32)
«Высоко на золотомъ престолѣ
«Возсѣдаешь въ Галичѣ ты крѣпкомъ!
«Подперъ ты своей желѣзной ратью
«Что стѣной, Карпатскія угорья;
«Заградивъ для короля дорогу,
«Затворивъ ворота на Дунаѣ,
«Черезъ тучи сыпя горы камней
«И судя до самага Дуная!
«И текутъ отъ твоего престола

«По землямъ на супротивныхъ грозы...
«Отворяешь въ Кіевѣ ворота,
«Мечешь стрѣлы за земли въ салтановъ!..
«Ахъ, стрѣлай въ поганого кощея,
«Разгроми Коңчака за обиду,
«Встань за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!..

«Ты, Романъ, съ своимъ Мстиславомъ вѣрнымъ! (33)
«Смѣло мысль стремить вашъ умъ на подвигъ!
«Ты могучій, въ замыслахъ высоко,
«Возлетаешь, что соколъ ширяя
«На вѣтрахъ, надъ вѣрною добычей..
«Грудь у васъ изъ-подъ латинскихъ шлемовъ
«Вся покрыта кольчатою сѣткой!
«Передъ вами трепетали земли,
«Потрясались Хиновскія страны,
«Деремела жъ, Половцы съ Литвою
«И Ятвяги палицы бросали
«И во прахъ кидались передъ вами!
«Свѣтъ, о князь, отъ Игоря уходитъ! (34)
«Не на благо листъ спадаетъ съ древа!
«По Роси, Сулѣ врагъ грады дѣлать,
«А полку ужъ Игорева нѣту!
«Донъ зоветъ, Романъ, тебя на подвигъ,

«Всѣхъ князей сзываетъ на побѣду,
«А одни лишь Ольговичи вняли
«И на брань, на зовъ его, dospѣли...

«Ингварь, Всеволодъ, и вы, три брата,
«Вы, три сына храбраго Мстислава, (35)
«Не худа гнѣзда птенцы крылаты!
«Отчинъ вы мечомъ не добывали —
«Гдѣ же ваши шлемы золотые?
«Аль ужъ нѣтъ щитовъ и лясскихъ палицъ?
«Заградите острыми стрѣлами.
«Ворота на Русь съ широкой степи!
«Потрудитесь, князи, въ полѣ ратномъ,
«Всѣ за землю Русскую родную.
«За живыя Игоревы раны!..

«Ужь не той серебряной струею
«Потекла Сула къ Переяславлю,
«И Двина пошла уже болотомъ,
«Взмущена врагомъ, подъ грозный Полоцкъ!
«Услыхалъ и Полоцкъ крикъ поганыхъ!
«Изяславъ булатными мечами
«Позвонилъ одинъ о вражьихъ шлемы,
«Да разбилъ лишь дѣдовскую славу,
«Самъ сраженъ литовскими мечами

«И изрубленъ на травѣ кровавой,
 «Подъ щитами красными своими!
 «И на томъ одрѣ на смертномъ лежа, (36)
 «Самъ сказалъ: «Вороньими крылами
 «Приодѣлъ ты, князь, свою дружину,
 «Полизать звѣрямъ ея даль крови!»
 «И одинъ, безъ брата Брячислава,
 «Безъ другаго Всеволода-брата,
 «Изронилъ жемчужную онъ душу;
 «Изронилъ, одинъ, изъ храбра тѣла,
 «Сквозь свое золотое ожерелье!..
 «И поникло въ отчинѣ веселье,
 «Въ Городѣхъ трубятъ печально трубы...

«Всѣ вы, внуки грознаго Всеслава,
 «Опустите ваши красны стяги,
 «И въ ножны мечи свои вложите:
 «Вы изъ дѣдней выскочили славы!
 «Въ вашихъ сварахъ первые вы стали
 «Наводитъ на отчій край поганыхъ!
 «И отъ васъ не лучше половецкихъ,
 «Таковы жъ насилья были Руси! (37)
 «Загадалъ о дѣдинѣ любезной
 «Тотъ Всеславъ, на Кіевъ жребій бросилъ,
 «На коня вскочилъ онъ и помчался,

«Да лишь древкомъ копія добился
«До его престола золотого! (38)
«Въ ночь бѣжалъ оттуда лютымъ звѣремъ,
«Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
«Утромъ билъ ужь стѣны въ Новѣградѣ,
«Ярослава славу порушая...
«Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ,
«Отъ Дудутокъ на рѣку Нѣмигу... (39)
«Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,
«Человѣчьи головы кидаютъ!
«Не цѣпами молотятъ, мечами!
«Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
«Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
«Охъ, не житомъ сѣяны, костями
«Берега кровавые Нѣмиги,
«Все своими русскими костями!..
«Днемъ Всеславъ суды судилъ народу,
«И ряды рядилъ между князьями,
«Въ ночь же волкомъ побѣжить, бывало,
«Къ пѣтухамъ въ Тмуторокань поспѣеть,
«Хорсу путь его перебѣгая! (40)
«Да! ему заутреню, бывало,
«Зазвонятъ у Полоцкой Софін,
«Онъ же звонъ у Кіевской ужь слушалъ.
«А хотя и съ вѣщею душою

«Быль, великій, въ богатырскомъ тѣлѣ, (41)
 «Все жь бѣды терпѣль таки не мало!
 «Про него и спѣль Боянъ припѣвку:
 «Будь хитерь-гораздъ, летай хоть птицей,
 «Все суда ты Божьяго не минешь!

«Охъ, стонать землѣ великой Русской,
 «Про князей вспоминая давнихъ,
 «Вспоминая прежнее ихъ время!
 «Да нельзя жь вѣдь было пригвоздити
 «Ко горамъ ко Кіевскимъ высокимъ
 «Старика Владиміра на вѣки!
 «По рукамъ пошли его знамена (42)
 «И ужь розно машуть бунчуками,
 «Розно копыя пѣтъ пошли по рѣкамъ!» (43)

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
 Тамъ, въ землѣ незнаемой, по утру
 Ранымъ-рано ласточкой щебечеть: (44)
 «По Дунаю ласточкой помчусь я,
 «Омочу бибрянъ рукавъ въ Каялѣ,
 «Оботру кровавы раны князю,
 «На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ!..»

Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
 На стѣнѣ стоитъ и причитаеть:

«Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
«Что ты вѣшь, что на легкихъ крыльяхъ
«носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ ладѣ!
«Въ небесахъ, подѣ облаки бы вѣялъ,
«По морямъ кораблики лелѣялъ,
«А то вѣшь, вѣшь—развѣваешь
«На ковыль-траву мое веселье...»

Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаеть:

«Ты ли, Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Славутичь!
«По землѣ прошелъ ты Половецкой,
«Пробивалъ ты каменныя горы!
«Ты ладѣ лелѣялъ Святослава,
«До земли Кобяковой носилъ ихъ...
«Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладѣ,
«Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
«По сырмъ зорямъ на сине море!..»

Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаеть:

«Свѣтлое, тресвѣтлое ты Солнце, (45)
«Ахъ для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
«Что жъ ты, Солнце, съ неба устремило

«Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
«Жаждой ихъ. томишь въ безводномъ полѣ,
«Сушишь-гнешь несмоченные луки,
«Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглою встають, идуть смерчи морскіе:
Кажеть богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.

Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спить, не спить, крылатой мыслью
Мѣрять поле ко Донцу отъ Дона.
За рѣкой Овлуръ къ полночи свищеть,
По коня онъ свищеть, повѣщаеть:
«Выходи, князь Игорь, изъ полона».

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи, (46)
И шатаеть вежи половецки:
Шелестить-шуршитъ ковыль высокій,
И шумить-гудить земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряеть,
На быстра добра коня садится;

По лугамъ Донца что волкъ несется;
Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманяхъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.

Что соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужъ лихихъ коней давно загнали.

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ, (47)
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьи свистъ зори повѣщаютъ...

Говоритъ Донецъ: «Охъ, князь ты Игорь!
«Величанья жъ ты себѣ да добылъ,
«А Кончаку всякаго проклятъ,
«Русской всей землѣ свѣтлѣ веселья!»

Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли тихоструйный!
«И тебѣ да будетъ величанье,
«Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
«Зелену траву мнѣ стмалъ въ постелю
«На своемъ серебряномъ побережѣ,

«Теплой мглою на меня ты вѣялъ
 «Подъ темной зеленою ракитой;
 «Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
 «На струяхъ—чиркомъ, на вѣтрахъ—чайкой...
 «Вотъ Стugna, о, Донче, не такая! (48)
 «Какъ пожреть-попеть ручьи чужіе,
 «По кустамъ, по доламъ разольется...
 «Ростислава-юношу пожрала,
 «На Двѣпрѣ жь, на темномъ побережьѣ,
 «Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ;
 «Приуныли съ жалости цвѣточки,
 «Дерева съ печали приклонились...»

Не сороки—чу!—застрекотали:
 Ёдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.

Молвить Гзакъ Кончаку на погонѣ:
 «Коль соколъ къ гнѣзду летить, урвался,
 «Ужь младà соколика не пустимъ,
 «А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
 «Разстрѣляемъ стрѣлами златыми».

И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:
 «Коль соколъ къ гнѣзду летить, урвался,
 «Сокольца опутаемъ потуже
 «Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей». (49)

Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвить:
 «Коль опутать красною дѣвицей,
 «Не видать ни сокольца младого,
 «Не видать ни красной намъ дѣвицы;
 «А ихъ дѣтки битъ почнуть насъ въ полѣ,
 «Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ».

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ, (50)
 Ярослава пѣвшій и Олега,
 Такъ-то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
 «Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
 «Горе тѣлу безъ главы разумной».
 И землѣ такъ горько было Русской
 Безъ удала Игоря, безъ князя...
 Агъ на небѣ солнце засвѣтило:
 Игорь-князь въ землѣ ужъ скачетъ Русской.
 На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
 Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
 Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держить,
 Ко святой иконѣ Пирогощей.
 Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
 Всѣ князей поютъ и величаютъ
 Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ;
 Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!
 Буй-туръ-свѣту-Всеволоду—слава!

Володиміръ Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье. князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!

Слава князьямъ и дружинѣ!

Аминь.

1889.

Объяснительныя примѣчанія къ тексту „Слова о Полку Игоревѣ“.

(1) См. прим. 3.

(2) *Растекается мыслию по древу.* Я принялъ толкованіе тѣхъ, которые читаютъ здѣсь *мыслию*, а не *мыслью*, и по *древу* перевелъ: по лѣсу. Но это, кажется, не такъ. *Во-первыхъ*: что касается до *древа*, я думаю, что здѣсь должно разумѣть не лѣсъ, не дерево, а совсѣмъ другой образъ. По всей вѣроятности, пѣвецъ тутъ имѣлъ въ виду то мифическое дерево, которое, по преданіямъ всѣхъ арійскихъ народовъ, росло въ царствѣ боговъ, на верху небеснаго свода, вѣтвями внизъ. По скандинавскимъ сагамъ, по этому дереву бѣгала съ земли на небо бѣлка (молнія), принося Одну вѣсти изъ сего міра. На вѣтвяхъ этого дерева растутъ золотыя яблоки (звѣзды), съ листьевъ каплетъ благотворная влага (роса), изъ-подъ корней бьютъ источники мѣдный, золотой и серебряный. Это преданіе лежитъ въ основѣ всѣхъ сказокъ о золотыхъ яблокахъ. (См. Аванасьева: Поэтич. Возвр. Славянъ на природу, т. II, гл. XVII). Въ одномъ изъ велико-русскихъ заклинаній встрѣчается тотъ же образъ: «На морѣ на Окіанѣ (на небѣ), на островѣ на Буянѣ, стоитъ бѣлая береза, внизъ вѣтвями, вверхъ кореньями»... (Зап. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, 1869, стр. 479).

То же мифическое древо слѣдуетъ понимать и тамъ, гдѣ говорится о Дивѣ: «*Дива кличетъ вверху древа*» и «*уже врыжеся Дива на землю*». Влетѣвъ на это древо, ночью, Дивъ кличетъ на всю незнаемую землю (степь), на Сулу и Волгу, на весь Новороссійскій, Донской и Прикаспійскій край, на все свое царство. Чтобы передать то, что воображалъ пѣвецъ въ этомъ кличѣ Дива, я передалъ это мѣсто такъ:

Высоко поднявшись по древу.

Точно также и въ характеристикѣ пѣсни Бояна было бы согласіе съ представленіемъ пѣвца перевести такъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
 Бѣгалъ векшей, на небо, по древу,
 Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
 Что орелъ ширялъ подъ облаками.

Во-вторыхъ: едва ли слѣдуетъ считать за опіску во фразѣ: *растается мыслию по древу* слово: *мыслию* и поправлять: *мыслю*, т. е. *блжкой*, векшей. Если понимать, что древо есть то мифическое древо, о которомъ я говорилъ, то не мудрено, что пѣвецъ сказалъ: Боянъ мыслю вознесился въ царство боговъ по этому небесному древу; это тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ прямо называетъ это древо *мысленымъ*, «скача словію по мыслену древу».

При такомъ толкованіи было бы еще вѣрнѣе выразить мысль пѣвца стихомъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
 Мыслью въ небо возлеталъ по древу, и пр.

(3) Что въ дошедшемъ до насъ спискѣ XIV вѣка въ этомъ мѣстѣ есть пропускъ, и весьма значительный—замѣчено уже г. Соловьевымъ (Ист. Россіи, т. III, стр. 110 и прим. 226, 3-го изд.). Пѣвецъ хотеть начать *повѣсть сію* отъ стараго *Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истяину умъ* и пр., а о Владимірѣ далѣе ни слова, и тотчасъ послѣ общаго риторическаго приступа (*иже истяину умъ*) начинается: *Тогда Игорь взъръ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече...* Когда же это *тогда?* послѣ чего? Ясно, что здѣсь не только недостаетъ разсказа о Владимірѣ, но и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала; его слова, непосредственно за симъ слѣдующія, «*и рече: мучежъ бы потяту быти, неже половеку быти*», очевидно тоже отвѣтъ на что-то. Въ лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ — безпокойство; говорятъ Игорю, что затменіе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ. Поэтому, въ переводѣ своемъ я это мѣсто дополнилъ изъ лѣтописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе.

Не был ли весь этот эпизод изложен слишком по язычески (не явился ли тутъ самъ Дажьбогъ)?—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XIV вѣка.

Фразу: *начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*, г. Соловьевъ объясняетъ такъ: сочинитель не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода Сѣверскихъ князей, но хочетъ предпослать ему старыя слова; эти же слова хочетъ изложить такъ, какъ пишутъ повѣсти теперь, т. е. въ его время (по былинамъ сего времени), а не «по замышленію Боянову», т. е. не такъ, какъ замышлялъ, задумывалъ, сочинялъ Боянь.

(4) *Спала ужъ похоть и жалость ему знаменіе заступы искусити Дону великаго*. Спала—т. е. охватила, древнечешское *spadnosti*; похоть—страсть, жалость—рвение.

(5) *Рица въ тропу Трояню*.

Что такое Троянь, упоминаемый четыре раза въ «Сл. о П. И.»,—вопросъ, еще не разрѣшенный нашими учеными. Изъ множества толкованій я остановился на тѣхъ данныхъ, которыя приводятъ г. Буслаевъ и г. Аванасьевъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе:

Разсматривая «Слово» и ища въ немъ самомъ какихъ-нибудь оттѣнковъ или намековъ, которые пояснили бы сколько-нибудь это выраженіе, я остановился на одномъ признакѣ, который можно принять уже за нѣчто положительное. Это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, говоря, что дѣва Обида вступила *на землю Трояню*, пѣвецъ продолжаетъ: она всплескала лебедиными крыльями *у Дону* плещучи...—Изъ этихъ словъ ясно географическое указаніе, что земля Трояня находится у Дона; вся эта мѣстность въ другихъ мѣстахъ «Слова» называется *поле неизнаемое, земля неизнаемая*; она же есть и поле Половецкое, по вынѣшнему, степь. Посмотримъ далѣе, какими красками она описывается. При выступленіи въ походъ тамъ *Диво* кличетъ върху древа, *велитъ послушать земли неизнаемъ*—Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскій болванъ»..., что дополняетъ объемъ земли Трояновой. Далѣе: идутъ *чорныя тучи*, хотягъ *прикрытъ четыре солнца* (князей); вѣтры, *Стрибожси вучки*, вѣютъ съ моря; дѣти *бтсовы* вликомъ поля прегородиша.. Бояре Святославы говорятъ, что тамъ два солнца *померкли*, и съ ними мо-

лодье мѣсяцы; на рѣкѣ Каятѣ тьма свѣтъ покрыла; повернулся Дивъ на землю... Изъ всѣхъ этихъ признаковъ видно, что въ «незнаемой» (она же Трояня) землѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыщутъ бѣсовы дѣти—Половцы, вѣютъ Стрибожьи вѣтры, словомъ, что тамъ все враждебно Руси, тамъ все злое, темное; по нѣкоторому народному выраженію, тамъ живетъ нечистая сила, всяческіе страхи, это Дивья земля. Въ противоположность ей, этой землѣ, эпические эпитеты Русской земли рисуютъ послѣднюю *світлою* Русской землей, гдѣ царствуетъ свѣтлый князь Красное Солнышко, впоследствии—бѣлый царь. Таковою, т. е. свѣтлою, представлялась въ языческой періодъ земля Дажьбожьихъ внуковъ, по принятіи христіанской вѣры сдѣлавшаяся крещеною, православною землею. Точно такой взглядъ на всѣ чудныя, языческія, «дивныя» земли сохранился у русскаго народа и гораздо позже, и очень опредѣленно высказался онъ въ житіяхъ святыхъ, удалявшихся въ мѣста дикія, гдѣ они вели борьбу съ царствовавшею тамъ нечистою, темною силою.

Итакъ Трояня земля будетъ незнаемая, обитаемая погаными дѣтьми бѣсовыми, исполненная враждебныхъ Руси темныхъ силъ. Это разъясненіе поможетъ намъ понять и вѣна Трояновы. Тутъ можетъ быть два толкованія. Во-первыхъ: до поселенія своего на Руси Славяне могли считать занятую ими землю тоже дикою, тѣмъ же царствомъ Дажьбожьего врага Трояня, и *вѣны Трояни* будутъ означать темныя времена, предшествовавшія ихъ пришествію въ эту землю. Вспомнимъ въ стихѣ о Егоріѣ храбромъ его пришествіе на Русь, представляющуюся ему дикою и не устроенною: онъ раздвигаетъ лѣса дремучіе, горы толкучія, велитъ рѣкамъ течь, вмѣсто людей встрѣчаетъ чудовищъ, волковъ съ человѣческими лицами, дѣвъ, обросшихъ древесною корою... Это темное царство, куда входитъ свѣтъ-Егоріѣ. Въ этой картинѣ должно, я думаю, видѣть, какъ представлялась Русь Славянамъ до ихъ пришествія, въ видѣ темнаго царства, гдѣ царилъ Троянь.—Другое толкованіе можетъ быть такое: если въ эпоху пѣвца Игоря начали перепутываться языческія понятія съ христіанскими, то царство темныхъ силъ на Руси онъ могъ считать продолжавшимся до крещенія земли, и, говоря: «были вѣны Трояни, минули гѣта Ярославли», различаетъ такимъ образомъ

языческую эпоху съ христіанскою. Въ сущности оба толкованія разнятся только опредѣленіемъ пункта, съ котораго считать свѣтлыми времена, съ пришествія ли Славянъ, или съ Ярослава, но, вѣроятно, и пѣвецъ не имѣлъ тутъ яснаго представленія.—Все доселѣ сказанное, безъ всякой, кажется, натяжки, вытекаетъ изъ воззрѣній пѣвца, но не имѣя какихъ-нибудь еще положительныхъ указаній о томъ, какое было у Славянъ лѣтосчисленіе до христіанства, по одному наведенію невозможно опредѣлить, что значитъ выраженіе: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», тѣмъ болѣе, что и самое мѣсто, гдѣ оно приводится, очевидно весьма плохо разобрано и самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ: въ Екатерининскомъ спискѣ, въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто *Трояни* стоитъ *Зояти*. За то: «рыща въ *тропу Трояню* чресъ поля на горы» объясняется ужь очень легко; пѣвецъ обращается къ Бояну и говоритъ: «тебѣ бы воспѣть эти полки, свивая славы обоимъ сего времени, т. е. тебѣ бы, Боянъ, пѣть эти полки, съ древнею славою свивая новую, и рыща по дорогамъ незнаемымъ, рыща по степи, изъ края въ край, обозрѣвая всю степь, все, что тамъ происходило, и что дѣлалъ Игорь, и какъ ополчалась на него темная сила».

Кто же такой этотъ Троянъ, именовъ котораго называется незнаемая, дикая земля? Въ отвѣтъ на это есть два толкованія, наиболѣе серьезныя. Во-первыхъ, въ сербскихъ легендахъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ и поясненныхъ г. Аванасьевымъ, Троянъ представляется духомъ тьмы, а именно, владыкой подземнаго царства, убѣгающимъ отъ Солнца; разъ онъ не успѣлъ укрыться и растаялъ... Сближая эти сказанія со сходными съ ними греческими и скандинавскими, г. Аванасьевъ выводитъ, что у Славянъ имя Трояна обозначаетъ великана—мракъ. «Какъ воплощеніе ночного мрака и тумановъ, Троянъ является съ заходомъ солнца и обнимаетъ землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба (или Солнца), но при разсвѣтѣ дня.. онъ исчезаетъ» (Поэт. Возвр. Сл., ч. II, стр. 644). Кромѣ нашего «Слова» и сербскихъ и болгарскихъ преданій, Троянъ упомянуть у насъ въ двухъ другихъ памятникахъ — въ «Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ» (по рукописи XVI вѣка) и въ «Хожденіи по мукамъ Пресв. Богородицы» (по рукописи XVII вѣка); тамъ между нашими языческими божествами исчислены: Перунъ, *Троянъ*, Хорсъ, Велесъ.

Вообще такое пониманіе Трояна, какое изложено выше, какъ нельзя болѣе подтверждается смысломъ всего «Слова о П. Иг.» Это борьба свѣта, Дажьбожьихъ или Солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ Русичей, съ тьмою, съ погаными, съ Чернымъ Дивомъ, съ бѣсовскими сынами.

Другое мнѣніе: полагають, что этотъ Троянъ есть никто иной, какъ римскій императоръ Траянъ. Но историческимъ Траянѣмъ объясняются ли всѣ четыре мѣста «Слова», гдѣ упомянутъ Троянъ, и соотвѣтствуетъ ли онъ тому представленію земли Трояней, вѣковъ Троянихъ, которое я старался возстановить изъ словъ самого пѣвца? Во-первыхъ, земля Трояня у Дону, и вѣка Трояни на Руси до Ярославъ—заставляють допустить фактъ, никогда не бывалый, именно—вѣру въ пѣвцѣ и его современникахъ, Русскихъ, въ то, что римскій Траянъ господствовалъ въ южной Россіи вплоть до рѣки Дона и дальше, до Каспія, надъ всею незнаемою землею и по Сулѣ, и по Волгѣ, и проч.; что это владычество тянулось очень долгое время, которое пѣвецъ обозначаетъ вѣками Трояновыми, продолжая это господство и до Веслава или, по крайней мѣрѣ, до Брчислава Полоцкаго, ибо къ которому-нибудь изъ нихъ отнѣсится выраженіе: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». По этому толкованію тропа Трояня будетъ via Тгојана или валь Траяновъ въ Бессарабіи и въ Кіевской губерніи: зачѣмъ рыскалъ по этому валу, чтобы воспѣть Игоря, ходившаго въ другую сторону, не понимаю.

Впрочемъ, можно согласить оба толкованія: отъ историческаго Траяна, пожалуй, могло перейти въ Славянскій эпосъ только его имя (какъ позже у насъ имя Вольги (Олега), Ильи Муромца, Егорія Храбраго); какъ имя враждебнаго лица, оно попало не на божество свѣтлое, а на темное. На имя это можно, пожалуй, смотрѣть какъ на слѣдъ столкновенія Славянъ въ землѣ Даковъ и Гетовъ съ Римомъ или съ Траянѣмъ: но въ воображеніи современниковъ «Слова», безъ сомнѣнія, съ его именемъ не соединялось ничего римскаго, оно представлялось просто названіемъ темнаго бога, враждебнаго Дажь-богу, какъ противоположность Чернобога Бѣлбогу.

(6) Въ Старшей Эддѣ, во второй пѣснѣ о Гельгѣ, этотъ герой, говоря о своихъ подвигахъ, между прочимъ, выражается такъ: «я сдѣлалъ это, когда въ Брагалундрѣ недавно травилъ медвѣдей и ормовъ

кормилъ съ копыя», т. е. по изъясненію Гримма, «билъ враговъ, и тѣлами ихъ насыщаль орловъ». Гриммъ, изъясняя это мѣсто, вспоминалъ выраженіе о Курянахъ «Слова о П. И.»—«Конецъ копыя въскорьмлени», и прибавляетъ: «такъ какъ въ походѣ копыя употреблялись вмѣсто вилокъ».

(7) *Дневъ кличетъ върху древа*:—см. пр. 2. Все это мѣсто представляетъ великолѣпную картину тьмы (или Трояна), ополчающейся на сыновъ Солнца, на Дажьбожьихъ внуковъ. *Болванъ Тмутороканскій*: изъ словъ бояръ Святославовыхъ (см. ниже) можно заключить, что цѣлью похода Игорева было завоеваніе Тмуторокани, города на Таманскомъ полуостровѣ; подъ именемъ же Болвана Тмутороканскаго не разумѣется ли какая-нибудь статуя въ этомъ городѣ, остатокъ времени, когда по всему Черноморію процвѣтали греческія поселенія?

(8) *О Руская земля! уже за Шеломянемъ еси домо: ночь мръкнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичъ убуди. Русичи великая поля чръными щиты прегородиша*, и пр.

Слово *шеломя*—въ Архангельской губерніи и теперь означаетъ холмъ. Г. Вельтманъ полагаетъ, что здѣсь разумѣются Гребенныя горы, по правую сторону Донца, противъ рѣки Калитвы. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опредѣленъ путь Игоря. Ни рѣки Сальницы, ни Каялы, ни Сюурлія на картахъ не находится. Подъ общимъ именемъ Шеломя здѣсь не слѣдуетъ ли разумѣть водораздѣлъ между рѣками, текущими на востокъ въ Донъ и на западъ въ Донецъ, до сліянія послѣднихъ?

Ночь мръкнетъ и пр. Обыкновенно эту картину принимаютъ за изображеніе ночи; мнѣ кажется напротивъ, здѣсь собраны признаки ранняго утра. Померкнуть—говоря ъ чемъ-нибудь блестящемъ, значить угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значить и потерять свой цвѣтъ, погнѣнѣть, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. «ночь меркнетъ», значить, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т. е. стало свѣтать. *Заря-свѣтъ запала*—переводятъ: заря медитъ; скорѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ. *Мгла поля покрыла*—поднялся утренній туманъ (ниже:

объяснися снѣ мѣсѣ). *Щекотъ славіи успе*: соловья поютъ ночью,— тутъ же май мѣсяцъ, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки ранняго утра.

Поля прегородиша. Что хотѣлъ нарисовать пѣвецъ словами: «прегородиша поля» здѣсь и ниже: «дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрые Русичи червлеными щиты»,—лучше всѣхъ объяснено Шишковымъ. Перегородили поля, т. е. раздѣлили, разрѣзали поле на двѣ части, направо и налево, растянувшись по полю красною полосой—красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно, смотрящему издали, съ высоты, на тогдашнее русское войско болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же въ походѣ везли на возахъ, и только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа Русичи поганыхъ*.

(9) *Четыре солнца*, т. е. четыре Дажьбожьи внука, четверо князей участвовавшихъ въ походѣ: Игорь и Всеволодъ Святославичи, Владимиръ, сынъ этого Игоря, и Святославъ Ольговичъ, его племянникъ.

(10) *Отступиша*. Вм. отступиша должно быть обступиша (Снегиревъ, Вельтманъ).

(11) Ср. прим. 7. Шишковъ такъ изъясняетъ это мѣсто: «Половцы, преградя поле, т. е. растянувшись по всему оному, съ крикомъ бросились на Русскихъ, которые въ молчаніи противопоставили имъ щиты свои».

(12) Изображая подвиги Всеволода, пѣвецъ вездѣ говоритъ: прышешь *стрѣлами*, гремлешь *мечами*; поскреблены шелома аварскіе *саблями отъ тебя*... Съ перваго разу странно, отчего сабли, мечи стоять во множественномъ числѣ? Но тутъ слѣдуетъ понимать такъ, что Всеволодъ рыщетъ посреди сражающихся, окруженный храброю дружиной. *Кая раны дорога, братіе* и пр. Выраженіе не легко объяснимое. Эрбенъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать здѣсь не *раны*, а *рать*, и передаетъ такъ все мѣсто: какой же былъ то дорогой бой, что про него забылъ онъ (Всеволодъ) и «чти и живота и града Чернигова», и пр. Но это едва ли можно принять.

(13) Все это отступленіе есть одно изъ темныхъ и наиболѣе запутанныхъ толкованіями мѣстъ «Слова». Чтобы его понять, я старался

прежде всего опредѣлить отношенія пѣвца къ княжескимъ родамъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ въ своемъ возрѣніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ составитель лѣтописи, который, сводя разныя сказыанія сторонниковъ Мономаховичей и Ольговичей, выписываетъ изъ тѣхъ и другихъ какъ-бы механически—отчего у него и выходитъ, что Богъ и Пресвятая Богородица помогаютъ то Ольговичу, то Мономаховичу. Пѣвецъ же безъ особеннаго пристрастія смотритъ на всѣ поколѣнія князей; онъ не сторонникъ Мономаховичей, да и не сторонникъ Ольговичей. Онъ упоминаетъ о старомъ Владимірѣ (въ которомъ, по всѣмъ наиболѣе достойнымъ уваженіямъ исследователямъ, какъ напр. г. Соловьевъ, разумѣютъ Мономаха), говоритъ о немъ, какъ объ идеальнѣйшемъ князѣ: «того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ стана стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы» (его внуковъ). Во-вторыхъ, въ характеристикѣ князей (см. ниже) пѣвецъ восхваляетъ его потомковъ: Всеволода Суздальскаго, Рюрика и Давида, троихъ сыновей Мстислава Храбраго, Романа Волынскаго. Точно также прославляетъ и Ольговичей за храбрость: Святослава Кіевскаго, его брата Ярославъ, наконецъ Игоря и Всеволода, героевъ поэмы, Олега же положительно винитъ въ бѣдствіяхъ Русской земли: онъ мечомъ ковалъ крамолу, сѣялъ стрѣлы по землѣ. Такимъ образомъ мы видимъ у пѣвца взглядъ на дѣла Руси широкой и осмысленной; точка его опоры, съ которой онъ произноситъ судъ свой—есть благо земли, единство народа, страдающаго отъ княжескихъ усобицъ (см. прим. 16).

Что касается собственно до эпизодовъ изъ жизни Олега, пѣвецъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее событіе: по смерти братьевъ, Всеволодъ и Изяславъ Ярославичи подѣлили, какъ старшіе, ихъ удѣлы, и посадили тамъ своихъ сыновей, устранивъ племянниковъ. Изъ послѣднихъ двое, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, пошли изъ Тмуторокани добывать себѣ своихъ отчизнъ у дядей. Въ прошедшемъ сраженіи при Нежатиной нивѣ, по розысканію гг. Снегирева и Максимовича, близъ села Кавина, были убиты Борисъ и великій князь Изяславъ (см. ниже 13, 14, 15 и 16).

Были отци Трояни: т. е. были вѣки, когда Троянъ, мракъ, царствовалъ до прихода сыновъ солнца - Дажьбога по всей землѣ, которая

уже по занятіи ими и сдѣлалась свѣтлою. До тѣхъ поръ и она была темная, незнаемая, Троянова (см. подробнѣ прим. 5).

(14) *Тожже звогъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволоды а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ...* Для большой ясности я, вмѣсто общаго выраженія: *ступаетъ въ златъ стремень* (Олеги), сказала: «протрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани». Всеволодъ, сидѣвшій въ Переяславѣ, ближе къ Тмуторокани, слышалъ *звонъ*, т. е. вѣсть о походѣ Олега, а Владиміръ, занимавшій Черниговъ, на который претендовалъ Олегъ, съ утра *уши закладаше*. Обыкновенно толкуютъ, что онъ зажималъ свои уши—выходила безсмыслица. Здѣсь *уши* не означаютъ органъ слуха, а малыя калитки, какія дѣлавались въ стѣнахъ, по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: «скорый верблюдъ пройдетъ въ иллиныя уши, чѣмъ богатый увидетъ въ царствіе небесное», т. е. скорый пройдетъ верблюдъ въ малыя калитки, которыя у Евреевъ и назывались «игольные уши», и эти ворота закладывались закладками, что дѣлалъ и Владиміръ, ежеминутно ожидая нападенія Олега.

(15) *И на камину зелену наполому постла.* Г. Снегиревъ въ объясненіе приводитъ изъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1152 г.: «поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновъ, и стапа у Гуричева, близъ города, перешедше Канинь».

(16) Еще спорное мѣсто, которое объясняется открытіемъ значенія слова Каниня. Въ текстѣ ошибочно постановлено вм. Канины или Канини—Каяны, и кромѣ того, вм. Ярополка поставленъ Святополкъ: подобное смѣшеніе именъ весьма часто встрѣчается въ текстѣ, на что я укажу въ своемъ мѣстѣ (см. прим. 24). Эти очевидныя теперь ошибки переписчиковъ подали поводъ къ толкованію, которое нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, а именно думали, что здѣсь говорится будто бы о Святополкѣ Изяславовичѣ, который увезъ тѣло тестя своего Тугоркана съ битвы на Каялѣ; но эта битва была гораздо позже. Здѣсь идетъ рѣчь все о той же битвѣ при Канинѣ: Изяславъ былъ убитъ, и сынъ его Ярополкъ былъ при немъ въ сраженіи; другой же сынъ Святополкъ въ это время находился въ Новгородѣ.

(17) *Тогда при Олегъ Гориславичи стьянется и растяшетъ*

усобицами. Я принялъ толкованіе г. Вельмана, что здѣсь слово Гориславичи означаетъ потомковъ Рогнѣды, отъ ея сына Изяслава, Полоцкихъ князей Брячислава, Всеслава и его потомковъ. Гориславою, по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя *приняла сама*; Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской (см. прим. 13). Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Невозможно сказать напр. многострадальный и о томъ, кто много страдалъ, и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволяетъ сказать: *Иовъ многострадальный и многострадальный Неронъ?* Поэтому мѣсто это правильнѣе передать такъ: «при томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т. е. и отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ, сокращались вѣки челоуѣковъ» и пр. Но, возразятъ мнѣ тѣ, которые задались мыслью, что пѣвецъ нашъ черниговскій пѣвецъ, и Олега онъ называлъ Гориславичемъ, сочувствуя его бѣдамъ. Но тогда зачѣмъ же пѣвецъ винить его въ бѣдствіяхъ земли (см. прим. 13)? Да и почему онъ черниговскій сторонникъ? Если онъ и былъ изъ княжихъ пѣвцовъ, то у Сѣверскихъ князей, а это — ужъ другая, младшая линія Ольговичей, не очень дорожившая черниговскими интересами и вообще державшаяся какъ-то въ сторонѣ. Черниговскимъ же сторонникомъ и сочли пѣвца главное на основаніи этого худо понятаго слова «Гориславичи», отнеся его къ Олегу.

(18) Этотъ эпизодъ явленія Дѣвы-Обиды до сна Святославова, есть, на мой взглядъ, одно изъ самыхъ капитальныхъ мѣстъ поэмы; но сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія его я до сихъ поръ не видалъ. Предлагаю свою догадку, основанную на психологическомъ значеніи этого прекраснаго поэтическаго образа. Текстъ гласитъ такъ: «Уже пустыня силу прикрыла, встала Обида въ силахъ Дажьбожьихъ внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирна времена; усобица княземъ на поганыхъ погыбе» и пр. Что такое это за великолѣпный образъ Дѣвы-Обиды? Что она выражаетъ и для чего выведена?—Во-первыхъ, ясно, что она принадлежитъ не къ темному міру Трояна, не къ враждебному Диву, не къ Половецкой сторонѣ, а

является на сторонѣ Русичей, ибо встала «въ силахъ Дажьбожья внука». Далѣе сказано, что она вступила въ землю Трояню *у Дона*, т. е. на Половецкую землю у Дона, а у Дона (или близъ Дона) послѣ сраженія была только одна сила-ратъ Игорева, и то побитая. Слѣдовательно, дѣва является надъ полемъ битвы, гдѣ лежало побитое войско Игоря. Какое же значеніе имѣеть образъ лебединой дѣвы? Обращаясь къ источнику нашей древней мифологіи, къ арійскимъ преданіямъ, мы находимъ въ нихъ вѣрованіе, что души умершихъ возносятся въ царство свѣта, въ звѣздные предѣлы, дѣвы же лебединными крылами. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ тоже лебединныхъ дѣвъ, но значеніе ихъ опредѣлить трудно; можно догадываться только, что древнее значеніе ихъ, какъ крылатыхъ духовъ, народъ перенесъ потомъ на ангеловъ, приносящихъ и уносящихъ на небо души людей. Въ памятникахъ скандинавскихъ образъ этихъ дѣвъ является гораздо опредѣленнѣе, и имѣлъ свое развитіе: небесныя дѣвы, прилетавшія принимать души павшихъ героевъ, являются тамъ въ образѣ дѣвъ-воительницъ, Валкирій, олицетворявшихъ самую битву и разные ея моменты, отъ которыхъ и получили разныя названія, напр. Гильдра-Битва, Рандгрита и пр. Кажется, объясненіе Дѣвы-Обиды слѣдуетъ искать въ рядѣ представленій этого рода, т. е. какъ дѣвы, явившейся надъ павшею ратью и олицетворяющей чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укору виновнику пораженія. Но кто же могъ болѣе чувствовать этотъ позоръ? Конечно, пережившій виновникъ онаго — Игорь. Такимъ образомъ, эта дѣва получаетъ уже характеръ личный; психологическая сторона этого образа — будетъ дума Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума, преслѣдующая его, дума о томъ, что тамъ, за нимъ, лежитъ эта погубленная имъ сила-ратъ, укоряющая и обвиняющая его; сила-ратъ, которую уже для него *нустыня прикрыла*, т. е. она скрылась уже изъ глазъ его. И въ самомъ дѣлѣ, все послѣдующее мѣсто до сна Святослава звучитъ укормомъ Игорю, слѣдовательно, все тѣсно связано съ образомъ Дѣвы-Обиды и тѣмъ даетъ ему смыслъ и объясняетъ ее. Да и въ текстѣ нисколько не отдѣляется явленіе дѣвы отъ этой тирады. Никто не оспариваетъ, что фраза: «убуди жирня времена» относится къ ней; слѣдующая за ней: «усобица княземъ на поганья погыбе» и пр. не

посредственно съ нею вяжется, какъ дальнѣйшее ея развитіе. Вложена ли пѣвцомъ въ уста этой дѣвы вся эта укорительная тирада, или перефразируетъ ее пѣвецъ своими словами,—угадать трудно, но смыслъ ясенъ, что она, т. е. эта тирада, относится къ Игорю; иными словами, что это его дума, его укору себѣ: «далече зайде, соколь, птиць бія къ морю!.. Ти бо два храбрая Святославича Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди... Нѣмцы и Венедицы... хвалятъ Святослава... кають Игоря, иже погрузи жирь въ Каялѣ»... да тутъ-же «и высѣде изъ злата сѣдла въ сѣдло Кошчево»... Это все звучитъ горькою ироніей, все это долженъ былъ думать Игорь, влекомый въ плѣнъ.

Сравненіе этого мѣста съ соотвѣствующимъ ему въ лѣтописи еще болѣе убѣждаетъ меня въ лирическомъ значеніи этой тирады; тотчасъ за рассказомъ о плѣненіи князей лѣтописецъ помѣстилъ у себя длинную рѣчь Игоря, укору, которые онъ себѣ дѣлаетъ, только лѣтописецъ излагаетъ ихъ, конечно, въ религіозномъ духѣ: «помянухъ азъ грѣхи своя передъ Господомъ... не мало зло подѣяша безвиннии христіане отлучаеми отъ отецъ роженій своихъ, братъ отъ брата» и пр.

Обращаю еще вниманіе на художественное значеніе этой тирады, придающей драматической интересъ Игорю: не разъ замѣчали, что пѣвецъ больше хвалитъ Всеволода, чѣмъ Игоря, и Всеволодъ потому скорѣе могъ бы быть названъ главнымъ героемъ поэмы, ибо Игорь какъ бы совсѣмъ въ ней пропадаетъ. Пѣвецъ однако назвалъ свою поаму пѣсню объ Игорѣ, значитъ, считалъ его главнымъ лицомъ; это такъ и выйдетъ, если мы возвратимъ его герою все, чѣмъ возвысилъ его поэтъ, вложивъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Такимъ образомъ, восстанавливается плѣнительный, осмысленный образъ Игоря, передъ которымъ — блѣднѣетъ храбрый Всеволодъ... Въ томъ мѣстѣ, которое называютъ плачемъ Ярославны, окажется еще другая, нѣжная, сердечная сторона этого князя, сообщающая ему особенную привлекательность—и прочтя поэму, мы поймемъ, почему она названа пѣсню объ Игорѣ.

(19) Это мѣсто такъ стоитъ текстъ: «за нимъ (за падшимъ полкомъ Игоревымъ) кликну Карнаижля (въ Екат. списокъ: Карна и Жля) поскочи по Русской земли, смигу мычючи въ пламятъ розъ» (въ Екат. сп.: *смату модямъ мычючи*). Обыкновенно понимаютъ, что за

ними (т. е. за побитыми полками?) половецкіе ханы Карна и Жля кликнули и поскочили по Русской землѣ, стрѣляя греческимъ огнемъ... Уже г. Вельтманъ разбилъ этихъ хановъ, показавъ, что лѣтописи почти слово въ слово повторяютъ выраженіе лѣвца; а тамъ сказано: «и тако въ день Воскресенія (Господь) наведе на ны *плачь* и *жаль*, на рѣцѣ Каялѣ». Въ Ипатьевской лѣтописи: «въ радости мѣсто наведе на ны плачь, а веселье мѣсто *жело*». Итакъ одинъ изъ хановъ пропадаетъ съ объясненіемъ словомъ *жель*, которое есть то же, что лѣтописное *жель*, *жаль*, жалость, скорбь. Но если Жля—не ханъ, то очевидно и товарищъ его Карна тоже не изъ половецкихъ кагановъ. И въ самомъ дѣлѣ, вм. *Карна* должно читать: карья или карьба, отъ глагола *карити*, плакаться, причитать по умершимъ (см. Востокова «Ц. Слав. словарь»). Слѣдовательно, и выйдетъ: кликнули поминанія и жалость, плачь, печаль, скорбь поскочила по Русской землѣ. Остается теперь покончить съ греческимъ огнемъ. Сдѣлавъ предположеніе: не разумѣется ли здѣсь какой-нибудь обычай при поминкахъ или тризнахъ языческихъ, оставшіяся еще въ XII вѣкѣ отъ временъ сожганаія тѣл — я въ эту сторону направилъ свои поиски и нашелъ у Терещенка слѣдующее: «Въ Силезіи, въ Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ народъ ходилъ марта 1-го съ зажженными факелами на кладбища и приносилъ жертвы усопшимъ». У г. Аванасьева этотъ обычай Лужичанъ поясненъ: «Весною въ воскресенье четвертой недѣли поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, Лужичане ходятъ на Тодесбергъ, съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» Славонцы ходятъ 1-го марта. Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія, зажигаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и употребленіе свѣчъ при поминкахъ извѣстны съ глубочайшей древности». (Аван. Возр., т. III, стр. 205, 206). Прибавлю къ этому еще, что въ Бѣлоруссіи, какъ мнѣ сказывали, хѣтъ тридцать тому назадъ, въ день поминаенія всѣхъ усопшихъ, 1-го ноября (по католическому обряду), совершались процессіи на кладбища, послѣ службы, при чемъ каждый изъ прихожанъ несъ зажженную свѣчу. Извѣстно, что въ древности тѣла мертвыхъ у насъ со-

жигали: вывелось сожженіе тѣлъ, но присутствіе съ огнемъ на похоронахъ и поминкахъ осталось. Поэтому разсматриваемое мѣсто въ «Словѣ» надо понимать такъ: «По падшимъ кликнули поминки, причтанія, и скорбь поскочила по Русской землѣ, меча людямъ (т. е. мужамъ) зажженные факелы». Въ текстѣ стоитъ *смагу* мычучи; не описка ли это вмѣсто *смогу*? Впрочемъ и *смаа* означаетъ жаръ. Такимъ образомъ Карья и Желя олицетворены здѣсь въ образахъ родственныхъ Дѣвъ-Обидѣ, и изображаютъ разные виды бѣдствія, какъ у Скандинавовъ Валкирин изображаютъ разные моменты боя.

Принявъ это, найдемъ строгую послѣдовательность рѣчи и красокъ въ этомъ мѣстѣ у пѣвца, ибо вслѣдъ за картиной мужей съ факелами, о женщинахъ говорится: «жоны въсплакашась, аркучи»... Остановлю вниманіе читателя на красотѣ всей этой языческой картины скорбныхъ поминокъ по падшимъ воинамъ храбраго полка Игорева и на томъ, что вся эта картина рисуется въ воображеніи Игоря...

(20) Въ текстѣ: «*а встона бо, братіе, Киевѣ*»... Я выше сказала (въ прим. 17), что вся эта тирада объясняетъ смыслъ или характеръ Дѣвы-Обиды, влагааетъ ли пѣвецъ ее въ уста самой дѣвы, или разъясняетъ ее своими словами. Если бы здѣсь не было слово *братіе*, я, не усумнясь, утверждала бы первое, т. е. что тирада говорится отъ лица ея.

(21) Забрало, кромѣ извѣстной части шлема, значить еще: *стѣна, башня*.

(22) *На кровати тисовѣ*. Это не тесовая кровать, а изъ тиса (*taxus*, if).

Въ подлинникѣ: *нпгуютъ мя*; по толкованію г. Прахова, здѣсь должно бытъ: негодовахуть мя. Въ извѣстномъ евангельскомъ выраженіи: *камень, его-же небрегоша зиждущи, той бысть во главу угла*, вмѣсто словъ: *его-же небрегоша*, стоять въ древнихъ спискахъ: *его-же негодоваша*—на который не обращали вниманія, котораго не считали достойнымъ вниманія, на который и не смотрѣли; въ лѣтописяхъ нашихъ также попадаетъ выраженіе: негодовать кого-либо—пренебрегать кѣмъ, не обращать на него вниманія; предложеніе это стояло, очевидно, подъ титломъ и притомъ, вѣроятно, неврѣно было написано (ѣ): него (х)уть мя или нѣго(х)уть мя; смыслъ слѣдовательно

быть: не обращали на меня никакого вниманія, какъ будто бь меня в нѣтъ совсѣмъ въ-gridницѣ. Князь рассказываетъ сонъ дурного знаменованья: одѣвали меня (одѣвахуть мя), говорить онъ, погребальнымъ покровомъ, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ (сыпахуть ми жемчугъ—слезы), и распоряжались (т. е. всѣ эти зловѣщія тѣни сна) въ моемъ покоѣ, какъ будто бь меня тутъ и не было, какъ это бываетъ съ находящимися при послѣднемъ издыханіи, если не совсѣмъ мертвыми (и негодовахуть мя). (*Объясненіе М. В. Прахова*).

Сыпахуть ми, тѣщи ми тулы поганихъ тѣлковинъ женчюгъ на моно. Толковины—кочевники: здѣсь разумѣть должно Половцевъ, ибо отъ нихъ пришли Святославу слезы, прообразуемыя жемчугомъ.

(23) Многочисленныя толкованія этого выраженія: *дебрь Кисаня*, по моему, всѣ неудовлетворительны; я оставилъ его, какъ оно стоитъ въ подлинникѣ. *Босуви врани*, сближаю съ босымъ или бусымъ волкомъ (см. ниже)—темные, черные. *И не сошлю къ синему морю*—по зам. А. О. Гильфердинга, *и несошася*.

Болѣе всѣхъ остроумно чтеніе М. А. Максимовича: «Всю ночь съ вечера на Бусовицѣ (Бусова гора) враны жаркали; у Пльньска на болони (т. е. на заливномъ лугу) сдѣлалась дебрь (провалы, овраги), а Кіане (вм. Кисаня) сошли къ синему морю», т. е. ушли, бросили городъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе четыре стиха Святослава сна можно бы измѣнить такъ:

«Во всю ночь на Бусовицѣ враны
До утра прокаркали; у Пльньска,
Вмѣсто дуга стала дебрь, провалы,
Кіевляне жь вниязъ ушли всѣ, къ морю».

(24) Въ текстѣ стоитъ: *Олеги* и *Святославъ*, и названы они молодыми мѣсяцами, въ означеніе младшихъ князей: это ошибка. Два сонца — Игорь и Всеволодъ; два мѣсяца — Владиміръ (а не Олегъ) Игоревичъ, и Святославъ Ольговичъ. Фразу: «и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови», стоящую въ подлинникѣ непосредственно за предложеніемъ: «По Руской земли прострошася Половци, аки пардрузе гяѣздо»,—я перенесъ выше, къ словамъ о Владимірѣ и Олегѣ, по соответствію времени глаголовъ: *поволокоста*, *погрузиста*

(указаніе г. Прахова): *Море* же, понимать здѣсь надобно, думаю, въ смыслѣ *неба*, т. е. въ небесныхъ безднахъ (Аван., т. II, гл. XVI).

(25) *Бусовы* побѣды: Бусъ или Боусъ, предводитель Половцевъ въ первое ихъ нашествіе въ 1054 г.; *Шируканъ* былъ разбитъ Русскими князьями въ 1111 году. Выраженіе — *Готскія дѣла* напоминаетъ о томъ, что внутренняя часть Крыма называлась Готіей, такъ какъ тамъ жили еще остатки Готовъ, зашедшихъ сюда около VI-го вѣка.

(26) *Сыновцы*: Всеволодь и Игорь были двоюродные братья Святославу Всеволодовичу Кіевскому, но онъ, какъ старѣйшій, былъ имъ «во отца мѣсто».

(27) «Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава» и пр. Такъ я передалъ слова текста: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многого брата моего Ярослава». *Власть* здѣсь не значить *область*; его Черниговская область не пропадала, онъ не терялъ ея; кажется, здѣсь разумѣется могущество, сила, войско. По заключенію г. Максимовича, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава идти вмѣстѣ съ братомъ (Святославомъ) на Половцевъ въ 1184 и въ 1185 годахъ. Смыслъ тотъ, что «Ярославъ мнѣ не помощникъ, что очень жаль великому князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ черниговскихъ былей и другихъ удальцовъ, беретъ въ храбрости примѣръ съ дѣдовъ, а вы, Игорь и Всеволодь, возмнили: сдѣлаемъ все сами». Слово *были* производятъ отъ бояринъ и полагають, что имъ означалась знатная молодежь, отправлявшаяся служить какому-нибудь князю, туда, гдѣ война. Вѣроятно, такого рода удальцы стекались подъ знамена князей изъ разныхъ мѣстностей: таковы, вѣроятно, и названные въ текстѣ вслѣдъ за черниговскими былями Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги, Ольбѣры. Названія эти — не объяснены.

(28) См. прим. 43.

(29) Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича, слѣдовательно, племянникъ Всеволода Юрьевича Суздальскаго; вотъ почему Святославъ и обращается прямо къ послѣднему, какъ къ родному дядѣ Владиміра. *Аще бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а Кощей по резанъ*. *Чага* — плѣнница; *кощей* — плѣнникъ,

рабъ — но кажется преимущественно изъ Половцевъ. *Нога и рязань* — монеты. (Прим. г. Тихонравова).

(30) «Ты бо можеши по суху живыми *шереширь* стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы». — Это дѣти Глѣба, Рязанскіе князья, бывшіе уже въ зависимости отъ Всеволода Суздальскаго; сказавъ уже о его походахъ по рѣкамъ, пѣвецъ говорить: «ты можешь и по суху стрѣлять». Живыми *шереширь*: Шереширь слово не объясненное. По персидски шере-ширъ значить *левъ свиртлый*. Я принялъ толкованіе помѣщенное въ «Изв. Моск. Унив.» 1866 — 67 года, № 2, стр. 168, что «Не есть ли это греческое *сарисса*, что значить *стрѣла*, съ византійскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ *арі*, *аріов*. Въ средневѣковой латыни есть слово *sageza*, *sagesonium* — копье».

(31) *Не знаю ли значеныи шеломи по крови плаваша*. *Ваяю*: это родит. пад. двойств. числа, личнаго мѣстоименія второго лица. *Плаваша* третье лицо множ. числа. Не должно ли подразумѣвать подлежащее «дружины»?

Оба эти Рюрикъ (ум. 1195 г.) и Давидъ (ум. 1197 г.) сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владиміра Мономаха.

(32) Ярославъ (ум. 1188 г.) Галицкій, сынъ Владимірка Володаревича; Володарь — братъ ослѣпленнаго Василька, внука Владиміра, старшаго сына Ярослава Великаго. Онъ названъ въ «Словѣ» Осмомысломъ: г. Вельтманъ полагаетъ, что это худо прочтенное слово Остромысль, что гораздо правдоподобнѣе. Въ обращеніи къ Ярославу есть одно непонятное выраженіе: меча *времени* черезъ облакы. Г. Вельтманъ читаетъ бремены: такъ принято и г. Тихонравовымъ; чешскій ученый г. Яроміръ Эрбенъ, въ своемъ чешскомъ переводѣ, понимаетъ здѣсь метаніе камней пращами; мною принято его толкованіе. *Стрѣляеши солтани за землями*; г. Дубенскій замѣчаетъ, что Галичане могли участвовать въ крестовыхъ походахъ вмѣстѣ съ Утрами.

(33) «А ты, буй Романе и Мстиславе!» Все обращеніе къ Роману есть мѣсто, наиболѣе затруднявшее переводчиковъ; поэтому считаю нужнымъ подробнѣе высказать, какъ я его понималъ. Первое, что сбивало съ толку, это то, что пѣвецъ говорить здѣсь то въ двойственномъ, то въ единственномъ числѣ, отчего нѣкоторые полагають, что

стоящее въ единственномъ числѣ должно быть переставлено выше, въ воззваніе къ Ярославу Галицкому, а именно, фраза: *высоко плаваеши на дѣло въ бустѣ яко соколъ на вѣтрѣхъ ширялся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти*. Но образъ, рисующійся здѣсь, никакъ нельзя отнести къ Ярославу, довершившему уже свое дѣло, а напротивъ онъ скорѣе всего подходитъ къ мужу въ разгарѣ силъ, и именно скорѣе виденъ здѣсь намекъ на планы Романа, который хотѣлъ въ южной Руси сдѣлать то же, что Всеволодъ на сѣверѣ, т. е. собрать ее подъ одну свою руку (см. Исторію Соловьева и еще письмо Романово у Татищева). Но кромѣ этого внутренняго несоответствія, мнѣ кажется, и надобности нѣтъ въ этой перестановкѣ; стоять только опредѣлить, кто этотъ Мстиславъ, поставленный рядомъ съ Романомъ. Это не Мстиславъ Храбрый, умершій до похода Игорева, въ 1173 году; не сынъ его Мстиславъ Удалой, вышедшій на арену позже похода; первое о немъ извѣстіе относится къ 1193 году. Г. Максимовичъ весьма основательно указываетъ на Мстислава Пересопницкаго; первое о немъ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1183 году по поводу участія его въ половецкомъ походѣ; умеръ же онъ въ 1226 г., двумя годами раньше Мстислава Удалого и двадцатью однимъ годомъ позже Романа. О немъ Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что на Калкѣ онъ устремился спасать Данила Романовича: «бѣ бо мужъ крѣпокъ...» и «велику любовь имѣя къ отцу его», т. е. къ Роману. Изъ этихъ данныхъ видимъ, что онъ былъ моложе Романа. Въ «Словѣ» онъ является его товарищемъ въ войнахъ съ Деремелой, Ятвягами, Литвою и Половцами; очевидно, это былъ храбрый князь, но великихъ замысловъ въ немъ не замѣтно; и скорѣе онъ похожъ на подручника Романова. Вотъ почему, когда говорится о храбрости, о военныхъ дѣлахъ, пѣвецъ обращается къ обоимъ; когда же говоритъ о замыслахъ, о починѣ—къ одному, и именно къ Роману. Такъ, похваливъ храбрость обоихъ, пѣвецъ обращается уже къ одному Роману, призывая его искать славы на Дону: «Донъ ти, княже, кличетъ».

„Суть бо у ваю жельзными папорзи подѣ шеломи латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны хинова“. Папорзи—г. Тихонравовъ объясняетъ: верхняя часть брони, которую надѣвали на перси, на грудъ. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ

слова: папоротокъ). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ предлогъ *подъ* возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать *подъ шеломомъ* нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры *подъ шеломомъ*; крылья тоже — какъ могутъ быть *подъ шеломомъ*? Очевидно, что папорзи—это какая-нибудь принадлежность шелома; мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь, ближе всего удовлетворяетъ смыслу. Латинское вооруженіе у Романа не объясняется ли тѣмъ, что онъ воспитывался при дворѣ Казимира Справедливаго, польскаго короля, жена котораго Елена была дочь Всеволода Белзскаго? Съ помощью же Поляковъ онъ овладѣлъ и Галичемъ. Но является еще сомнѣніе. Папорзи—точно ли это часть вооруженія? Сообразимъ первое предложеніе: «суть бо у ваю желѣзныя папорзи»... со слѣдующимъ за нимъ: «Тѣми тресну земля.. Литва, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша *подъ тми мечи харалужныи*». *Тми тресну земля*: *подъ папорзами?* *подъ частью брони?* Не особые ли латники въ желѣзной бронѣ здѣсь разумѣются? Да и мечи харалужные какъ будто бы ихніе, т. е. что *подъ ихъ мечами* главы свои преклонили Литва, Деремела и пр.

(34) «Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ солнцу свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони». См. прим. 43.

(35) Ингварь (ум. 1202 г.) и Всеволодъ, сыновья Ярослава Изяславича Лудкаго, внука Мстислава I. У Ярослава Лудкаго было четверо сыновей, но въ это время (въ 1185 г.) двое были, вѣроятно, еще малолѣтніе, судя по годамъ, когда всѣ они женились: Всеволодъ—въ 1167 г., Ингварь—въ годъ смерти отца—въ 1180, Изяславъ только въ 1195, а Мстиславъ въ 1224 г. Вотъ почему пѣвецъ призываетъ только двоихъ старшихъ. «Три Мстиславичи» составляли искомое, которое различно опредѣлялось изслѣдователями. По моему, здѣсь разумѣются три сына Мстислава Храбраго: Мстиславъ, впоследствии названный Удалымъ (ум. 1224 г.), Владиміръ и Давидъ (ум. 1214 г.), князья еще молодые. „*Не худа нтъзда шестокрыльци*“: кажется, пѣвецъ употребилъ это слово шестокрыльцы вмѣсто *птеницъ*.

(36) «И скотлю на кровать, и рѣкъ: Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ». Мѣсто очень темное. Трудно опредѣлить: сочувственно

относится пѣвецъ къ Изяславу Васильковичу, или не исключаетъ и его изъ общаго нерасположенія своего къ Полоцкимъ князьямъ? Этотъ вопросъ рѣшится только въ томъ случаѣ, когда будетъ определено, самъ ли Изяславъ говорилъ о своей дружинѣ, въ видѣ укора себѣ, или посторонній то приговоръ надъ нимъ. Въ первомъ случаѣ—пѣвецъ за него, во второмъ—противъ. Я принялъ въ первомъ смыслѣ, основываясь на словѣ *рекъ*—3-е лицо ед. ч., и на трогательномъ изображеніи его смерти. — *И схоти ю*: я принялъ по толкованію г. Вельмана: *схити и*, взяли его, положили на кровать.

(37) Мѣсто очевидно плохо разобранное: *Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣкѣ Трояни* (въ другомъ спискѣ Зояни). *На седьмомъ вѣкѣ Трояни*: въ прим. 5, я сказалъ, что безъ особенныхъ данныхъ о лѣтосчисленіи на Руси языческой этого мѣста объяснить нельзя. Г. Дубенскій такъ переводитъ текстъ: «ибо вы своими крамолами накликали поганыхъ на землю Русскую, на время Всеславова: и отъ нихъ тоже насиліе, которое терпятъ на Руси отъ земли Половецкой», — объясняя его такъ: «отъ восточныхъ границъ заднѣпровскихъ княженій поэтъ обращается къ сѣвернымъ и тамъ указываетъ на другихъ враговъ—Литовцевъ».

(38) „*Врѣже Всеславъ жребій о двѣцию себѣ лобу. Тѣи клоками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Києву, и дотчеся стружіемъ злата стола Києвскаго*“. Г. Вельманъ полагаетъ, что въ рукописи было *кляками*, и читаетъ подколѣнками. Г. Соловьевъ и Шевыревъ принимаютъ «кляками», говоря, что это деревянные стремена, хотя у князей всегда видимъ въ Словѣ златъ-стремень. Что бы ни значило это слово, картина не выясняется. Точно также и „*стружіемъ дотчеся*“. *О двѣцию лобу* г. Вельманъ читаетъ: *о дѣдину лобу*, разумѣя дѣдовское наследство, что мнѣ кажется весьма правдоподобно.

(39) *Нѣмига* принимается за Нѣманъ; но г. Вельманъ полагаетъ, что это рѣчка Нѣмига, впадающая въ Свислочь въ Минскѣ. Дубенскій думаетъ, что здѣсь разумѣется не битва Ярославичей со Всеславомъ, а вообще битвы Русскихъ съ Литвой и западомъ.

(40) Въ текстѣ «Великому Хрсьви», Хорсу.

(41) «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ» я принялъ чтеніе: *въ друзѣ тѣль*.

(42) Сего бо (Владимира) нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидови». Я выпустилъ собственныя имена, оставивъ только общій смыслъ. Въ слѣдующей фразѣ «нѣ рози нося имѣ хоботы машутъ» я послѣдовалъ чтенію Л. А. Мея: розно у нихъ хвостами машутся. *Копи поють на Дунаи*: Дунай я принялъ въ общемъ значеніи рѣки, какъ у насъ поется въ пѣсняхъ.

(43) Здѣсь оканчивается «злато слово слезами смѣшено» старца Святослава. Такъ его понимали всѣ первые издатели, переводчики и толкователи. Но въ послѣдствіи времени вздумали его укорачивать, и ограничили однимъ приступомъ, Л. А. Мей оканчиваетъ ее тамъ, гдѣ у меня стихъ:

Стонеть-тужить Глѣбовичъ удалый.

Г. Гербель — тоже. Гг. Вельманъ, Максимовичъ (въ малороссійскомъ переводѣ) и Деларю еще ранѣе, по моему тексту, стихомъ:

Времена тяжелья настали!

Князь П. П. Вяземскій прерываетъ на стихъ:

А полка ужъ Игорева нѣту!

За симъ все послѣдующее воззваніе къ князьямъ неизвѣстно кѣмъ говорится и является какъ лирическое мѣсто, которое объясняютъ тѣмъ, что тутъ пѣвецъ «въ порывѣ лирическаго одушевленія», забываетъ и оставляетъ уже своихъ героевъ, и самъ, отъ своего лица, начинаетъ звать къ князьямъ. При этомъ гг. Гербель и Вельманъ прерываютъ и этотъ лиризмъ, чтобъ объявить въ двухъ строчкахъ, что наступила осень, и что уже «Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони», (при чемъ г. Вельманъ въ текстѣ поправляетъ, вм. *не бологомъ*, читая *по болотамъ*). Послѣ краткаго объявленія о наступленіи осени опять продолжается воззваніе. Такой перерывъ органически невозможенъ. Эта осень — не болѣе какъ фигуральный языкъ пѣвца, именно, чтобы побудить Романа, онъ говоритъ устами Святослава: Игорь погибаетъ, не на благо отпадаетъ листъ отъ древа, т. е. однимъ такимъ княземъ меньше, и всѣмъ будетъ хуже. Такъ это было понято и Шишковымъ, и Дубенскимъ.

Такое урѣзаніе рѣчи Святослава есть существенная порча памятника. Началось оно, какъ кажется, вслѣдствіе сомнѣнія Карамзина, который находилъ неприличнымъ достоинству великаго князя обра-

щеніе къ другимъ князьямъ словомъ: господинъ («Ты, буй Рюриче и Давиде!.. вступиста, господина, въ злата стремя», и къ Ярославу Галицкому: «Стрѣлай, господине, Кончака»). Но сомнѣніе это нельзя было принять серьезно; во-первыхъ: такое ли значеніе въ XII вѣкѣ имѣло слово «господинъ», какъ, напримѣръ, при Іоаннѣ III, въ его преніяхъ съ Новгородцами? Можетъ быть, это была обыкновенная форма учтивости между князьями. Во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе слова самого пѣвца: онъ торжественно открываетъ рѣчь Святослава, назвавъ ее златымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ. Гдѣ же эти золотыя слова? Въ томъ, что оставляютъ за Святославомъ, не болѣе какъ жалоба на Всеволода и Игоря, да сѣтованіе на свою старость. Воззваніе же проникнуто тѣмъ духомъ любви къ Русской землѣ, чувствомъ народнаго единства, въ чемъ и есть задушевная мысль пѣвца, его идеалъ того, что бы должно дѣлать князьямъ и чего они не дѣлаютъ. Это-то воззваніе и можно назвать золотымъ словомъ, слезами окропленнымъ, и все оно логически вытекаетъ изъ капитальной мысли: князья мнѣ не помога! — Непонятно, какъ С. П. Шевыревъ, обладавшій такимъ поэтическимъ тактомъ, настаиваетъ, что все равно, отъ лица ли Святослава это воззваніе, или отъ лица пѣвца. Совершенно не все равно! Если мы возвратимъ эти слова Святославу, то посмотрите, что за величественный, Приамовскій образъ выходитъ изъ этого старца! Подобное-то раздробленіе слова на множество отдѣльныхъ мѣстъ и особенныхъ главъ, сдѣланное въ первый разъ, кажется, Сахаровымъ, и обратило этотъ цѣльный поэтическій памятникъ въ простой сборъ красивыхъ выраженій, повтореній, безъ всякой органической связи! Это были жемчугъ и камни, вырванные изъ драгоцѣннаго оклада; картина пропала; поставьте ихъ на мѣсто, и все получить смыслъ.

Прим. 1838 г. Съ гордостью могу указать, что въ открытыхъ недавно опытахъ перевода «Сл. о П. И.» Жуковского и Пушкина все это мѣсто, т. е. рѣчь Святослава, понято ими совершенно такъ же, какъ мною.

(44) Знаменитый плачъ Ярославны я старался передать, по возможности, сохраняя всѣ выраженія подлинника и избѣгая всякихъ ненужныхъ прибавленій словъ, развѣ только необходимыхъ для уясне-

нія нынѣшнему читателю образа, который долженъ былъ рисоваться въ воображеніи читателя XII вѣка. Вникая въ текстъ, я понялъ такъ, что все дѣло происходитъ въ воображеніи Игоря, находящагося въ плѣну. Въ текстѣ открывается эта сцена предложеніемъ безъ подлежащаго: *Ярославныя гласъ слышитъ*. Кто слышитъ? да кому же и слышать, кромѣ Игоря? *Землицю незнаемъ*: должно быть, «незнаемъ» мѣстный падежъ, то-есть: зегзицею въ незнакомой (такъ называлась степь) землѣ «райо кычеть». Игорь вспоминаетъ жену—на стѣнѣ въ Путивлѣ, какъ видѣлъ ее, вѣроятно, въ послѣдній разъ, уходя въ походъ: тоже черта глубоко психологическая! Разставаясь съ близкими сердцу, вы въ разлукѣ всегда воображаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанія:

Мои хладѣющія руки

Тебя старались удержатъ...

Слово «зегзица» обыкновенно у насъ принято переводить «кукушкой». Но въ живомъ народномъ языкѣ слово зѣгзица и теперь еще употребляется, г. Погосскій переводитъ его «ласточкой», и ссылается на то, что слышалъ въ Новгородской губерніи это названіе за ласточкой. Многіе изъ Вологодской губерніи удостовѣрили меня, что зегзицею тамъ называютъ черныхъ ласточекъ, стрижей. Наконецъ въ «Причитаньяхъ Сѣвернаго Края», собранныхъ г. Барсовымъ, ч. I, стр. 73, есть мѣсто:

И настанетъ весна красная,
Разольются быстры рѣченъки,
Налетятъ да птички *ластушки*,
Съры-малыя *Загозочки*.

(45) *Въ полѣ безводнѣ жаждою иже лучи, туюю сопряже иже туми затче* Палицынъ, въ своемъ переводѣ шестистопнымъ ямбомъ, такъ развиваетъ эту мысль:

О солнце красное!
Почто ты знойный лучъ, почто простерло свой
Супруга моего на рать въ безводномъ полѣ,
Томиму жаждою и не могущу болѣ
Ни луковъ напрягать, ни стрѣль пускать отъ мукъ,
Съ гортанью пламенной, изъ ослабѣвшихъ рукъ?

Какой же образ представляла себѣ Ярославна (или пѣвецъ) въ этомъ обращеніи къ Солнцу или Дажьбогу, лучше всего можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ одного изъ великорусскихъ заклинаній (которыя, замѣтимъ кстати, нагляднѣе всего рисуютъ намъ, какъ наши языческіе предки воображали себѣ боговъ своихъ):

«Пойду я къ Окянъ-мору: на томъ Окянъ-морѣ стоитъ столь-престолъ, на престолѣ стоитъ золотое блюдечко: и на томъ золотомъ блюдечкѣ стоитъ самъ..... мать человекъ, тугимъ лукомъ подперся, калеными стрѣлами подтыкался... Помолюсь ему о любимой скотинкѣ: И стрѣли ты, батюшко..... въ мою любимую скотинку своимъ тугимъ лукомъ и калеными стрѣлами въ ясныя очи, въ сырую кость» и пр. (Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр. 1869, т. II, 494). Сообразно этому представленію, вѣрнѣе было бы это обращеніе Ярославны къ Солнцу передать такъ:

«Солнце ты, Тресвѣтлое ты, Солнце!

«Ахъ для всѣхъ тепло, красно ты, Солнце!

«Что жъ равишь пальцами стрѣлами

«Лады воевъ на безводномъ полѣ,

«Сушишь — гнешь и пр.

(46) *Кликну стукну земля; вшумъ трава; веси половецкія подвизашася.* Кажется, Шишковъ правильнѣе всѣхъ видитъ здѣсь не всполохъ Половцевъ по поводу бѣгства Игоря (которое еще и не свершилось), а бурю, которую открывается эта картина: «присну море полунощи, идуть сморци мъглами». «Богъ кажетъ Игорю дорогу, именно воздвигши бурю, подъ шумъ которой ему легче уйти», говоритъ Шишковъ. Прибавлю къ этому изъясненію одно: здѣсь, кажется, должно разумѣть Дажьбога, указующаго дорогу. *Сморци*: нѣкоторые полагаютъ, что это не смерчи, какъ стоитъ у Востокова въ словарѣ, а сумерки. Но сейчасъ же будетъ: «погасоша вечеру зари» — зачѣмъ два раза одно и то же?

(47) Картина, выраженная мною въ этихъ пяти стихахъ, въ текстѣ стоитъ ниже, при погонѣ Гзака и Кончака; но туда очевидно она приставлена переписчикомъ; настоящее ея мѣсто здѣсь, по мнѣнію многихъ.

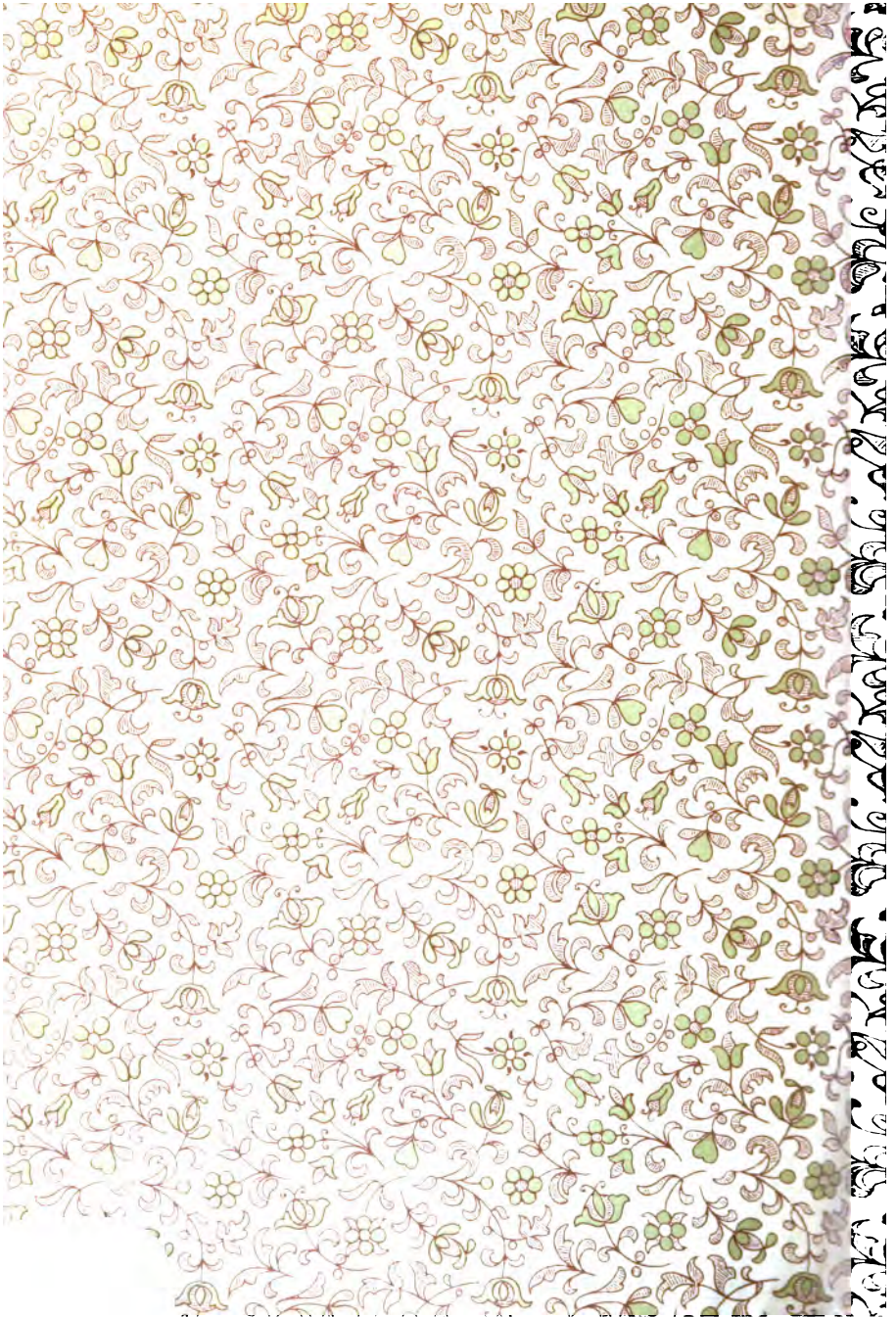
(48) Стѹгна впадаетъ въ Днѣпръ, повыше Триполя. Въ 1095 г.

Половцы разбили тут Русскихъ князей. При переправѣ черезъ разлившуюся тогда рѣку утонулъ Ростиславъ, братъ Мономаха, который чуть не погибъ тутъ самъ, спасая его. «Рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръжи чужи ручьи, и струги простре по кусту»— г. Максимовичъ замѣчаетъ, что здѣсь разумѣются не *струи*, водоплавныя суда, а «струга» (женск. р.), уменьшительное *стружка*: такъ и теперь въ поддѣпровской Украинѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышемъ... Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрые струги (протоки) по кустамъ и потопившей юнаго князя». (Укр. 112).

Въ словахъ Игоря къ Донцу говорится о *сребреныхъ* берегахъ этой рѣки. Этотъ эпитетъ взятъ отъ ковыля, которымъ покрытая степь кажется серебряною, или отъ мѣловыхъ горъ берега.

(49) Намекъ на дочь Кончака, на которой, дѣйствительно, будучи въ плѣну, Владиміръ Игоревичъ женился.

(50) «Рекъ Боянъ, и ходы на Святослава пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти»... Мѣсто не объясненное: я прямо отнесъ слова Бояна къ частымъ отлучкамъ стараго Святослава Игоревича (отца Владиміра Святаго) изъ своей земли.

Stanford University Libraries
3 6105 124 445 755

PG
33
M2
19
V.

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

JUN 8 - 1974

